

ПИОНЕР

ОКТЯБРЬ

Издательство «Правда» 1951 г.

10

П И О Н Е Р

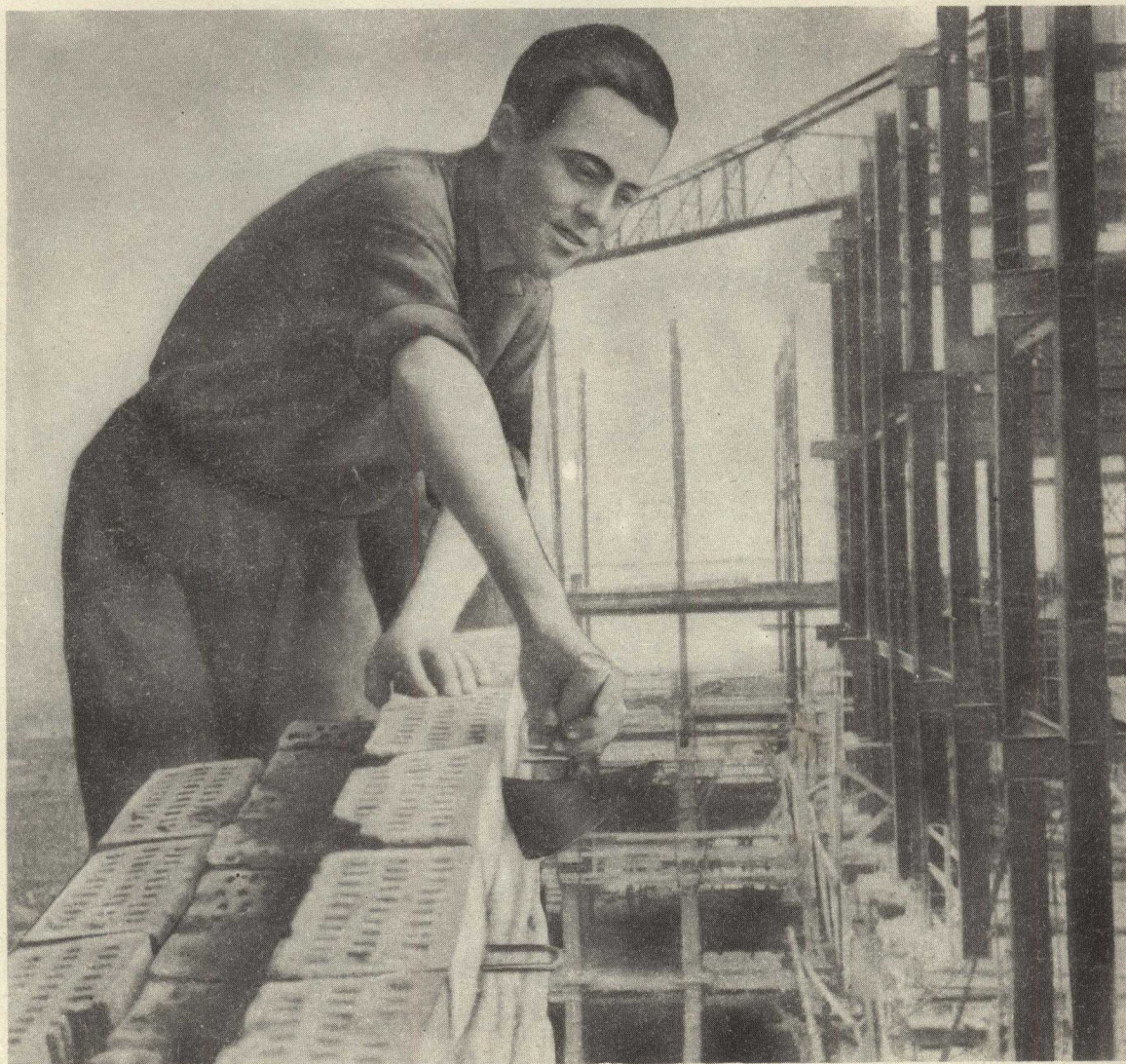
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 10

Октябрь

1951 г.

Миллионы советских людей, занятых мирным трудом, стремятся к одной великой цели: изо дня в день создавать изобилие, творить светлую, радостную жизнь, коммунизм.

Советский народ говорит: мы хотим строить красивые здания, прокладывать новые русла рек, соединять моря. Мы хотим в зелёные сады превратить пустыни, уничтожить топи и вечную мерзлоту. Мы трудимся в забоях, на буровых, в полях и лесах. Мы не хотим войны!

Миллионы советских людей ставят свою подпись под Обращением Всемирного Совета Мира

о подписании Пакта Мира между пятью великими державами. Свою подпись скрепляют они новыми и новыми подвигами в мирном труде.

Посмотрите на эту фотографию. Вот комсомолец Иван Стешин, молодой каменщик, работающий на строительстве одного из высотных домов Москвы. По норме надо класть полторы тысячи кирпичей. Иван Стешин укладывает две—три тысячи за смену. Подписав Обращение, он сказал: «Обещаю укладывать не три, а четыре тысячи кирпичей в смену. Это и будет мой вклад в дело мира».

В М О Р Е

Рассказ А. Некрасова

Рисунки П. Кузьмичёва

Весной, когда по всей стране отзвенели последние звонки в школах и до нового учебного года улеглись на покой задачки и тетради, на судах, идущих вниз к морю, стали появляться необычные пассажиры.

Кто с сундучком, кто с узелком, кто в тёплой шапке, кто в летнем платочке, а кто и так, с непокрытой головой, торопились они попытать рыбацкого счастья, хлебнуть солёного ветра, своими глазами повидать морские просторы...

На пристанях, провожая ребят, колхозники говорили:

— А чего же... Ребятам в охотку, пускай привыкают... А помощь, как ни говори, большая: и в руле постоят и в машине помогут. Или, допустим, сетку перебрать, силы тут много не нужно, а руки отцам развяжут...

Так говорили взрослые. А ребята, те больше молчали.. Широко раскрытыми, восторженными глазами они провожали птиц, летящих в небе, встречали корабли, идущие с моря, всматривались в мутные волны, нестерпимым блеском, горевшие в лучах жаркого солнца, и в камышовые крепи, зелёной стеной стоявшие у порога Каспия.

Трое таких пассажиров — два мальчика и девочка — плыли на рыбнице «Цапля».

«Цапля» заходила в Зеленгу за дровами,

и, пока она стояла у пристани, ребята успели поговорить с капитаном, сбегали домой за вещами и с таким непринуждённым видом расположились на палубе, что казалось, для них уходить вот так в море — самое обычное дело.

Два дня спустя, повстречав в море земляков-зеленгинцев, ребята перебрались на маленькие парусные кораблики — реюшки, — и с этой минуты появилось в море трое новых рыбаков-колхозников: Сержан Амангельды, Боря Кудрявцев и Люба Ершанова. И никого это не удивило, потому что уже не первый день по всему широкому Каспию на таких же вот реюшках, на пузатых баркасах, на тяжёлых лодках-подчалках и на быстроходных сейнерах носились по волнам пятнадцатилетние рулевые, механики-дизелисты, матросы-ловцы и корабельные повара, старательные, отважные и бесконечно гордые доверенным им делом. И перед каждым лежала своя дорога в море, своя, не похожая на другую, беспокойная и чудесная морская судьба.

За всеми этими судьбами зорче всех следил «первый каспийский рыбак» — председатель рыбацкого колхозного союза Иван Николаевич Аристархов.

Был он человеком в годах, но цепкая память его хранила картины далёкого детства, задавленного нуждой и темнотой. Иван Ни-

Боря любил смотреть, как спускались на воду тяжёлые рыбницы.

колаевич помнил пинки, тумачи, зуботычины, которые прицались на его долю, помнил голод и стужу, помнил, как мечтал он о грамоте и как в шестнадцать лет прочёл первую книжку, да и то в каторжной царской тюрьме.

И вот теперь, каждый раз глядя на ребят, Иван Николаевич невольно сравнивал своё детство с их детством, а когда заходил разговор о юных рыбаках, он охотно вступал в беседу.

— Они ещё нас расшевелият, эти рыбачки. Это не простой рыбак, это рыбная гвардия растёт, — говорил он значительно и тут же спешил рассказать, что колхозники не нахвоятся подмогой, что в самое трудное время, когда народ занят был в полях на уборке, ни одно судно колхозного флота не простояло в море без экипажа...

Но как ни зорко следил Аристархов за судьбой маленьких рыбаков, за всем уследить не мог и он.

В августе, когда в море вернулся народ с полей, а с моря попутными рейсами потянулись к домам возмужавшие, поздоровевшие на весёлой морской работе мальчики и девочки, в обком комсомола пришла телеграмма из Зелёнки:

«К учебному году готовы. Вызывает тревогу судьба трёх учеников. Сержан Амангельды, Боря Кудрявцев, Люба Ершанова, все седьмого класса Маковской школы, до сих пор не вернулись с моря».

Эта телеграмма попала на стол к инструктору обкома комсомола Зое Курбаевой.

В обкоме Зоя работала недавно, а прежде была вожатой в Маковской школе.

Прочитав телеграмму, Зоя задумалась. Вспомнилось ей тихое утро в колхозе... Люди — кто в поле, кто в море. Пусто в селе. Двумя

рядами стоят над рекой рыбацкие домики, крытые светлым оцинкованным железом. У каждого домика садик. С утра от жары ставни закрыты, и кажется, домики спят, крепко зажмурив глаза.

Внизу, у реки, стоят корявые ветлы с зелёными шапками кудрявой листвы. И на каждой ветле, выше человеческого роста, рукой не достанешь, болтается серый мохнатый хомут-воротник. Это сухая тина застряла во время разлива. Глянешь и не верится: неужели туда поднималась вода? А теперь-то вон где!

Внизу, под берегом, двоясь в спокойной протоке, стоят смолёные лодки-бударки. Где-то далеко-далеко, на тоне, чуть слышно стучит трактор, выбирая урез тяжёлого невода.

И вдруг на берегу, на горе, раздаётся звон колокольчика, и сразу утренняя тишина взрывается сотней задорных голосов. Мальчики и девочки, казахи и русские, шумной, дружной лавиной катятся с горы.

Тут, в этой весёлой, пёстрой стайке, и Сержан — скуластый, черноглазый крепыш. Смышлёный мальчик, только уж больно упрям и горяч. Чуть что — в кулаки. А Боря — тот муху не обидит. Вечно он что-нибудь мастерит, вечно о чём-то мечтает. А весной заберётся на верфь и стоит целый день, смотрит, как спускают на воду тяжёлые рыбницы. Тут и Люба Ершанова, хохотушка и модница первая в классе, зато и ученица первая. Хорошие ребята!

Что же это задержались они, однако, на промысле? Начнётся учебный год, а они не успеют вернуться. Не годится это...

Зоя зашла к секретарю обкома, а час спустя над полями и бахчами, над ериками и протоками неслась во все концы области телефонограмма:

«Срочно сообщите в обком комсомола фамилии учеников вашей школы, до сих пор не вернувшихся с моря».

К утру толстая пачка ответных телеграмм лежала на столе. Зоя подсчитала: сорок шесть ребят оставались ещё на промыслах.

Тогда Зоя составила список, и вот этот список, ставший важным документом, попал в руки товарища Аристархова.

Аристархов посмотрел на большую карту Каспия, висевшую на стене, и задумался: на четыреста километров вширь, на двести вдали раскинулся Северный Каспий. И где-то там, на огромном зеркале воды, на реюшках, на

подчалках, на баркасах застряло полсотни ребят. Разыщи-ка их в море! А разыскать нужно. Во что бы то ни стало всех до одного разыскать и к первому сентября доставить в школы.

Иван Николаевич погладил бритую голову, ещё раз поглядел на карту и, решительно обмакнув перо, стал писать радиogramму:

«Всем начальникам колонн, бригадирам, звеньевым, командирам промысловых судов, директорам пловучих заводов... срочно сообщите...»

К вечеру пришли ответы. Тринадцать ребят отправлено по домам. О четырнадцати точно известно, где они промышляют, за ними уже послали. О девятнадцати пока нет никаких сведений...

В людном Каспийском море трудно, конечно, пропасть. Но затеряться тут человек может. Другой раз не скоро его и найдёшь, как в большом городе.

А на мелях, где густая трава растёт под водой, и того хуже. Посмотришь — простор необъятный, а вроде дремучего леса. Недаром и зовут такие места чернями. Туда ни на сейнере, ни на катере не прсберёшься: всюду мель да трава. А под парусом на реюшке дойти-то дойдёшь, да только когда? Вот вопрос! Ветер тоже не свой брат: потянет, потянет, да и пристанет. Задует, задует, да и повернёт. А там, в чернях, скорее всего, и застряли ребята.

Подведя эти невесёлые итоги, Иван Николаевич взглянул в окно, на Волгу.

Снизу, с моря, весело шлёпая плечами, с гружёными баржами за кормой шёл «Ломоносов» — самый мелководный из всех пароходов Каспия.

— Так... — сказал Аристархов. — Добро!..

* * *

Капитан парохода «Ломоносов» Дмитрий Трофимович Дорофеев родом был из Архангельска, и хотя по Каспийскому морю плавал не первый десяток лет, попрежнему считал себя северянином и при случае любил напомнить об этом.

Смолоду в здешних местах слыл он первым красавцем и силачом. Но с годами раздобрел, чуть сгорбился, и от былой красоты, как он сам говорил, у него «остались одни усы, да и те сивые».

В то утро, подставив непокрытую голову палящему астраханскому солнцу, в белом кителе нараспашку, сидел он в плетёном кресле на палубе своего парохода и поглядывал на широкую Волгу.

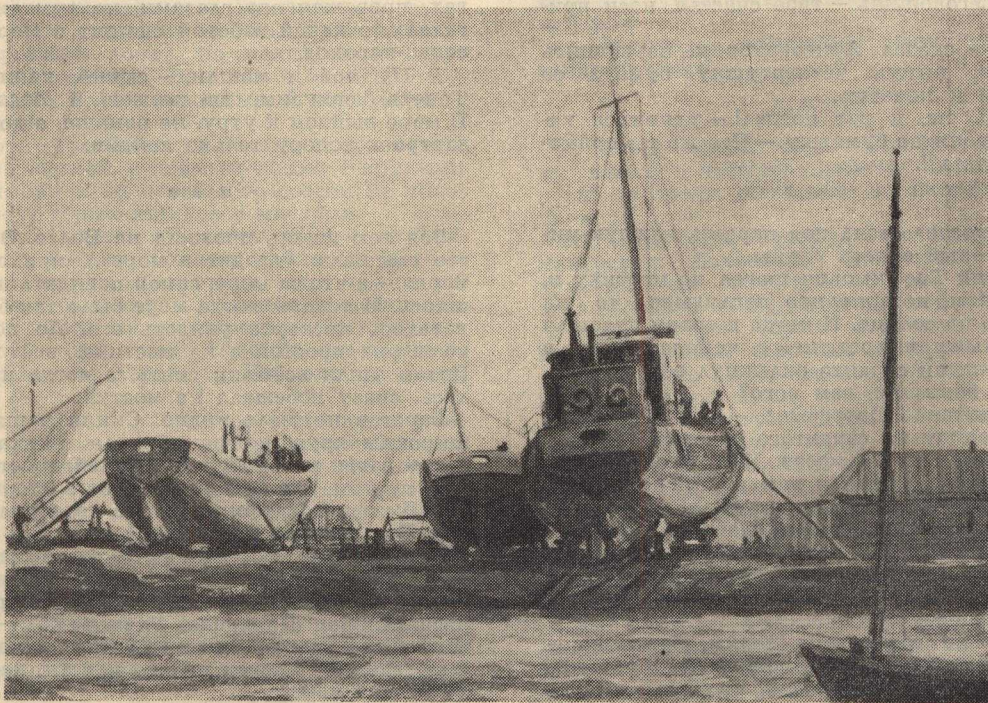
Здесь и застал капитана Дорофеева Иван Николаевич Аристархов.

— Первому каспийскому рыбаку почёт! — бодрым баском сказал Дмитрий Трофимович. — Пришёл, значит, проведать старика... Ну, садись, садись, милости прошу. Может, чайку сварганить, а то, может, закусить с дорожки. А?

— Здоров, Трофимыч, не трудись! — ответил гость, вытирая голову большим клетчатым платком. — Какая там закуска в такую жару! И чаю не хочу... Я с докукой, Трофимыч, дело есть. Может, в тенёк куда зайдём, печёт больно...

— Славно печёт, — согласился капитан. — Можно, однако, и в тенёк. Пойдём в салон, у меня там прохладно.

Он молча открыл дверь, пропустил вперёд гостя и следом за ним вошёл в прохладную полутьму салона. Усадив гостя в кресло, Дмитрий Трофимович уселся по другую сторону стола, как раз под висевшим на стене

На берегах, готовые к спуску, стояли большие и маленькие корабли.

портретом Ломоносова, и, откинувшись на спинку дивана, сказал:

— Ну, давай, рыбак, говори своё дело...

— Да, — сказал капитан Дорофеев, выслушав Аристархова, — действительно «переплёт». И чем помочь тебе, не вижу. В море, куда бы ни шло, поискал бы, собрал бы твоих ребят. А в чернях, где же там, милый человек, по мелям лазать... Нет, браток, ты уж лучше уволь меня от такого фрахта...

— Да ведь, кроме тебя, кого же, Трофимыч, пошлешь? Ты один тот угол и знаешь, — перебил Аристархов.

— Не возьмусь, не проси, — упрямо отрубил капитан, и Аристархов подумал: «Не сладить мне, видно, со стариком».

Глаза его потускнели, но вдруг остановились на портрете Ломоносова и снова вспыхнули весёлым огоньком:

— А земляк-то твой, Михайло Васильевич, тоже, пишут, упрямый был человек, а он, по моему, не так бы рассудил.

— Земляк, земляк... — проворчал Дорофеев, погладив усы. — То земляк, а то я... У меня команда двенадцать человек да машина двести сил... Дорогонько выходит...

— А ты не рядись, Трофимыч, всё равно просчитаешься. Может, там девятнадцать Ломоносовых в школу торопятся, а ты им попереёк дороги становишься.

— Это как же так я становлюсь? Это ты встал: во-время не подумал. А я что? Я извозчик. Скажет хозяин: «Иди!» — дам гудок и пойду...

— И пойдёшь?

— И пойду! Что ж такое? Будто мы не хаживали...

— За хозяином дело не станет.

— Ну и иди к хозяину. Ты уговаривать мастер. Уговоришь — твоё счастье, неси приказ...

— На, — сказал Аристархов и, порывшись в сумке, вынул четвертушку бумаги со штампом и печатью.

— Ишь ты, и тут поспел! — удивился капитан, прочитав бумажку. — Что же ты прямо-то не сказал?!

«Ломоносов» стоял под парами, каждую минуту готовый отдать концы.

Дмитрий Трофимович шагал по мостику и, теребя усы, нетерпеливо поглядывал то на берег, то на солнце. И когда к трапу подошла Зоя в лыжном костюме, с чемоданчиком в руке, капитан сердито окликнул её:

— Эй, барышня, вам кого?

— Капитана Дорофеева, — ответила Зоя, глянув снизу на сердитого старика.

— Я капитан Дорофеев. Что скажете?

— Разрешите мне к вам подняться, — сказала Зоя и решительно ступила на трап. — Вот письмо от Ивана Николаевича Аристархова, — сказала она, поднявшись на мостик. — Вот мои документы, я с вами поеду. И я вас прошу, товарищ капитан: если всё готово, поедете скорее.

— Мы не едим, мы ходим, барышня, — сказал Дмитрий Трофимович. Он пробежал глазами зоины документы, прочитал письмо Аристархова и ухватился двумя руками за сигнальную ручку.

Могучим басом заревел гудок «Ломоносова». Белый пар пыльным султаном распушился по ветру, и весёлая радуга заиграла над палубой в лучах вечернего солнца.

Внизу засуетились матросы, загремел трап. Закрахтели канаты, громыкнула штурвальная цепь, звякнул телеграф в машине, что-то засопело в глубине парохода. Медленно шедшая пливцами, «Ломоносов» отвалил от пристани и широкой дугой пошёл на фарватер.

Развёртываясь перед глазами, поплыла мимо панорама города, отступили огромные корпуса рыбкомбината, лесная биржа, бондарный завод... Древний кремль блеснул куполами. Нарядная пассажирская пристань проплыла мимо борта. Повстречался караван живорыбных лодок-прорезей... Обогнали большой моторный баркас, доверху гружённый арбузами. Какой-то пароход прошёл навстречу. Перерезал дорогу паровой паром, заставленный машинами и лошадьми. Белый парус мелькнул за кормой... Справа и слева поплыли заводы, эллинги, склады. На берегах, готовые к спуску, стояли большие и маленькие корабли. Огромные быки нового, не построенного ещё моста широкими воротами встали впереди. Сверкнув крыльями, развернулся над палубой самолёт. А потом потянулись зелёные сады, жёлтые багчи, богатые сёла, журавли колодцев, сизые дымки моторных водокачек. Снизу и сверху по широкому руслу Волги шли, торопились куда-то караваны барж, баркасы, плоты, пароходы; тот с рыбой, тот с солью, тот с нефтью, и у каждого своя была забота о большом деле.

Шёл со своей заботой и «Ломоносов». Шёл, торопился к морю, то и дело покрякивая зычным басистым гудком. И ребята на берегах, провожая его глазами, не думали и не гадали, с какой заботой спешит в море красавец-пароход.

— Ну вот и пошли, — сказал капитан. — Теперь закусим, да, может, и отдохнёте. В море выйдем к утру, не раньше, а до места завтра к вечеру только дойдём.

Зоя всю жизнь прожила на Волге. Она часто слышала: «уходят в море», «приходят с моря», — а что за море, самой повидать не пришлось. И теперь, когда море было так близко, хотелось поскорее увидеть его. До поздней ночи она простояла на мостике, всё ждала. Потом ушла всё-таки спать, а когда проснулась, сразу побежала на мостик.

Берегов не было видно. Синяя чаша неба широким кругом ограничивала сверкающую гладь воды, и такой необъятный простор лежал кругом, что Зоя замерла от восторга.

А Дмитрий Трофимович всё повторял:

— Вот выйдем в море...

— А это не море разве? — не выдержала Зоя.

— А это куда не море, это, по-здешнему, раскаты, Зоя Павловна. Гляньте-ка... — Дмитрий Трофимович протянул Зое бинокль. — Вон засучил человек штаны и идёт, как пан. Это разве море?

Зоя глянула. И верно: напрямик через море шёл рыбак по колено в воде и, как послуш-

ную скотину, вёл в поводу лодку-бударку с копной сетей на корме.

— А мы-то как же идём? — удивилась Зоя.

— А нам тут дорога прорыта. От вежи до вежи, от буя до буя, так и идём по каналу. А там, вон у самого горизонта, там маяк «Искусственный остров». Оттуда можно и морем считать. Ну, да ведь тоже не океан. Мы-то ходим, а другой пароход то и дело брюхом цепляет. Мель. Зато рыбе раздолье. Волга корм ей несёт со всей России. И тепло, и не солоно, и в реку на нерест идти — сто проток, любую выбирай. Тут на мелях рыба кормится, а возле рыбы и человек сыт. Вон народу-то сколько: больше, чем на берегу.

Зоя и сама поражалась, как много тут, в море, людей. Повсюду белели паруса, чернели дымки, трепетали цветные флажки на буйках. Стуча моторами, торопились куда-то чёрные смолёные баркасы, маленькие лодочки качались на волнах, и на каждой лодочке, на каждом баркасе, у каждой сети — везде были люди, и всем тут находилось дело.

— Вон там ставники, — показывал капитан. — Видите, жёрдочки из воды торчат? Это сваи, «гундеры», по-здешнему. На них держится «стена» — сетка с километр длиной, даже больше. А по краям «дворы» — ловушки. Рыба в «стену» упрётся, свернёт и заходит во «двор» — больше некуда ей податься. Вон, глядите, черпают её из «двора». Раньше таких неводов и не знали на Каспии, а теперь, куда ни пойдёшь, везде ставники. А это, где флажки, это порядки плывут. Тоже уловистая снасть, а уж больно простая. Плывёт рыба, налетит, зацепит, забьётся и, как в паутине, запутается. А рыбаку только и дела: перебрать порядок, отцепить, что попало, да, где порвётся сеть, зачинить. Сейчас новые сетки «капрон» прочные, не гниют, а главное — тонкие, путают лучше... Сеткой больше с реюшек ловят, на мелях, а на глубине, там сейнера. Вон там — видите? — парами ходят. Уловы огромные. А корабли-то — красавцы!..

Зое эти «красавцы» не больно понравились. С тупой кормой, с прямым носом, с крутыми бочками, они и на корабли-то совсем не похожи. Вроде серых ящиков с мачтами.

В одном месте, сбившись тесной кучкой, собралось больше дюжины сейнеров. Издали казалось, что корабли шепчутся о чём-то, такой у них был вид, а подошли, и оказалось, что тут пловучая мастерская: тому нужно выточить кран, тому сменить шестерёнку, тому починить лебёдку... Вот они и стоят, ждут...

В мастерской, в корпусе отжившего свой век парохода, стучит мотор, крутятся валы станков, змейками бегут стальные синие стружки. У конторки сидит совсем сухопутный старичок, в очках, щёлкает на счётках, пишет наряды... Всё как на берегу, а поднимешься, глянешь кругом — от края до края мутнозелёная вода, да чайки, да солнце, да паруса, так и горящие в его лучах.

Тут, в мастерской, Зоя узнала новости: троих ребят разыскали на сейнерах, отправили на пловучий завод, и они там ждут «Ломоносова».

Когда Зоя рассказала об этом капитану, он погладил усы, подмигнул и сказал:

— Ну что ж, Зоя Павловна, промышляем мы с вами неплохо: в первый день пятнадцать процентов плана!

* * *

Боря Кудрявцев попал на сейнер «Байкал». Здесь сразу всё пришлось ему по душе.

Сейнер мчался, легко рассекая воду. Впереди, словно пласты земли из-под плуга, распадались в стороны белые буруны, а сзади догоняла и не могла догнать кипящая кормовая волна.

С полного хода, как послушный конь, осаженный рукой всадника, «Байкал» встал борт о борт с напарником. А пять минут спустя, выбросив за корму длинные арканы, оба корабля побежали рядом, волоча по дну широкий мешок трала.

Через час корабли сошлись, счалились носами. Потом загремели лебёдки, мокрые канаты зазмеились по палубе, повис между бортами трал, и огромными сачками, подвешенными на канатах, рыбу стали черпать на палубу...

И в тот же вечер случилось так, что механик на «Байкале» заболел. Помощник встал на его место, а Борю поставили за помощника.

С тех пор, сидя в рубке рядом с капитаном, Боря следил за приборами, запускал мотор и чувствовал себя хозяином могучей машины.

Пока тянули трал, он с тряпкой в руках до блеска начищал краны, трубки, кожухи и валы, а когда раздавался сигнал, бегом бросался на место, сбавляя обороты, включал лебёдку и из рубки следил за работой...

Время летело быстро, так быстро, что Боря даже удивился, когда однажды начальник колонны подошёл к «Байкалу» и крикнул в мегафон:

— Кудрявцев, собирай-ка вещи! Через час зайду за тобой.

* * *

К вечеру «Ломоносов» подошёл к пловучему заводу — четырёхэтажному деревянному кораблю-городу, стоящему на якорях посреди моря.

Магазин, баня, пекарня, столовая, парикмахерская, больница, библиотека, почта, кузница — всё было тут, на этом заводе. Со всех сторон и по бортам и под кормой стояли десятки катеров, баржи, парусные реюшки. По бесконечным террасам и коридорам спешили куда-то люди, кто с газетой в руках, кто с буханкой хлеба, кто с гармошкой.

Наверху, на корме, танцевали загорелые рыбаки и рыбачки, а внизу, в широком пролёте, шла работа. Там выгружали рыбу с промысловых судов, взвешивали её на больших весах, чистили, мыли, солили, забивали в бочки и снова грузили в просторные трюмы широких морских барж.

Зоя разыскала директора, и тот повёл её в красный уголок.

Там у стола, покрытого новым кумачом, два мальчика играли в шахматы. Третий следил за игрой. Все трое так увлеклись, что не заметили, как вошла Зоя.

— Здравствуйте, ребята! — сказала она наконец. — Вы откуда?

— Я с «Байкала», — ответил высокий мальчик, тряхнув светлыми, как лён, отросшими за лето волосами. — Мотористом плавал.

— А я с «Леща», — сказал другой, черноволосый.

— А я с «Урагана», — откликнулся третий, самый маленький.

— А живёте где?

— А нам как-то дали, — сказал высокий мальчик, и Зоя засмеялась.

— Нет, ребята, — сказала она. — Я спрашиваю: откуда вы сами, где жили до моря?

— Я из Тузуклея...

— А я из Икряного...

— А я из Зелени...

— Боря, да это ты, никак? — удивилась Зоя. — Вырос-то до чего... И не узнаешь!

— И я вас не узнал, Зоя Павловна, — смутился Боря и встал. — Вы, значит, тоже в море?

— Мы, ребята, за вами приехали... В школу-то хотите?

— Да не очень, — ответил самый маленький. — Ещё неделя до школы-то, можно бы промышлять.

— Ты, Васяка, скажешь... неделя! Пять дней всего, — перебил черноволосый.

— А не знаете, — спросила Зоя, — ещё тут поблизости нет на судах ребят?

— Было много, а сейчас все уехали. Одни мы остались, да в чернях, говорят, есть ещё. Наша Люба там, и Сержан где-то там. А больше не слышно...

— Ну, ладно. Собирайтесь, ребята, да ступайте на пароход «Ломоносов». Он у правого борта стоит... Только поскорее, слышишь, Боря?

— Сейчас... Момент!..

Мальчики вскочили, но у двери черноволосый обернулся, с сожалением посмотрел на доску и спросил:

— А у вас там шахматы есть?

— Есть, — улыбнулась Зоя, — и домино, и шахматы, и приёмник...

— Ну, тогда давай, Борька, запоминай. Ход-то чей, твой? Там доиграем!

И, склонившись над доской, ребята быстро заговорили вполголоса:

— Значит, тут белый король, ладья, две пешки, тут слон, тут пешка. Запомнишь, Лёшка?... Мы сейчас, Зоя Павловна...

* * *

Дмитрий Трофимович рассудил так: где рыба, там и народ. Там сразу все адреса можно узнать...

А рыба, по данным разведки, пошла к Мартышечьей косе, к устью Урала.

— Пойдём и мы на Мартышку, пошукаем, — сказал Дмитрий Трофимович и велел отдавать концы.

«Ломоносов» гудком попрощался с заводом, отвалил от высокого смолёного борта и полным ходом пошёл на восток.

За кормой, предвещая ветреный день, сидилось в море большое красное солнце. Потом сразу, без сумерек, нахлынула темнота, звёзды зажглись в вышине, а кругом со всех сторон замелькали далёкие и близкие огоньки.

— Вон наше море какое! Как большая деревня, — сказал капитан. — Ну, посмотрим, однако, что завтрашний день нам скажет...

Утром Зоя взошла на мостик.

— Красота-то какая! — сказала она капитану.

— Какая тут красота? Вода и вода. Да и той маловато. Ещё паруса не открылись, а мы скоро брюхом начнём цеплять... С утра самым малым идём. Никакой тут нет красоты. Одни банки да шалыги, мели, проще сказать.

— А вы вон туда посмотрите. Разве не красиво? — сказала Зоя, указав на горизонт.

Там сверкающая белая полоса разделяла небо и море.

— Это ничего, это красиво, пожалуй. У нас так-то на севере льды в море стоят, а здесь паруса. Вон их сколько! Как раз то, что нам нужно. — И, обернувшись к рулевому, он показал рукой: — Вот так и держи, Вася, прямо на них, на середину...

Скоро из сплошной белой стены стали выдвигаться зубчики парусов, и в бинокль можно было уже разглядеть отдельные кораблики-реюшки.

Тут их были не единицы, не десятки, а сотни. Сотни маленьких корабликов! И все они держались вместе, вместе плыли, вместе поворачивались, как стайки птиц в полёте.

В бинокль казалось, что до них рукой подать, но «Ломоносов» еле шёл самым малым ходом. Матрос на носу всё время бросал на мётку и с каждым разом выкрикивал меньшую глубину.

Дмитрий Трофимович, крепко вцепившись в поручни, склонился над палубой. Весь он, казалось, превратился в зрение и слух. Но вдруг выпрямился, махнул рукой и дернул ручку телеграфа.

— Стоп, приехали... — сказал он, когда «Ломоносов», тихо шевеля плечами, остановился. — Что дальше будем делать, Зоя Павловна?

— А что можно сделать?

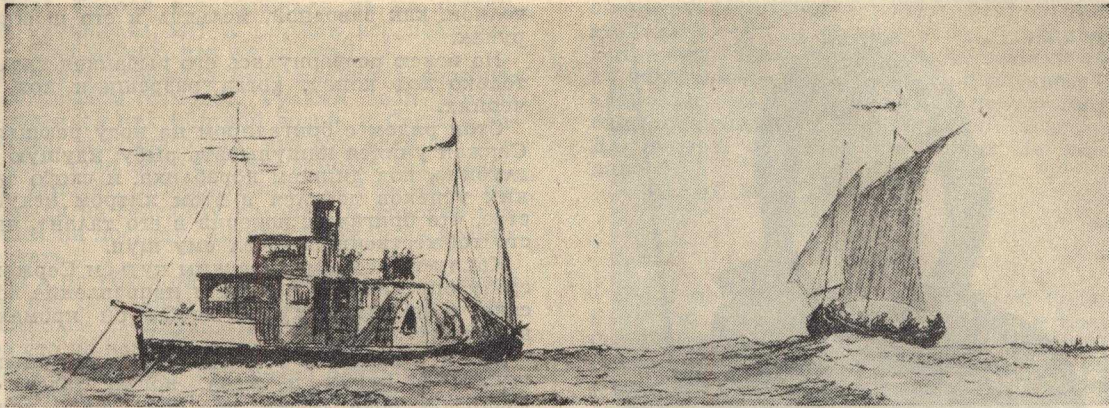
— Вперёд идти нельзя. Пешком тут не пройдёшь, на шлюпке за ними не угонишься... И назад идти опять нельзя — вроде стыдно. Ну, что ж, постоим, подымим; может, кто догадается, сами подойдут.

И верно, скоро стало видно в бинокль, как от стайки отделились два белых пятнышка. Сперва они шли вместе, рядом, потом одно стало быстро вырываться вперёд.

Часа через два простым глазом можно было разобрать и паруса, и реюшку, и людей на ней, а ещё через час, с шумом подминая мутную воду, распустив паруса бабочкой, реюшка подошла под корму «Ломоносова» и лихо развернулась метрах в десяти. Паруса затрепетали на мачтах, рухнули на палубу, и, слегка покачиваясь на лёгкой зыби, реюшка на шестах подошла к борту.

Минуту спустя шкипер, загорелый высокий рыбак в холщёвых штанах, подпоясанных обрывком сети, в полосатой матросской телняшке, босой, с непокрытой головой, уже стоял на мостике и говорил с капитаном.

— К вам, товарищ Дорофеев, просьба от всего народа, — говорил он, немного волнуясь. — Вы сюда всё равно зашли, так, может, возьмёте у нас пассажиров? Хоть до города, хоть до завода, куда-нибудь, чтобы выбраться только из черней...

Реюшка быстро приближалась к пароходу.

— Да где они, пассажиры-то ваши?
— Следом идут. Я-то вперёд побежал, на-
легке, — боялись, как бы не ушли вы.

— А что за народ?
— Народ подходящий, товарищ капитан,
хороший народ; мы бы их нипочём не пусти-
ли, да тут такое дело — в школу им пора.
Ученики это, ребяташки. Помогали нам ле-
том, а сейчас время им вышло.

— Вона как... — засмеялся Дмитрий Трофи-
мович. — Гляди-ка, Зоя Павловна: мы за ними
гонялись, а они к нам спешат... Так сколько,
говоришь, пассажиров-то? — обратился он к
рыбаку.

— Пятнадцать душ.

— А мне шестнадцать нужно. Шестнадца-
того нет у вас?

— Шестнадцатого нема, — засмеялся ры-
бак. — Что есть, всё отдаём, без остатка. Вон
они! Часу не пройдёт — здесь будут. Ветерок-
то свежее.

— То-то и беда, что свежее, — сказал капи-
тан, глядя на горизонт. — Я бы и день про-
стоял, кабы не свежел, а так, боюсь, дорого
мне этот час обойдётся. Ну, да ладно, посто-
им, подождём, за тем пришли. Я уж с мости-
ка не пойду, а вы, Зоя Павловна, пошли бы
угостили гонца, за такую весть угостить
стоит...

Ветерок, и вправду, свежел. Уже не ветерок,
а настоящий ветер катил мутные волны, уже
посвистывало в снастях. Отставшая реюшка
быстро приближалась к пароходу и скоро
так же, как и первая, обронив паруса, подча-
лила к борту.

На борту уже ждали. Ловкие матросские
руки один за другим хватили сундучки, меш-
ки, узелочки, поданные снизу, а потом цеп-
кие, как котята, чуть не все разом вскарабка-
лись на борт шесть загорелых девочек и де-
вять мальчиков.

Зоя вышла к ним и не успела шагу сту-
пить, как высокая девочка в латаных лыж-
ных штанах, в ватной курточке нараспашку,
в тёплом платке на голове, раскинув руки,
взвизгнула на весь пароход и с разгону ки-
нулась Зое на шею.

Зоя не узнала, а скорее догадалась, что
это Люба Ершанова. Но не успела Зоя сло-

вом перекинуться с Любой, как та опять
завизжала:

— Ой, Борька! Ребята, смотрите, Борька
Кудрявцев! Наш, зеленгинский!

— Ну, вот что, ребята, — сказала Зоя, осмо-
трив лихую ватагу, — первым делом в баню.
Вот вам мыло, вот мочалки, вот полотенца...

Тут за плечо тронул Зою тот рыбак, что
первый подошёл к пароходу.

— Прощайте, девочки, и вы, хлопцы, про-
щайте, — сказал он. — Дома кланяйтесь да нас
не забывайте... А вам спасибо за ребят. Ну,
мне пора. Счастливо добраться! — И, ловко
перескочив через борт, он спрыгнул на палу-
бу реюшки...

После бани, умытые, причёсанные, в чистой
одежде, ребята собрались в салоне. Тут они
вели себя потише и держались спокойнее.

Зоя села в уголке, между Борей и Любой, и
слушала их рассказы.

— А меня совсем брать не хотели, — гово-
рила Люба. — Папа не взял, и дядя Паня не
взял, а я маму упростила и забралась на ры-
бницу с ребятами. И вот, Зоенька, привезли
нас под Гурьев. Я дня три привыкала, а по-
том за повара стала работать. На всё звено
варила. Ну, и сетку когда переберёшь да по-
чинишь. Это я скоро привыкла. А вчера у
нас, Зоя, происшествие было: стали невод вы-
бирать, а в мотне что-то бьётся. Думали, бе-
лушка, а там тюлень оказался, здоровенный,
чуть меня не укусил...

— А ты где же жила-то, Люба? — перебила
Зоя.

— Тут и жила, на реюшке. Вы не думайте,
у нас там просторно, чистенько, даже занавес-
очки есть. У нас в звене одни женщины.
И шкипер — женщина, да вы её знаете, Гру-
ша Истомина. Помните, в волейбол хорошо
играла? Да какой ещё шкипер-то!

— А чего же вы ели?

— Как чего ели? — удивилась Люба и даже
глазами заморгала. — Рыбу ели, хлеб ели,
кашу, помидоры, арбузы. Мы раз на завод
ходили, там даже мороженое ели. И кино смо-
трели. Это мы две недели, как в чернях, а то
всё в море были, там что хочешь есть. Нам,
Зоя, кефаль попала; я одну засушила, с со-
бой везу, в школу, для музея. Хотите покажу?

Люба Ершанова.

Интересно всё-таки, черноморская рыба, а как у нас прижилась...

— Ладно, после покажешь свою кефаль... А скажите, ребята, куда вы Сержана девали?

— А Сержан в другой колонне. Они в Богатом култуке промышляют. Да не бойтесь, не пропадёт. Есть о чём беспокоиться...

Но у Зои на этот счёт было особое мнение. Теперь, когда все остальные ребята были на борту, больше всех её беспокоил Сержан.

Оставив ребят, она написала длинную радиограмму.

И опять полетели над морем запросы и ответы. Имя Сержана Амангельды столько раз в этот день повторялось по радио, что будь Сержан другим человеком, он возомнил бы себя героем.

Но Сержан не слушал радио и не мог слушать.

В тот самый день и в тот самый час, когда ребята перебрались на борт «Ломоносова», Сержан был в самой северной части Каспийского моря. Он плыл, стоя на носу передовой реюшки, и держал в руках шуп — тонкий шест, глубоко опущенный в воду. Позади широким фронтом, кренясь под напором оранжевых дублёных парусов, шли остальные суда бригады; и бывалые рыбаки ждали сигнала, который должен был подать этот мальчик, первый год промышлявший в море.

Сержан, казалось, рождён был для Каспия. С первых дней, попав на реюшку, он быстрыми чёрными глазами ощупал каждую снасточку, каждый гвоздик, каждое колечко. Чего не понимал сам, спрашивал, не стесняясь, а неделю спустя уже и советовать стал звеньевому.

На реюшке он прижился сразу и работал наравне со взрослыми рыбаками. Он ставил и убирал паруса, стоял на руле, вымётывал за борт сети, а вечерами, когда затихал ветер, при свете «летучей мыши» чинил сети, и

челнок, как заводной, мелькал в его цепких руках.

Но всю развернулась его рыбацкая удача только под конец, когда разрешили лов в чернях.

Стоя рядом с бригадиром на носу реюшки, Сержан учился нащупывать рыбу, идущую в глубине, под днищем кораблика, и скоро таких успехов добился в этом хитром искусстве, что бригадир, поверив в его талант, часто торжественно вручал ему шуп.

Каким-то особым рыбацким чутьём Сержан сразу определял и размер и направление косяка, и не было случая, чтобы он промахнулся.

Вот и в тот день Сержан стоял с длинным шупом в руках и ждал, когда, задев о скользкие бока лещей, плотной стеной идущих в воде, шуп задрожит особенной дрожью.

Вот он поднял шуп, опустил поглубже, наклонил вправо, влево.

— Есть рыбка! — сказал он негромко и, подняв шуп над головой, показал куда-то влево. — Давай! — крикнул он пронзительно.

Реюшки повернулись все вдруг, шмякнулась в воду мотня, побежали длинные крылья невода, широкой петлёй окружая косяк. Реюшки разошлись и снова стали сходить, торопясь закрыть рыбе последний путь к спасению. Но то ли звеньевые замешкались, то ли трава помешала манёвру, только всем показалось, что рыбаки не успеют сомкнуть кольцо.

— Уйдёт, — с досадой сказал бригадир, изпод руки следя за работой.

— Не уйдёт! — крикнул Сержан и, бросив шуп, как был, кинулся в море и, по грудь в воде, захлопал руками, закричал, запрыгал, загоняя рыбу в кольцо.

С других реюшек тоже спрыгнули рыбаки. Крик, шум, плеск поднялись в море. А когда наконец сомкнулись крылья невода и рыба, запёртая в кольцо, зашумела, забила, сверкая на солнце серебряными боками, Сержан взобрался на палубу, не снимая, на себе, отжал штаны, утёрся ладонью и с гордостью сказал бригадире:

— А ты говоришь, уйдёт. У нас не уйдёт, дядя Володя!

На другой день, когда Сержан проснулся, над морем царил полный штиль. Штиль рыбаку хуже бури. Сержан лениво оглядел горизонт, достал из люка охапку сетей и, внимательно просматривая их, стал чинить изьяны.

На других судах рыбаки ещё спали, дядя Володя тоже спал, и, должно быть, оттого, что нечего было делать и не с кем было поговорить, Сержан стал мечтать. Он мечтал, как приедет домой, как пройдёт по селу, как встретит ребят... Вдруг он вскочил и растолкал бригадира:

— Дядя Володя, какое сегодня число?

— Число? — переспросил бригадир и, подумав, сказал уверенно: — Двадцать восьмое нынче...

И тогда Сержан, который не боялся ни труда, ни зноя, ни бури, Сержан, который за всю путину ни разу не пожаловался, не вздохнул, вдруг, как подкошенный, опустился на палубу и схватился за голову:

— Двадцать восьмое! Как же быть?

Дядя Володя встревожился не на шутку. Уж не заболел ли? А Сержан всё повторял:

— Как же так, что же делать?

И вдруг высоко в небе мелькнул серебряным крылом самолёт. Гулкий звон мотора прокатился над мёртвой водой, и Сержан замолчал, подумав о том, что вот, если бы случилось чудо, если бы этот самолёт сел здесь...

А самолёт, развернувшись над заливом, нацелился на середину колонны и, сбросив газ, пошёл на посадку. Дальше Сержан не посмел мечтать...

Да и не успел он помечтать дальше, потому что всё остальное произошло очень быстро.

Самолёт хлопнулся на воду, пробежал метров сто по воде и, включив мотор, подбежал к крайней реюшке. Тут мотор опять замолчал. А лётчик, Сержан это ясно слышал своими ушами, громко спросил:

— Кто у вас тут Амангельды Сержан?

— Я, я, я! — закричал Сержан.

Четверть часа спустя под ногами у Сержана уже мелькали заливы и мели, солёные озёра и песчаные острова. Далеко-далеко отодвинулся горизонт. Море стало огромным, и на всём огромном море чернели суда, судёнышки, заводы, корабли... Пролетела стая птиц под ногами, промелькнула река...

А ещё через полчаса Сержан уже беседовал с Аристарховым, и Аристархов отчитывал его, как строгий учитель:

— Во-первых, нужно адрес свой домой сообщить, — это раз, во-вторых, самому нужно думать, что в школу пора, — это два...

— Я думал, — сказал Сержан, — я крепко думал, только поздно...

— И я про то, что поздно. Пораньше бы

спохватился — давно бы дома был, и гонки этой из-за тебя не пришлось бы устраивать. Вот, — Иван Николаевич поднял толстую пачку телеграмм, — это всё про тебя писано... Ну, ладно. Иди на склад, вон туда, получишь костюм, оденешься да ступай, гуляй по городу. Да, смотри, опять не потеряйся! Не заблудишься?

— Не заблужусь.

* * *

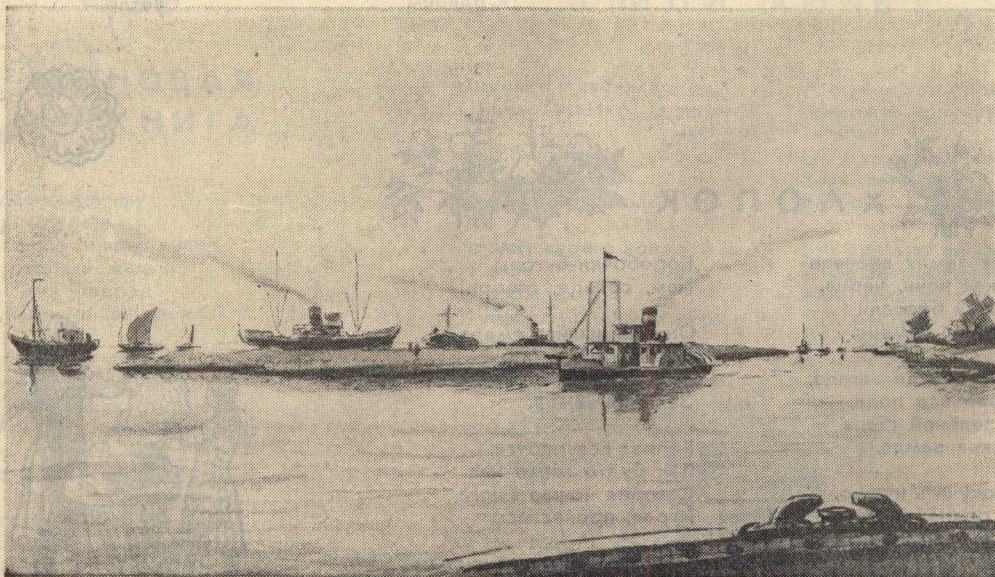
В тот же день на рассвете, весело шлёбая плечами, «Ломоносов» вошёл в устье Волги. Он зашёл ненадолго в Мумру, завернул в Оранжевое, постоял в Икрыном. И на каждой остановке сходили с трапа где один, где двое, где трое пассажиров.

Они долго жали руки друг другу, прощались с Зоей, с уважением смотрели на усатого капитана, стоявшего на мостике, а когда «Ломоносов» отходил от берега, сломая голову бежали домой, к друзьям, поделиться впечатлениями лета.

А в Астрахани «Ломоносова» встретил Аристархов. Он взошёл на мостик не один. Рядом с ним стоял Сержан Амангельды. Он держался солидно, как взрослый, но, увидев Зою, вдруг бросился к ней.

— Зоя Павловна, — крикнул он, — здравствуйте, Зоя Павловна! А меня на самолёте привезли...

— Вот познакомься, Трофимыч, — перебил его Аристархов. — Сержан Амангельды, знатный рыбак. Тот самый, который нам столько крови попортил.

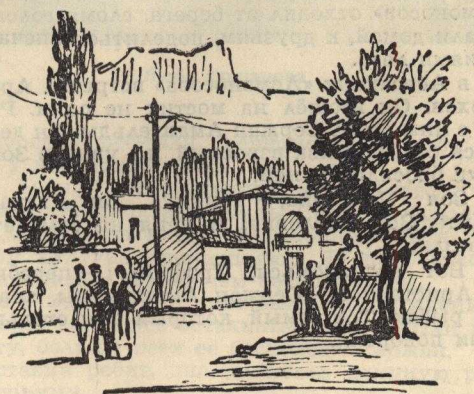
СЧАСТЛИВЫЕ ДЕТИ

Кудрат Хикмат

Перевёл с узбекского Юрий Яковлев

Рисунки В. Федяевской

НАШ КИШЛАК

Пойдём посмотрим
Наш кишлак.
Над крайним домом
Вьётся флаг —

Там сельсовет,
А рядом с ним
Наш клуб стоит
С крыльцом большим.

Пойдём от клуба
Напрямик —
Увидим школу
И цветник.

Широкой улицей
Вдвоём

Мы через весь
Кишлак пройдем.

А подойдем с тобой
К реке,
Увидим хлопок
Вдалеке.

Гудит, работает
Сейчас
Электростанция
У нас.

Под вечер
Солнышко зашло,
А в кишлаке у нас
Светло.

ХЛОПОК

В полях земля вначале
Была, как ночь, черна.
Машинами бросали
В ту землю семена.

А после солнце встало,
Пригрело все поля, —
Тогда зелёной стала
Узбекская земля.

Кусты окучить нужно,
Чтобы ровней росли —
За дело взялись дружно
Помощники земли.

Что в кладовой зелёной
Припрятано внутри?

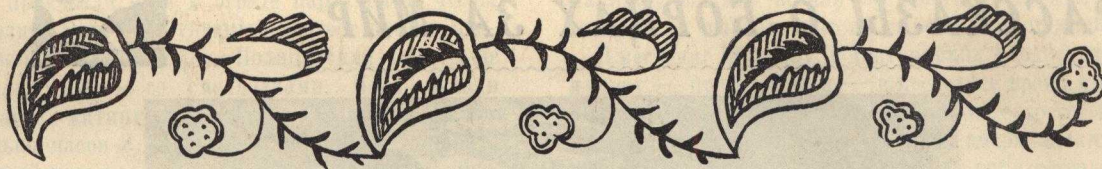
Коробочки-бутоны
Нам, солнце, отвори!

Они открылись смело —
Взгляните на поля:
Ведь стала белой-белой
Зелёная земля.

Белеет вся округа,
Как будто мимо нас
Сегодня ночью вьюга,
Играя, пронеслась.

Под солнышком лучистым
Сверкает белизна...
И хлопком шелковистым
Любуется страна.

ВОДА

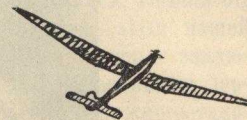
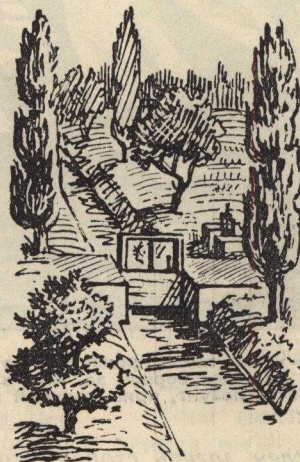
Речная
свежая вода
Бежит,
торопится всегда,
В канале весело сверкнёт
И в маленький арык свернёт.

Повсюду, где бежит она,
Сильней цветёт
моя страна.

Из дальних мест,
От горных рек
Её приводит человек,

Чтоб хлопок вдоволь напоить,
Чтобы цветник с утра полить,

Чтоб плуг прошёл по целине,
Чтоб не было пустынь в стране!

МОЯ МОДЕЛЬ

Моя крылатая модель,
Хотя она мала,
Летит за тридевять земель,
Как быстрая стрела.

Летит всё дальше,
Всё быстрее,
Всё выше в синеве,
И я сейчас бегу за ней
Вдогонку по траве.

Летит мой лёгкий самолёт
С мотором заводным.
И, как испытанный пилот,
Я управляю им.

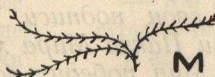

НОВАЯ КНИГА

Недавно Хакиму
Дядя Мурад
Чудесную книгу купил.
От радости мальчик
Три дня подряд
Подмышкой её носил.

Садился за стол,
Ложился под куст
И книгу вновь открывал.
Он выучил книгу
Всю наизусть,
Картинки все срисовал.

Соседских ребят
Позвал он скорей —
Понравилась книга им.
И стало у книги
Столько друзей,
Сколько имел Хаким.

МОЙ КОНЬ

Доволен я своим конём,
С ним крепко дружим
мы.

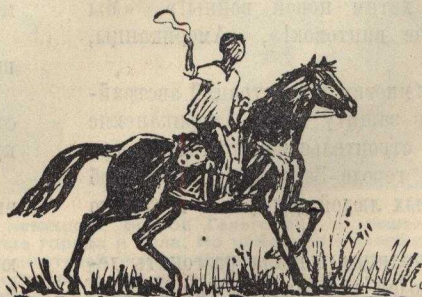
На лбу пятно,
Как снега ком,
Оставшийся с зимы.

Я чищу своего коня,
И мою,
И кормлю.
И любит мой конёк меня,
И я его люблю.

А если моему коню
Погромче крикнуть:
— Чух!..

Его с трудом я догоню:
Ведь лёгок он,
Как пух.

Его поймаю за узду —
И снова мы вдвоём.
Мой конь растёт,
И я расту —
Мы вместе с ним растём!

РАССКАЗЫ О БОРЦАХ ЗА МИР

«Да здравствует мир!» — эти слова произносят во всех странах, на всех языках. На снимке: молодые борцы за мир в Австрии пишут на устоях моста лозунг, призывающий к миру.

Велик и могуществен лагерь сторонников мира, возглавляемый нашей Советской страной. Мира хотят все честные люди на земле. Сотни миллионов людей ставят свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. «Войне не бывать! Мир победит войну!» — говорят они. И воля народов разобьёт преступные замыслы англо-американских империалистов. Империалистам не удастся разжечь пожар войны!

Здесь мы рассказываем о молодых борцах за мир, участниках Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Берлине.

ДЕЛО ЖИЗНИ АРТУРА ФРЕДЕЛЯ

По улицам австрийской столицы, Вены, двигались колонны мужчин и женщин. Матери несли на руках детей. На костылях, с пустыми рукавами, с тёмными повязками на глазах шли инвалиды войны. Юноши и девушки высоко поднимали плакаты: «Мы не хотим новой войны!», «Мы требуем хлеба, а не винтовок!», «Американцы, убирайтесь домой!»

Это была одна из многих демонстраций австрийских трудящихся в защиту мира. Американские оккупанты начали строительство крупных военных сооружений в городе Зальцбурге. Узнав об этом, тысячи простых людей двинулись к зданию парламента.

И, как всегда, полиция начала разгонять демонстрантов. На людей посыпались удары дубинок. Закричали женщины, заплакали дети.

Но борцы за мир всё шли и шли, пока не достигли ограды парламента. Там состоялся митинг.

К полицейским пришло подкрепление. Завыли сирены пожарных машин. Тугие струи воды больно хлестали людей по лицу, валили с ног. Демонстранты начали медленно отступать.

И вдруг над площадью зазвенел сильный юношеский голос:

— Посмотрите на нас! В прошлой войне мы стали калеками! Вот что снова готовит народу кучка богачей и генералов!

Многие из людей, услышав этот голос, остановились, посмотрели туда, откуда он доносился.

У ограды парламента стояли на костылях двое юношей-инвалидов. На груди у каждого висел плакат с призывом к защите мира. Руки юношей были прикованы к железным прутьям решётки.

Они приковали себя к ограде парламента, чтобы выразить этим свой гневный протест против подготовки к новой войне. Полицейские ничего не смогли сделать со смельчаками. Пока искали слесарей, митинг продолжался. Только через несколько часов с помощью автогенного аппарата полицейским удалось перепилить цепи и втащить юношей в тюремную машину.

Одного из этих молодых австрийцев зовут Артур Фредель. Мы встретились с ним на фестивале в Берлине.

— Меня и моего товарища хотели надолго упрятать в тюрьму, — сказал нам Фредель. — Но

на нашу защиту встали все честные люди Австрии. Они вырвали нас из тюремных застенков.

В местечке Штадлау, в Австрийских Альпах, где я живу, — продолжал он, — в последнее время появилось много американцев. Население с тревогой прислушивается по ночам к вою американских военных грузовиков. Всем ясно, что янки готовят новую войну. Но мы тоже не дремлем. Видели бы вы, с каким энтузиазмом простые люди нашей страны подписываются под Обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами! Мы знаем: войну можно и нужно остановить. Это стало делом нашей жизни.

ТОМАС ЭТОГО НЕ ЗАБУДЕТ

Английский мальчик Томас Биндель ехал на фестиваль в Берлин.

Путь был далёк и труден. Английский верховный комиссар в Западной Германии не разрешил делегации проехать через территорию, где он хозяйничал. Пришлось делать крюк и пробираться на фестиваль через Францию, Швейцарию и Австрию.

Но дальняя дорога не испугала делегатов. Юношам и девушкам — старшим товарищам Томаса — казалось, что самое трудное уже позади: у них были пропуска на выезд из Англии. С каким трудом их удалось добиться! Английское правительство боялось, что молодые англичане встретятся на фестивале со своими сверстниками из других стран и от них узнают правду о поджигателях войны и о борцах за мир.

И вот триста англичан, среди которых было

несколько английских пионеров, с весёлыми песнями проехали Францию, Швейцарию и достигли Австрии. Они повстречались там с итальянскими и французскими друзьями и вместе поехали дальше.

После войны Австрия разделена на зоны. Путь делегаций лежал через французскую и американскую зоны.

Наступал вечер. Поезд замедлил ход.

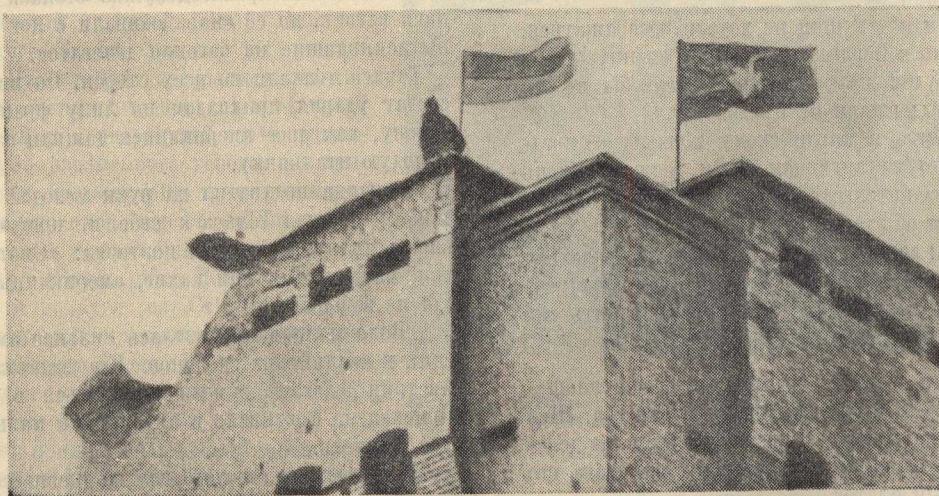
— Заалфельден! — объявил проводник.

Томас посмотрел в окно. На перроне рядами стояли солдаты. Свет фонарей отражался на примкнутых к винтовкам плоских штыках.

— Это американцы, — сказал кто-то из делегатов. — Почему их так много?

В вагон вошёл американский офицер.

— Дальше никто не поедет! — сказал он. — Все, кто направляются на фестиваль, должны вернуться в свои страны.

Английские империалисты превратили немецкий остров Гельголанд в мишень для бомбёжек: они готовятся разрушать мирные города и сёла. Но немецкая молодёжь протестует против преступных замыслов поджигателей войны. Посмотрите на этот снимок. На одной из полуразрушенных башен острова развеваются флаг Германской Демократической Республики и знамя Гельголанда. Их водрузили смелые немецкие юноши, которые в знак протеста высадились на Гельголанд.

В трудных условиях приходится собирать подписи за Пакт Мира канадской девушке Кароли Келли. Но Кароли, не боясь полицейских, ходит из дома в дом, разъясняя значение Пакта Мира. Кароли была делегатом Всемирного фестиваля молодёжи в Берлине.

— Но у нас есть пропуска в Германскую Демократическую Республику,— начал было один из делегатов.

— Меня это не касается! — грубо прервал офицер. — Если вы не вернётесь добровольно, мы вернём вас силой!

Через несколько минут поезд отправился в обратный путь. У дверей каждого вагона стояли хмурые американские солдаты.

В городе Инсбруке делегатов высадили.

— Ждите поезда, который отвезёт вас домой,— сказали им.

Но юноши и девушки не хотели возвращаться.

— Только в Берлин! — решили французы.

— Мы будем на фестивале во что бы то ни стало! — поддерживали их итальянцы.

— Пойдёмте к английскому консулу,— предложил кто-то из англичан. — Он должен помочь нам. Ведь правительство выдало нам пропуска, и консул знает об этом.

Но консул заявил, что он не будет вмешиваться в действия американцев. «У меня есть предписание от английского правительства отправить вас домой», — сказал он.

...Ночевали делегаты на привокзальной площади. На рассвете Томас проснулся от холода. Шёл дождь. Одежда мальчика промокла. Один из делегатов дал Томасу пиджак, девушка закутала его ноги в тёплый платок.

Томасу хотелось пить. Сильная дрожь била его худенькое тело, в ушах стоял звон. Вечером к Томасу подошёл австрийский железнодорожник. Оглянувшись, чтобы не заметил полицейский, он

достал из кармана куртки свёрток с едой и сунул его мальчику. Потом присел на корточки, потрогал горячий лоб Томаса и покачал головой. А через час пришла пожилая женщина и знаками объяснила, что хочет взять заболевшего английского мальчика к себе на квартиру.

Три дня Томас пролежал в комнате у тётушки Берты — так звали эту добрую австрийскую женщину. Товарищи ежедневно навещали мальчика. Они рассказывали ему, что австрийская молодёжь организовала мощную демонстрацию протеста против задержки делегатов по пути на фестиваль. В день открытия фестиваля в гараже, где жила французская делегация, состоялся вечер дружбы молодёжи Англии, Франции, Италии и Австрии.

Под напором демократических сил власти вынуждены были предоставить делегатам поезд на Берлин. Всё население города пришло на вокзал, чтобы пожелать юношам и девушкам счастливого пути. Высунувшись из окна, Томас пожимал руки своих новых друзей.

Несколько часов пути, и снова Томас услышал, как проводник объявил: «Город Заалфельден!»

Едва поезд подошёл к вокзалу, как в вагон ворвались американские солдаты. Двое солдат схватили стоявшую у дверей девушку Дженни Уотсон и потащили к выходу. Томас услышал, как вскрикнула девушка, и в тот же миг другой солдат схватил его за шиворот и вышвырнул на перрон.

Мальчик мог бы убится, но он упал на чье-то тело, распростёртое на перроне, и это его спасло. Он вскочил и с ужасом увидел, что на перроне лежит Дженни. Её платок, которым она четыре дня назад заботливо кутала Томаса, был в тёмных явных крови. Девушка стонала и пыталась встать, но её снова сбивали с ног солдаты, вытаскивавшие из вагонов делегатов.

Томаса толкали со всех сторон. Он видел, как солдат ударил прикладом по лицу французского юношу, как двое американцев тащили за волосы молодую итальянку.

Мальчика подхватил на руки молодой шотландец. Он прижал Томаса к себе и, протискиваясь сквозь толпу, всё время повторял: «Смотри, смотри, малыш! Вот они какие, американцы! Никогда не забывай этого!»

...Воля молодёжи оказалась сильнее американских и английских заслонов. Все задержанные в Австрии делегаты сумели прорваться в Берлин. Приехал на фестиваль и английский мальчик Томас Киндель.

Мы встретили его на одном из дневных концертов советской делегации. Он шутивно дул на свои покрасневшие от аплодисментов ладони.

— Они могут загореться,— смеялся он. — Мне никогда не приходилось столько аплодировать.

Мы спросили его о товарищах.

— Только двое из нашей делегации смелодушничали и вернулись в Лондон, — сказал Томас. — А Джени Уотсон пришлось положить в больницу. Мальчик вздохнул и задумался.

— Вспомнил Заалфельден? — осторожно трогает его за плечо сидящая рядом девушка.

— Разве это можно забыть? — отвечает Томас.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ СТАНИСЛАВЫ

В тенистом парке Фридрихсгайн на открытой эстраде стояло семь девушек. Участники фестиваля дружно рукоплескали им всем: юной итальянке, смуглолицей бразильской девушке, китайке в военной гимнастёрке с боевым орденом на груди... Крайней справа стояла невысокая девушка в белой блузке с красным галстуком и застенчиво улыбалась в ответ на бурные приветствия.

Этим семи девушкам, лучшим из лучших среди молодых борцов за мир, были только что вручены почётные Золотые медали. Получила награду и девушка в белой блузке. Когда она стала спускаться с эстрады, группа юношей и девушек дружно выкрикнула по-польски:

— Да здравствует Варшава — город мира! Да здравствует наша Станислава!

Станислава Ширлинская отстаивает дело мира упорным, вдохновенным трудом.

Когда она в синем комбинезоне каменщика впервые поднялась по стропилам строящегося здания, некоторые из рабочих недоверчиво оглядывали её: никогда в старой Польше девушке не доверили бы такого дела. Но сомнения их быстро рассеялись: ловкие руки Станиславы уверенно клали кирпич за кирпичом, создавая стену нового дома.

Уже смеркалось, когда она закончила свой первый трудовой день. С высоты четвёртого этажа хорошо был виден город. На улицах загорались мягкие неоновые огни. Девушка долго смотрела на них. Они мерцают ещё среди страшных руин израненного города, но придёт время, когда потоки лучистого света хлынут из окон тысяч новых домов, возведённых руками таких же, как она, молодых строителей. Недаром же её друзья и подруги из Союза польской молодёжи дали крепкое слово восстановить любимую Варшаву — город, который будет одним из самых прекрасных городов мира.

И вот пришёл счастливый день.

22 июля этого года жители польской столицы радостно отмечали свой национальный праздник. Шумно и многолюдно было на Маршалковской улице — одной из главных магистралей города. Особенно большое оживление царило в районе новых домов. Целый квартал справлял сегодня

новоселье. Сотни семей вселились в удобные и светлые квартиры.

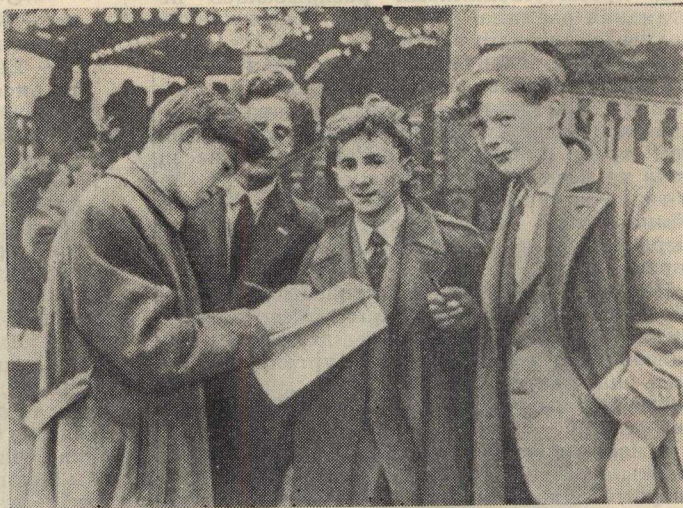
Множество людей стояло на улице. Они смотрели, как распаковывались окна в квартирах, как зажигались в них огни, бросая светлые блики на зеркала, на лак роялей, на шкафы с посудой.

Стояла внизу и Станислава. Её сердце билось горячо и взволнованно. Это она со своими товарищами построила красивые прочные здания в новом квартале. Вот и хлынул лучистый свет из окон новых квартир!

Многие в толпе узнавали Станиславу. К тому времени портрет знатной каменщицы обошёл страницы многих газет. Вместе с двумя подручными Станислава досрочно выполнила свою первую годовую норму шестилетнего плана Польской республики. Грудь Станиславы украсил серебряный крест — награда за доблестный труд. К ней подходили незнакомые люди, крепко жали руку:

— Спасибо, Станислава! Ты строишь по-варшавски, строишь хорошо!

Дочь Варшавы принесла на фестиваль послание

Молодые рабочие города Ньюкасла в Англии подписываются под Обращением о заключении Пакта Мира.

от польской молодёжи. В нём молодые поляки дали слово и впредь крепить дело мира честным трудом.

Золотая медаль Станиславы — медаль мирного труда.

Б. Стрельников, Ю. Добряков

БАЛКА СОЛЯНКА

Василий Галактионов,
Анатолий Аграновский

Рисунки Н. Кольчицкого

I

Машина вырвалась в открытую степь. Она шла не по дороге, а прямо по целине, по трассе будущего Волго-Донского канала. Перед путешественниками раскрывалась неоглядная равнина, похожая на окаменевшие волны гигантского океана.

Невдалеке зеленели огромные поля озимой пшеницы, пробивалась изумрудная поросль ячменя. Кое-где чернели полосы пара. Нераспаханные участки степи пестрели ярким ковром трав. Всё вокруг спешило расцвести, пока не исчезла весенняя снеговая влага. Золотисто-розовые горюцветы, белый шафран, тёмно-голубые ирисы причудливым узором вырисовывались на ослепительно зелёном бархате трав.

Над степью одиноко возвышались древние её стражи — курганы. Покрытые серебристыми шапками полыни, развеваемой ветром, они напоминали седые головы. Курганы хмурились на непрощенных гостей, дерзнувших нарушить извечную тишину и порядки степной жизни...

В машине рядом с шофёром сидела Дуся Мартынова — молодой техник-геолог. Она впервые попала в степь, в большую изыскательскую экспедицию, и всё ей было ново и интересно. Девушка не спускала глаз с дороги.

Весенняя степь была полна жизни!.. Вот в травяном приволье пробежал чернобрюхий хомяк, взлетел в огромном прыжке ушастый тушканчик. То и дело попадались навстречу исконные обитатели степи — крапчатые суслики. Пёстрые зверьки стояли на задних лапах среди курая и полыни, грелись на солнце и о чём-то пересививались друг с другом. Когда машина приближалась, сусли-

ки пугливо — носом вниз, хвостом вверх — ныряли в свои убежища.

— Как вам нравятся эти места, Дуся? — спросил старший геолог экспедиции Владимир Васильевич Лодочников.

— Очень интересно! — воскликнула девушка. — Какой здесь простор открывается!.. И очень смешные суслики.

— Вы присматривайтесь к ним повнимательнее, — посоветовал Лодочников. — Нам ещё придётся бороться с сусличьей опасностью.

— Какая такая «сусличья опасность»? — удивилась Дуся.

Лодочников указал на степь. От несметного количества чёрных норок земля казалась огромным решетом. Это суслики — миллионы грызунов! — оставили следы своей работы: подземные лабиринты — ходы, переплетающиеся на глубине до шести метров. Эти ходы надо было изучить внимательнейшим образом. Бывали случаи, когда по вине сусликов разрушались только что выстроенные плотины. Вода просачивалась под плотину, размывала подземные ходы. Поток воды устремлялся под сооружение, вымывал грунт, и плотина разрушалась...

Машина летела всё дальше и дальше. На изредка встречающихся деревьях сидели серые кобчики. Как разбойники в засаде, они угрюмо косились на автомобиль, готовые при первой опасности взлететь в воздух. Высоко над головой, высматривая добычу, парили хищные ястребы, ещё выше висели в небе степные орлы.

Когда, уже в сумерках, путешественники подъезжали к маленькой степной деревеньке Рокотино, до них ещё издали донёсся набатный звон. Подъехали ближе. На окраине села девочка изо всех сил колотила по куску рельса. Рядом стоял невысокий паренёк в картузе

и бил палкой по пустой металлической бочке из-под керосина.

— Что это у вас за концерт? — спросил геолог.

— Волков отгоняем, — ответил паренёк. — Вчера трёх овец утащили и телку. После войны волки тут тучами бродят.

Они продолжали дружно трезвонить, и долго ещё провожал изыскателей этот тревожный гул, несущийся над степью.

— Запоминайте, друзья, всё, что вы сейчас видите, — сказал Лодочников. — Сегодня это дикая, нетронутая, живущая своими законами степь, а не пройдёт и года, как всё вокруг изменится!

Машина тем временем поднялась на водораздельное плато. Отсюда начинался спуск к великой реке. Было уже темно, и Волга, освещённая луной, поблескивала вдали широкой серебряной полосой. Поездка геологов по трассе Волго-Донского канала подходила к концу.

Вдруг шофёр затормозил, да так круто, что всех швырнуло вперёд.

— Что случилось?

Шофёр выключил фары и молча показал рукой вперёд. Дно неглубокого оврага, вдоль которого шёл автомобиль, светилось слабыми голубоватыми огоньками.

— Там что-то горит! — крикнула Дуся и выскочила из машины. Она подбежала к самому краю оврага, и огонь как бы расступился перед нею. Гарью не пахло, но шагах в двадцати от Дуси пламенела вся земля.

— Что за чудеса?

И тут девушка услышала смех за своей спиной.

— Как же вы забыли об этой балке, Дуся? — спросил Владимир Васильевич. — Я ведь рассказывал вам...

— Балка Солянка! — вспомнила девушка.

— Ну, конечно, балка Солянка! — подхватила Лодочников. — Именно здесь мы нашли светящиеся фосфоресцирующие суглинки.

Он поднял с земли ком сырого суглинка, растёр пальцами, и с его ладони поднялся зеленовато-голубой дымок. Это было удивительное зрелище. Дусе показалось, что «горящая» земля обжигает геологу руку. Но он со смехом запустил комок в самый центр балки, и там мгновенно отпечатался огоньком этот «снежок».

К ним подошла Надежда Михайловна Покровская, московский геолог, третий участник этого путешествия.

— Эти светящиеся суглинки, — серьёзно сказала она, — заставляют о многом задуматься. Какое сложное здесь геологическое строение!

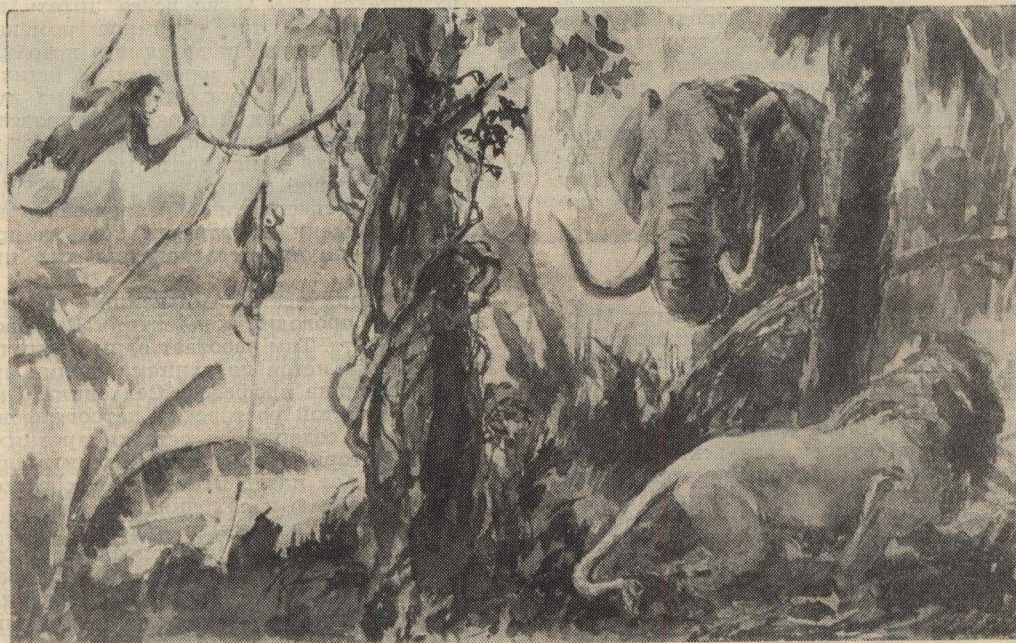
— Сложное? Это ещё слабо сказано. Сложнейшее! Мы ведь называем эту балку «геологической солянкой» — такая она запутанная. Придётся вам, Надежда Михайловна, разобратся в строении этого древнего оврага.

Покровская задумчиво молчала. Она, собственно, для того и приехала сюда из Москвы, чтобы изучить строение таинственной балки Солянки...

2

Все вы, конечно, знаете теперь схему Волго-Донского канала, читали о нём в газетах и журналах, слышали по радио. Поэтому мы расскажем о нём очень коротко, только чтобы вы представили себе, где лежит балка Солянка.

Длина всей Волго-Донской магистрали от Сталинграда до Ростова — 540 километров. Сам же Волго-Донской канал протянется на 101 километр, на остальном пути будет использовано русло возрождённого Дона.

Таким был растительный и животный мир балки Солянки миллион лет назад.

Сто один километр!.. Не так уж как будто и много, если сравнить с Южно-Украинским, Северо-Крымским, Главным Туркменским каналами или даже со Сталинградским магистральным каналом протяжённостью в 600 километров.

Но не одной длиной определяется масштаб сооружения. Не менее важную роль играет рельеф местности и геологическое строение района, по которому проляжет канал.

Между двумя великими русскими реками — Волгой и Доном — лежит высокий водораздел, возвышающийся над уровнем Волги на 130—140 метров. Изыскатели выбрали для трассы канала такой участок, где водораздел ниже. И, тем не менее, он возвышается над Доном на 44 метра, а над Волгой — на 88 метров.

Как же преодолеть эту высоту?

Наиболее целесообразен для пологих склонов метод шлюзования. Волжский пароход близ Красноармейска попадёт на грандиозную стометровую лестницу шлюзов. Перебираясь со ступеньки на ступеньку, корабль поднимется по крутому волжскому склону. Таких ступенек здесь будет девять, каждая высотой от 10 до 13 метров.

И почти все эти шлюзы — самая сложная часть Волго-Донского канала — пройдут по балке Солянке, огромному двадцатикилометровому сухому оврагу. Вот почему геологам нужно было как можно тщательнее исследовать балку Солянку.

Сделать это было совсем не легко.

В балке Солянке перед геологами предстала самая настоящая «геологическая лапша», как говаривал всердцах Владимир Васильевич Лодочников. Тысячелетия жизни балки запутали и зашифровали её геологическое строение. Не раз эту территорию заливали древние моря — Бакинское, Хазарское, Хвалынское. Моря эти плескались у высоких песчаных берегов Ергенинской возвышенности, где теперь проходят улицы города Красноармейска. И всякий раз, когда отступали эти моря, они оставляли после себя мощную толщу отложений: хазарских песков, хвалынских глин, бакинских супесей... В балке Солянке геологи нашли и текущие глины, и фосфоресцирующие суглинки, и супеси, плохо отдающие воду, и пески, отдающие воду охотно. Поди, разберись в этом «слоёном пироге» горных пород!

3

Геолог Покровская и молодой техник Мартинова приступили к чтению великой книги истории земли, листая страницу за страницей. Внизу лежали древние бучакские отложения, на них киевские мергели, затем шли майкопские чёрные глины, ергенинские пески, бакинские супеси, ательские глины, хазарские пески, шоколадные хвалынские глины... Породы в строгой последовательности наслаивались одна на другую в том самом порядке, в каком сменялись на нашей земле древние отложившие их моря.

С помощью нескольких глубоких скважин геолог может проследить положение любого слоя, проходящего в недрах земли. Вот, скажем, пробурена одна скважина, в ста метрах от неё — другая, через сто метров — третья и

так далее. Скважины пересекают балку Солянку по прямой линии. Из них извлечены керны — образцы грунтов. Изыскатель смотрит на керны и видит, что в первой, второй, третьей, пятой скважинах определённый слой породы, скажем, майкопские глины, прослеживается на одной и той же глубине. И если прочертить по бумаге вертикальные линии скважин и наметить на них глубины, с которых взяты образцы майкопских глин, то, соединив эти точки, мы получим горизонтальную линию залегания пласта. Так примерно и составляются геологические разрезы.

Вы скажете, что же здесь трудного? Всё, мол, очень просто. Действительно, на первый взгляд просто, но представьте себе такую вещь. Первая, вторая, третья, пятая, десятая скважины показывают одну и ту же глубину залегания тёмнозелёных майкопских глин, и вдруг какая-нибудь пятнадцатая скважина обнаруживает эту глину тёмнозелёного цвета много глубже. Слой провалился!

Перелистывая книгу великой истории земли, Надежда Михайловна Покровская обнаружила, что на некоторых геологических разрезах, изображающих строение балки Солянки, майкопские глины поменялись местами с более молодыми сарпинскими отложениями. Да и хвалынские глины оказались совсем не на месте. Другими словами, следом за «третьей страницей» шла почему-то «пятая», а после «пятой» — «вторая».

Опечатки природы!

Чем дальше работали Надежда Михайловна и Дуся Мартинова, тем больше обнаруживали они в балке Солянке таких «перепутанных страниц». Но ведь здесь не обвинишь типографию в браке, — книгу земли всё равно нужно прочесть!

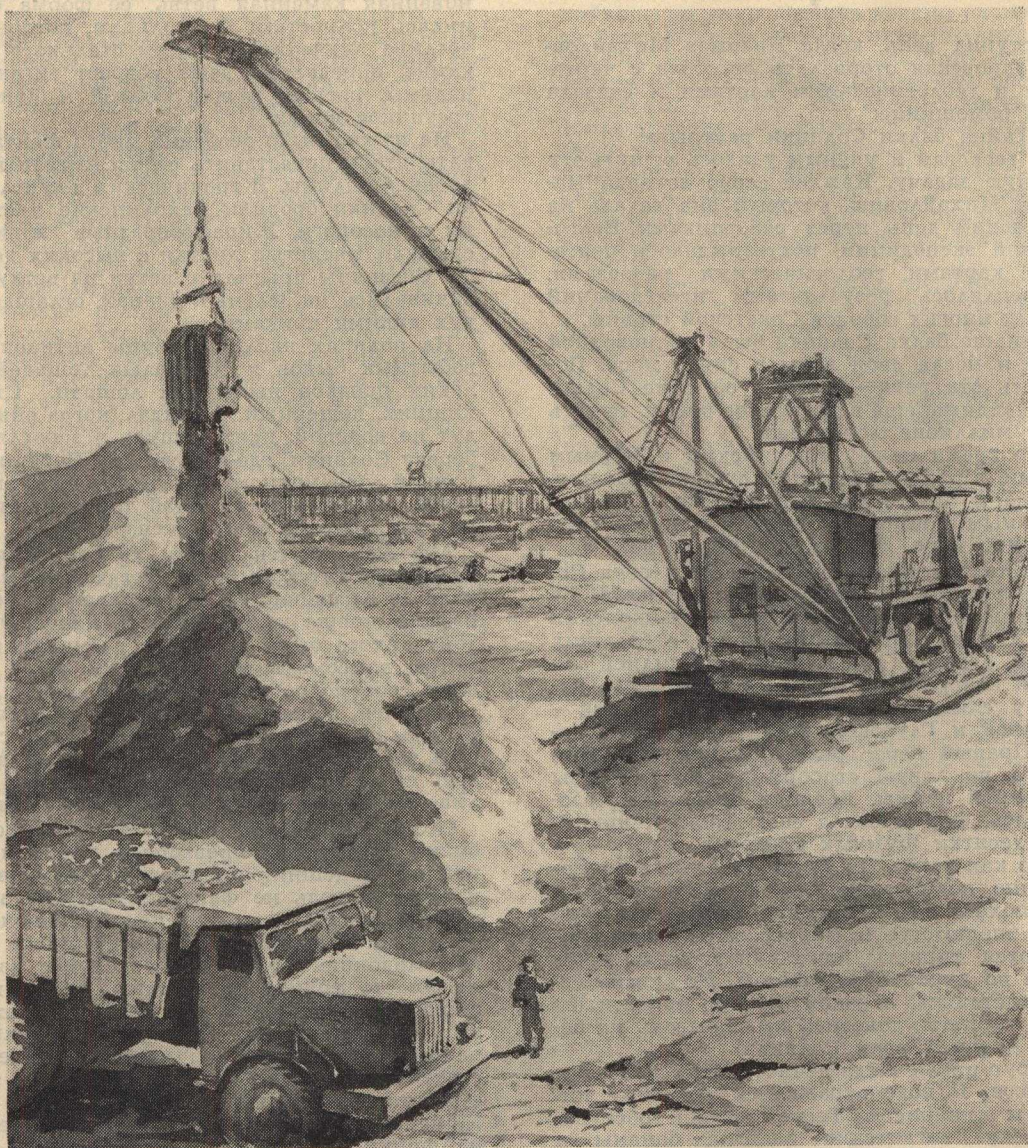
И геологи целыми днями сидели в кернохранилище — в каменной библиотеке, вернее, «грунтотеке», где легче всего читать книгу истории земли. Это — огромное помещение, заставленное полками до самого потолка. На полках вместо книг деревянные ящики, в ящиках образцы пород, добытые из глубин земли. Каждый такой образец Покровская и Мартинова осматривали, ощупывали руками, отыскивали в них почти неуловимые следы исчезнувшей жизни.

Самые интересные из образцов запаковывались в посылки и отправлялись в другие города, в научно-исследовательские институты.

Микроскопические, сложнейшие исследования глин проводил коллектив Ростовского университета. Там работает один из крупнейших специалистов по глинам, ученик академика Ферсмана профессор Седлецкий. Он руководит работой ростовских петрографов.

В кернах содержатся остатки древних растений, которые росли на волжских берегах миллионы лет назад. Пыльца этих растений падала на землю и сохранялась, как бы консервировалась в земных пластах. По этой пыли мы можем сегодня определить, каким был растительный мир этих мест в древности. И керны балки Солянки отправлялись в Воронеж, к палеоботанику доценту Гриценко, — он займётся их изучением...

Во многих местах изыскатели находили остатки древних моллюсков, обитавших в тех

В долине древней реки Солянки советские люди строят грандиозную лестницу шлюзов.

древних морях, которые заливали некогда нашу равнину. По этим остаткам — ракушкам — можно судить о возрасте слоёв земли. И большую коллекцию ракушек послали волго-донские геологи в Новочеркасск, к видному палеонтологу доценту Попову.

Великое содружество науки и практики должно было привести к открытию тайн балки Солянки. Это содружество крепло с каждым днём. И молодому технику-геологу Дусе Мартыновой казалось иногда, что вся междугородная телеграфная станция обслуживает только Волго-Донскую экспедицию, что почта и телеграф не знают других адресов. Стены скромной экспедиционной конторы будто исчезали, и девушке представлялось, что она видит всю страну и что вся страна видит её работу...

Звонил по телефону из Воронежа палеоботаник Грищенко, сообщал о результатах своих исследований. Приезжал в Калач археолог профессор Артамонов. Он руководил раскопками хазарской крепости Саркел IX—X веков нашей эры, крепости, которая через год окажется на глубине 18 метров — на дне Цимлянского водохранилища. Писал из Ростова профессор Седлецкий, сообщал об исследованиях волго-донских глин. Телеграфировал из Москвы о своём выезде профессор Воздвиженский — старейшина буровиков, по учебникам которого учились все геологи экспедиции...

Совместная работа людей науки — крупнейших учёных страны — и практиков — смелых изыскателей Волго-Донской экспедиции — принесла в скором времени свои плоды.

Наступил день, когда Надежда Михайловна Покровская оторвалась от стола с чертежами и геологическими картами и сказала своей помощнице:

— Тайна балки Солянки раскрыта!

Да, геологам и учёным удалось решить эту сложную задачу. Каждое слово доклада Надежды Михайловны, который она делала на следующий день перед работниками Волго-Донской экспедиции, подтверждалось чертежами, картами, геологическими разрезами, подкреплялось результатами исследований учёных многих городов Советской страны.

...Раньше балка Солянка была полноводной рекой и несла свои воды в синее море. Появилась эта река — назовем её тоже Солянкой, — видимо, ещё в третичное время, то есть более миллиона лет назад.

В то время между Каспийским и Чёрным морями, в районе Манычей, существовал пролив, по которому солоноватые воды Каспия свободным и широким потоком устремлялись в Чёрное море. Всё было иным тогда.

В начале четвертичного времени река Солянка переживала пору своего расцвета. Её русло глубоко врезалось в толщу майкопских глин. Сегодня мы извлекаем их с больших глубин, а тогда эти глины находились на земной поверхности. Река Солянка брала начало у слияния двух полноводных рек — Князевой и Глубокой, ныне тоже сухих балок. Правый берег реки Солянки был крутым, а по левую сторону лежали террасы низменной поймы. Древняя река жила, развивалась, формировала свою долину, принимала десятки шумных притоков.

Река как река... Не слишком велика, но достаточно полноводна. Она была, надо полагать, похожа на те живописные современные реки, впадающие в Чёрное море, которыми любят туристы, когда едут вдоль побережья по курортным дорогам. Но можно себе представить, в какой восторг пришли бы те же туристы, доведись им побывать на берегах древней реки Солянки!

Вокруг цвели тогда вечнозелёные растения тропиков. В воде отражались стройные пирамиды кипарисов. Тесной стеной обступали реку гигантские пальмы, бананы и мирты, платаны и лавры. Густые лианы опутывали могучие стволы, создавая непроходимые джунгли. Это было фантастическое царство растений-гигантов...

Вы спросите: откуда всё это известно? Как это геологи могут узнать сегодня, каким был растительный мир миллион лет назад?

Но мы уже рассказали вам о том, что в изысканиях приняли участие воронежские палеоботаники. С помощью микроскопических исследований сохранившейся в земле пыльцы древних растений доцент Грищенко восстановил картину былой флоры волжского склона.

А когда началось строительство Волго-Донского канала, геологи нашли в котловане второго шлюза обломок ветви одного из гигантских деревьев древности. Химические процессы, веками происходившие в земле, привели к тому, что древесина полностью окаменела. Перед геологами лежала необык-

новенная каменная ветвь, её форма сохранилась полностью. По кольцам, которые отчётливо виднелись на этом стального цвета камне, определили даже возраст гигантской пальмы, росшей между Волгой и Доном в третичное время.

Не нужно было особенно много фантазировать, чтобы представить себе и животный мир древней долины. В тропических джунглях реки Солянки бродили исполинские мастодонты и носороги. Жирафообразные животные срывали мясистые листья с высоких деревьев. Обезьяны прыгали с ветки на ветку, раскачивались на зелёных лианах, оглашая воздух дикими криками.

На полянах паслись табуны антилоп, первобытных быков и трёхпалых лошадей — далёких предков нынешней лошади. Старый хищник, пещерный лев, ждал, когда они придут на водопой, притаившись в зарослях на берегу Солянки, где-нибудь под Парашютной улицей современного Красноармейска, на которой расположился штаб топографической партии Волго-Донской экспедиции.

Лев был опытен, одним ударом валил он наземь гигантского быка. Когда в выемке канала у Красноармейска экскаватор поднял в своём ковше из глубины окаменевшую голову такого быка с рогами размахом в два метра, комсомольцы экспедиции долго рисовали себе подробности древней охоты...

Впрочем, пещерный лев не был полновластным владыкой реки Солянки. Когда, сокрушая всё вокруг, ломая деревья, сюда двигалось стадо гигантских слонов, хищник, трусливо поджимая хвост, бежал в свою пещеру.

Слоны были великолепы. Их белые острые бивни раза в три превышали размеры бивней их нынешних индийских потомков. Мы и здесь отнюдь не фантазируем, ибо землеройная машина в котловане четырнадцатого шлюза на Цимле неожиданно вторглась в целое кладбище первобытных слонов и извлекла вместо грунта гигантские белые кости животных третичного периода. Эта находка на берегу Дона была замечательным палеонтологическим документом, свидетельствующим о том, что в древности здесь существовал богатейший тропический мир. Нынешнюю флору и фауну Южной Америки и Африки можно считать лишь слабым отражением этого мира.

В то же время находка в Цимлянском котловане запечатлела гигантскую геологическую катастрофу, во время которой погибли слоны, погиб и весь этот мир, а наши тропики переродились в нынешнюю сухую степь.

Какая же сила преобразовала природу Русской равнины?

Что погубило полноводную реку Солянку? Знаменитый русский географ Воейков сказал однажды: «Реки — продукт климата». В самом конце третичного — начале четвертичного времени в жизни Земли произошло крупное событие: наступила ледниковая эпоха. Оледенение территории нашей страны достигло исключительных размеров, охватило весь север и в виде отдельных ледяных «языков» протянулось на юг, вплоть до Херсона. Двигаясь из Скандинавии и Финляндии на юго-восток, ледник разрушал, измельчал,

шлифовал горные породы, лежавшие на его пути, и передвигал их в южные широты.

Резкое охлаждение климата, вызванное наступлением ледника, и было причиной вымирания животных и изменения растительного мира в бассейне древней реки Солянки. К гибели самой реки ледник ещё не имел непосредственного отношения. Но всё в природе взаимосвязано — ледник был косвенной причиной превращения полноводной реки Солянки в мёртвую балку Солянку.

Когда ледник отступал и таял (это происходило четыре раза), грандиозные потоки воды устремлялись к югу. Они заполняли все неровности рельефа, образуя тысячи озёр, переполняя их, безудержно двигаясь в южные широты всё дальше и дальше. Водные запасы Каспийского моря росли, и оно, мирно плескавшееся доселе где-то в районе нынешнего Баку, выходило из берегов и затопляло огромные пространства, доходя до нынешнего Хвалынска на Волге. Каждое отступление ледника вызывало наступление моря на Русскую равнину.

Когда началось отступление и таяние наибольшего, так называемого «рисского» ледника, река Солянка, и без того многоводная, стала получать ещё больше воды.

Это было похоже на паводок, длившийся тысячелетиями. Вода всё прибывала и прибывала. В Солянку со всех сторон стекали пенные потоки ручьёв, и она бушевала с небывалой силой. Река вздыбилась, поднялась, ей было уже тесно в старых берегах, и она стала размывать, увлажнять высокие склоны, которые прежде были для неё недосягаемы.

Крутой склон тёмнозелёных, почти чёрных майкопских глин потерял веками сложившееся равновесие и, как бы мстя Солянке за её подкоп, начал медленно сползать вниз, отесняя реку в сторону. Произошёл оползень.

А русло Солянки всё глубже врезалось в землю, разливы её были всё более бурными. Река размывала, подтачивала свои некогда прочные берега, происходили новые и новые обвалы и оползни. Они-то и перепутали «страницы истории», которую пришлось расшифровать изыскателям Волго-Донской экспедиции.

Таких рек, как Солянка, несущих на юг ледниковые воды, было великое множество. Они работали дружно, и постепенно началось новое наступление Каспия на сушу. Пополнив свои водные запасы, море стало выходить из берегов. Это была крупнейшая, так называемая «хазарская трансгрессия» Каспийского моря.

Тут-то и таилась гибель Солянки!

Реки — продукт климата. Изменились физико-географические условия бассейна, значит, и река должна к ним приспособливаться. Поднялся уровень моря, в которое река несёт свои воды, — значит, и она неминуемо должна поднять своё русло, подтянуть его к новому уровню моря. И реке Солянке приходилось поднимать своё дно выше и выше, постепенно уменьшая уклон русла и скорость течения воды.

Как она это делала? Очень просто. Солянка несла свои мутные воды в глубоководный Каспий, течение её становилось медленнее и медленнее, и песчаные наносы начинали откладываться в её русле.

Так будет выглядеть один из шлюзов Волго-Донского канала.

Так слабела могучая река и, задыхаясь, тревожно металась среди отмелей и островов. А их становилось больше и больше — река как бы сама себя закапывала. Потом в долину Солянки вторглось море и тоже начало откладывать пески и глины. Оползший склон майкопских глин постепенно скрывался, прятался под мощной толщей новых наносов. Прекратили свою работу и притоки Солянки — реки Князевая и Глубокая. Когда море ушло, они превратились в сухие овраги.

Подобный процесс одряхления и умирания рек можно наблюдать и в наши дни. На той же трассе Волго-Донского канала есть степные речушки — Карповка и Червлённая. Мелкие, пересыхающие, с распастанными долинами, они только в весенний паводок становятся реками, а летом дробятся на озёрки, плёсы и почти совсем пересыхают. Когда-то Карповка и Червлённая были полноводными реками, а сейчас переживают ту самую стадию умирания, какую пережила много тысячелетий назад река Солянка. Даже Дон, прекрасный тихий Дон, который неудержимо заносится песками и мечется среди многочисленных мелей, перекатов и островов, тогда стоял бы на пути к гибели, не возьми советские люди судьбу Дона в свои руки.

А древней реке Солянке никто не помог. И она погибла, превратилась в сухую балку.

5

«Хорошо, — скажет кто-нибудь из вас, — всё это интересно: и слоны, и пальмы, и древние оползни. Но практически какое отношение имеет всё это к современному каналу? Для чего всё это делалось?»

А вот для чего.

Советские люди возрождают сейчас древнюю Солянку. В ней строится грандиозная волжская лестница шлюзов. И вот однажды техник-наблюдатель заметил на склоне древней балки, в трёхстах метрах от котлована, небольшую трещину. Трещина была хорошо замаскирована травой, и нужно было быть именно наблюдателем, специально поставленным на это дело, чтобы заметить пер-

вое грозное предупреждение о возможном стихийном бедствии.

В котловане работали в это время десятки машин. Навеки кончился в степи сонный покой, какой наблюдали изыскатели во время первой своей поездки по трассе. В землю вгрызались экскаваторы, грузовики-самосвалы вывозили грунт, мощные скреперы выравнивали дно. В глубоком котловане, над которым навис крутой склон тёмных майкопских глин, трудились тысячи рабочих...

В Москву полетела телеграмма о трещине, обнаруженной в склоне балки Солянки. Ответная телеграмма строго предписывала: «Организовать самое тщательное наблюдение за склоном. Вести работы так, чтобы не было никакой опасности для людей, находящихся в котловане».

Вы понимаете, что здесь происходило? Котлован прорезал тело оползня. Левый берег мёртвой реки обнажился, лишился точки опоры и вновь потерял равновесие, которое не нарушалось тысячи лет. В три часа двадцать пять минут дня в районе третьего шлюза левый откос котлована дрогнул и медленно пополз вниз.

Обрушилось сто тысяч кубометров грунта!

Вы представляете себе, каким грозным стихийным бедствием мог бы стать этот эпизод в истории строительства Волго-Донского судоходного канала? Но он не стал бедствием. Не стал потому, что геологи заранее разведали, раскрыли, разгадали тайну балки Солянки. На карте, с которой строители вышли в поле, значилось три слова: «погребённое тело оползня».

Оползень ни для кого не был неожиданностью. Строители следили за майкопскими тёмными глинами неустанно. И в то время, когда обрушивались тысячи кубометров земли, поблизости не было ни одного человека, ни одной машины.

Советским людям, вооружённым наукой, не страшны стихии природы. Они строят сейчас в сухой балке с распастанными склонами грандиозную волжскую лестницу шлюзов полноводного канала Волга — Дон, возрождая древнюю реку Солянку к новой жизни!

Аркадий Петрович Гайдар.

ПАМЯТИ ГАЙДАРА

В этом году, двадцать шестого октября, исполняется десять лет со дня гибели в бою за Родину Аркадия Петровича Гайдара.

В который раз уже, говоря о Гайдаре, ребята будут спрашивать друг друга, учителей и старших товарищей:

«Какой он был? Как писал и как жил на свете?».

Новые пионеры пришли в отряды и дружины, новые мальчики и девочки, недавно ещё научившиеся читать, сели за

книги Гайдара. Удивлённо и радостно знакомятся они с Чуком и Геком, девочкой Марусей, Смелым Всадником Алькой, Тимуром и Женей. И ещё миллионами друзей и товарищей становится больше у Гайдара.

Какой он был? Как жил?

Хороший был. Просто и честно жил. Очень любил вас, ребята, и свою счастливую советскую землю. Для неё и для вас писал хорошие книги. За неё и за вас отдал жизнь...

Пожалуй, нет сейчас такого пионера или комсомольца в Советском Союзе, который бы не знал и не любил Гайдара. Все у нас его помнят и любят — и малые и старые.

Тане Карпенко из города Щербакова семь лет, и она ещё не доросла до пионерского возраста. Но она выступала на читательской конференции и сказала: «Я очень люблю Аркадия Петровича Гайдара. Он даже своего Тимурика заставлял идти в лесу и не оглядываться, высоко держать голову и не трусить...»

А Вере Ивановне Тресвятской из этого же города Щербакова семьдесят один год, и у неё взрослые сыновья. На столе у Веры Ивановны лежат книги Гайдара, а на стене висит его большой портрет. И она пишет, что ей очень хочется, чтобы «люди поняли, какой солнечный, чудесный человек он был».

Люди, советские люди давно это поняли. О Гайдаре пишут книги и поют песни. По морю плывёт пароход, и называется он «Аркадий Гайдар». В новом городе появляется новая улица, и называется она улицей Гайдара. Библиотеки, школы, детские дома носят имя Гайдара. Значит, помнит и любит Гайдара наш народ, наше Советское государство.

Комсомолец Анатолий Ковалёв, сын шахтёра с рудника «Голубовка», перед тем как уйти в лётную школу, переписал к себе в тетрадку биографию Гайдара и сборку приписал от себя: «Так жить!»

Жила в Москве пионерка Галя Дунаева. Теперь она совсем большая и учится на филологическом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова. Вот как она пишет о Гайдаре:

«Десять лет назад я также читала, перечитывала, зачитывалась «Чуком и Гekom», «Военной тайной», «Школой» и «Судьбой барабанщика». По-моему эти книги никогда не состарятся. Теперь у меня есть маленький брат (9 лет), но когда дело доходит до чтения книг Гайдара, мы чувствуем себя, наверное, одинаково молодо и... взросло».

Мне кажется, что произведения Гайдара — наилучший образец социалистического реализма. У нас в доме живёт мальчик, теперь он большой уже. Так он во время войны был Тимуром. И страшно удивляется мой брат, когда я говорю ему,

что и я во время войны была Тимуром... Больше всего мне нравится «Военная тайна», даже не знаю, почему. Но она написана настолько тепло, просто, понятно, настолько, я бы сказала, светло, поэтически и в то же время с большой силой и, по-моему, с грустью... Когда я читаю эту вещь, то, к великому стыду моему, не могу сдерживать слёз в том месте, где Сергей, держа мёртвого сына на руках, вдруг отчётливо видит смуглое лицо мёртвой Марицы, а Натка ясно слышит наивную и печальную мелодию голубого кораблика.

И после всего этого такая твёрдая и бодрая концовка, помните: мальчик заглянул ей в лицо, засмеялся и убежал, а над алькиной могилой из камня — красный флаг, и сжатые губы, и совсем не убитый вид у Сергея...»

Так помнит Гайдара, так любит Гайдара Галя Дунаева. Она его и в глаза не видела раньше, только читала. А любит его, как родной, близкий человек. Потому что книги Гайдара дороги и близки всем нам. Всё его большое, горячее сердце в книгах, им написанных, вся его любовь к прекрасной советской Родине и к её людям — в них!..

Нам дорого всё, что написано Гайдара, всё, что относится к его жизни и к его творчеству. В этом номере журнала вы прочитаете, ребята, ещё совсем не известные вам произведения Гайдара — это «Обыкновенная биография» (продолжение повести «Школа», которую все вы, конечно, читали и перечитывали) и главы из повести «Бумбараш». Правда, эти произведения Гайдара остались незаконченными, но и так они вам всё-таки очень много расскажут. Вот что, оказывается, происходило дальше с Борисом Гориковым, вот как он встретился со своим старым школьным товарищем. А прочитав главы из неоконченной повести «Бумбараш», вы познакомитесь ещё с одним гайдаровским героем, с храбрым и верным Иртышом.

Много в этих маленьких отрывках чудесных гайдаровских страниц. Хорошо, что сохранились они. С огромным интересом прочтут их ребята и ещё раз с грустью подумают: «Как много мог бы сделать Аркадий Гайдар, сколько бы ещё он написал, если бы не оборвала его жизнь злая фашистская пуля!..»

Б. Емельянов

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ

А. Гайдар

В воронежском военном госпитале я пролежал три недели. Пулевая рана ещё не совсем зажила, но за последние дни прибывало много раненых шахтёров с линии Миллерово — Луганск — Дебальцево. Мест не хватало.

Мне выдали пару грубых новых, пахнущих свежей сосною костылей, отпускной билет и проездной литер на родину.

Я надел новую гимнастёрку, брюки, шинель, полученные взамен прежних — рваных и залитых кровью, — и подошёл к позолоченному полинялому зеркалу.

В нём я увидел высокого крепкого мальчугана в серой солдатской папахе, на которой мерцала хорошая красноармейская звезда. Увидел самого себя с обветренным, похудевшим лицом и серьёзными, но всё равно весёлыми глазами.

Полтора года прошло с тех пор, как, обозлившись на Федьку, из отцовского маузера всадил я в паркетный пол школы пулю. И тогда, испугавшись, убежал я из нашего города Арзамаса.

С тех пор прошло многое. Октябрь, боевая дружина сормовских рабочих, Особый революционный отряд, фронт, плен, гибель Чубука, приём в партию, пуля под Новохопёрском и госпиталь.

Я отвернулся от странного зеркала и почувствовал, как лёгкое волнение слегка кружит мою только что поднявшуюся с госпитальной подушки голову.

Тогда я подпоясался. Сунул за пояс тот самый, давнишний маузер, из-за которого было столько беды в школьные годы, и, притоптывая белыми свежими костылями, пошёл потихоньку на вокзал.

Там спросил я у коменданта, когда идёт первый поезд на Москву.

Охрипший суровый комендант грубо ответил мне, что на Москву сегодня поезда нет, но к вечеру пройдёт на Восточный фронт санитарный порожняк, который доведёт меня до самого Арзамаса.

Из книги «Жизнь и творчество А. П. Гайдара». Издание Дома детской книги Детгиза. 1951 год.

В 1918 году, четырнадцати лет, Гайдар ушёл в Красную Армию. На этом снимке вы видите его командиром Красной Армии.

И ещё сердитый комендант дал мне записку на продпункт, чтобы выдали мне хлеб, сахар, селёдку и махорку в двойном размере — как отпускинику-раненому.

Хлеб, сахар и селёдку я положил в вещевой мешок, а махорку отдал на вокзале одному товарищу, который был ещё раньше ранен и теперь опять возвращался на фронт.

Около года я не получал писем от матери. Сам я написал ей за это время два или три коротеньких письма, но адреса своего ей сообщить не мог, потому что в то время полевых почтовых контор ещё не было, да если бы и были, то и это не помогло бы, потому что орудовал наш маленький отряд больше по тылам — сначала у немцев, потом у гайдамаков и у белых.

А из госпиталя, из Воронежа, не писал нарочно — чувствовал, что мать, узнав о моей ране, только бестолку расплачется и разволнуется.

Санитарный порожняк торопился на восток, где в это время шли крепкие бои с Колчаком. Уплывали одна за другой станции, чужие, незнакомые, но все так похожие одна на другую, — грязные, кричащие, звенящие, лязгающие оружием, расцвеченные красными флагами и плакатами.

Мелькнёт вокзал, красноармейцы, выстроившиеся с котелками возле дымящейся походной кухни.

Дёрнет за сердце прорвавшийся через грохот колёс напев гармоник, дунет морозный ветер — запахом дыма, сена, лошадиного навоза и карболки.

Врежется в память посиневшее лицо рабочего-дружинника, опоясанного пулемётной лентой на вылинялой кожаной тулупе, отягощённой брезентовым патрон-ташем.

Улыбнётся и махнёт рукой женщина, вероятно, работница. Да и какая там женщина — просто весёлая девчонка с наглым у кожаного пояса.

И опять далёкое поле, а в поле за сугробами далёкие дороги и далёкие деревни, сёла, и в каждой деревне свой Деникин, в каждом селе свой Колчак, свои красные, своя ненависть и борьба.

Поезд прорвался за Муром, и вместе с ударами станционных колоколов сразу зазвучали имена станций, разъездов, полустанков, давно знакомых ещё по детству, по школе, по семье... Мунтилово, Балахониха, Костылиха...

Давно ли? Нет, впрочем, давно, очень-очень давно — года четыре или пять тому назад — отец взял меня с собой в Костылиху, куда ездил в гости к тамошнему учителю Фёдору Матвеевичу... Там мы спали на сеновале, потом пили чай с крыжовником, потом мы ходили купаться, и когда шли назад, отец, и учитель, и ещё две какие-то хорошие женщины тихо пели песню, которую я силился сейчас вспомнить, но никак не мог.

Поезд прорвался мимо полустанка Слезёвка. Впереди мелькнули бесчисленные церкви и монастыри Арзамаса; они росли, вырисовывались всё ярче и ярче... так что я теперь мог уже различить и прямую гору собора, и купол Благовещенской церкви, и даже старую пожарную каланчу.

Тогда поезд завернул влево и ушёл в лес, в тот самый детский лес, в котором мне были знакомы каждый бугорок, каждая поляна и каждая ложбина.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся. Передо мною стояла красная сестра с поезда.

— Приехали, — мягко сказала она. — Сойдёшь, постарайся найти лошадь. А если не найдёшь, то иди потихоньку и чаще отдыхай.

— Хорошо, — ответил я, — потихонечку. — А сам с поспешностью, какую только могли позволить мои костыли, затопал к дверям останавливающегося вагона.

Извозчиков не было. Стояло несколько подводчиков, приехавших за грузом на станцию. Я задумался. До города было километра четыре — сначала полем, потом через овраг, потом через перелесок. Такой длинный путь с моей простреленной ногой мне было пройти нелегко.

Но делать было нечего. Я поправил вещевой мешок за плечами и пошёл по гладкой, накатанной дороге.

Я шёл потихоньку, а мне хотелось бежать. Но когда я пробовал ускорить ход, костыли начинали скользить по обледенелым колеям или проваливаться в снег, а нога начинала неметь и ныть.

— Э-эй! — услышал вдруг я позади себя окрик.

Я хотел посторониться. Но посторониться было некуда, потому что я был в ложбине, занесённой снегом, где только-только могла проехать одна лошадь. А в сугроб свернуть мне было нельзя...

Тогда я растерянно обернулся и, опираясь на костыли, встал поперёк пути.

С саней соскочил подводчик, подошёл ко мне и, разглядев, в чём дело, спросил:

— Солдат, подвезти? Садись!

Я забрался на сани, груженные мешками и овсом, и с любопытством посмотрел на подводчика.

Ему было лет сорок, он был небрит, нос его был красен, щёки одутловаты, на голове у него была заячья шапка с ушами, а одет он был в серую форменную шинель — такую, какие носили раньше учителя и акцизные чиновники...

«Неужели это он? — подумал я. — Конечно, он!»

— С какого фронта? — спросил подводчик, завёртывая толстую цыгарку из махорки.

— С Южного, — ответил я ему, улыбаясь. — Александр Васильевич, это вы, а это я.

— Что значит, «это вы, а это я»? — удивлённо переспросил он, вынимая из рта цыгарку и поднимая на меня мутные

Аркадий Петрович Гайдар с пионерами в Артеке.

маленькие глаза. — Го-о-ориков? — вполголоса вскрикнул он. — Го-о-ориков! — Он снял толстую брезентовую рукавицу и протянул мне руку: — Ну, здравствуй...

— Здравствуйте, — весело ответил я. — Как живы, здоровы, Александр Васильевич?

— Жив... — ответил он, — и жив и здоров... А вы, я как вижу, не совсем?

— Нет, и я совсем! Я также и жив и здоров, а это, — и я ткнул рукой на костыль, — это пустяк, это временно.

Лошадь тихонько бежала по узкой дорожке, через перелесок. Мы оба замолчали. Каждый думал о своём.

Сидя в санях, я вспомнил: тишину, чёрное пятно классной доски, форменный сюртук с блестящими пуговицами и машинный, ровный голос:

«В 1799 году, по Потсдамскому миру, Швеция должна была признать себя побеждённой. Великая Российская империя приобрела устье Невы, Кронштадт и северное русло исторического пути, связывающего Европу и Азию...»

Сидя в санях, он, вероятно, думал:

«В 1917 году Великая Российская империя была побеждена и завоёвана людьми, приобретшими начало и конец пути, который должен, по их замыслам, связать и Европу, и Азию, и весь мир в одно целое. И вот я, дворянин, коллежский со-

ветник Александр Васильевич Воронин, учитель, в порядке трудопунктности посланный за овсом на вокзал, везу сейчас раненого большевика, и даже не большевика, а большевистского мальчишку, которого два года тому назад я учил тому, что Великая империя непобедима».

Он довёз меня до самого дома и, хмуро кивнув головой на моё «спасибо», повёз сдавать овёс в упродком.

А я, с опаской посмотрев на окна нашей квартиры, зашагал во двор, радуясь тому, что окна заледенели и через них ничего не видеть.

Стараясь не стучать, я поднялся по лестнице, осторожно отставил костыли в угол за шкаф и постучал в дверь.

За дверями послышался мелкий топот, и по пыхтенью я понял, что это Танюша тужится, открывая крючок двери.

— Мама дома? — спросил я у не узнавшей меня сестрёнки.

— Нет! — ответила она, и испуганные глаза её блеснули слезинками.

— А-ах... не-ет! — весело закричал я, подхватывая костыли и вваливаясь в комнату. — А-ах... нет! А ты без мамы и узнать меня не хочешь!..

Я сбросил сумку, шинель и, усевшись на кровати, обнял не совсем ещё оправившуюся от испуга девчурку...

— Господи, Борька!.. Ну, Борька!.. Ну

какой ты ужасный солдат! Ну, как папа был солдат, так и ты солдат... — стрекотала Танюшка. И, целуя меня, она добавила протяжно и укоризненно: — Бо-о-орька! Борька! И что ты так давно не писал, а уже мама думала, думала... И я тоже думала, думала! Да вот! Когда она сейчас с базара придёт, всё сама расскажет.

Я оглянулся. Всё стояло на старом месте: и шкаф, и кровать, и старый треногий диван. Я посмотрел на стену — там было новое.

Прямо со стены смотрел на меня большой портрет отца — в такой же, как у меня, серой папаше и в такой же шинели, — и был тот портрет обведён траурной каймой красного с чёрным.

— Это тебя на войне убили? — спросила Танюшка, осторожно дотрагиваясь пальцем до костыля.

— На войне! — рассмеялся я и сунул костыли под кровать.

— А у нас, Борька, горе какое! Ну какое горе! Такое горе! — И сестра грустно посмотрела на меня.

— Какое ещё горе? — встревоженно спросил я, пододвигая её к себе.

— А такое горе! Что Лизочка уже умерла!

— Какая ещё Лизочка? — спросил я, вспоминая и перебирая в памяти всю весёлую ораву моих двоюродных сестричек, живших в деревне неподалёку от Арзамаса.

— Как какая? — И Танюшка подняла на меня печальные и изумлённые глаза. — А наша-то Лизка, кошка такая. Помнишь? Да она-то ещё один раз с печки прыгнула — молоко опрокинула. Ну, вспомнил теперь?

— Вспомнил, Танюша!

Пришла мать. Распахнув дверь, она остановилась. Внимательно посмотрела на меня. Поставила на пол корзину и, подойдя, крепко обняла меня.

Сбросила платок, холодными от мороза руками взяла мою голову, посмотрела мне в лицо и сказала дрогнувшим голосом:

— Похудел. Побледнел. А вырос-то, а вырос-то! Да встань ты с кровати! Дай я на тебя посмотрю.

— Мне, мама, неохота с кровати вставать, — отказался я. — У меня ноги немного побаливают.

— Отчего побаливают? — И мать подозрительно посмотрела вокруг. — То-то я слышу, что иодоформом пахнет.

— А оттого побаливает, что ещё не зажила. То есть уже зажила, да ещё не совсем.

— Он с палками пришёл, — вмешалась Танюшка, вытягивая из-под кровати костыли. — Как пришёл, так под кровать их спрятал, а сам сидит!

— Ранен? — тихо спросила мать.

— Немножко, — ответил я. — Да ты не думай ничего, мама, всё прошло...

Мать провела рукой по моей голове и с минуту посидела молча. Потом быстро встала, сдёрнула пальто и бросилась на кухню.

— Бог мой! Да ты, должно быть, голодный!.. Танюшка, беги скорей в сарай, тащи уголь! Сейчас самовар поставлю. И куда это я спички сунула?.. Борис, у тебя есть спички? Не куришь? Вот хорошо! Да вот они!.. Ты бы сапоги снял и лёг. Дай я тебя разую...

Вскоре зашипел самовар. Запахло с кухни чем-то вкусным. Входила и выходила из комнаты раскрасневшаяся у плиты мать. Ровно тикали стенные часы да колотила метелица в узорчатые, морозные окна.

Лёгкая дрема охватывала меня. Было тепло и мягко на старой кровати, укрытой знакомым стёганным одеялом. И вдруг показалось мне, что ничего не было — ни фронта, ни широких, далёких степей, ни отряда, ни боёв. Будто бы всё то же, что и раньше. Вот она, настенная полка с учебниками. Вот в углу справа картина, изображающая вечер, закат, счастливых жнецов, возвращающихся с поля. Через открытую дверь виднеется кипящий самовар на клеёнчатом столе — такой же неуклюжий, с камфоркой, похожей на старую шляпу, сбившуюся набок.

Я полузакрываю глаза... В углу возится Танюшка, напевая древнюю баюкающую песенку — ту самую, которую я слышал от матери ещё в глубоком детстве:

На горе, го-о-оре

Петухи поют,

Под горой, горой

Озерцо с водой.

Как вода, вода

Всколыхнулась,

А мне, девице,

Да взгрустнулося.

И мне уже совсем начинает казаться, что ничего не было, что всё по-старому, по-школьному, по-давешнему.

— Борис! — кричит мне мать. — И соседей кликать? Боря, тебе чай в кровать дать? Или ты сюда придёшь?

Я вздрагиваю, и опять я вижу через смеженные веки свою шинель, папаху на вешалке и как тащат и ставят костыли у моего изголовья.

Так всё было.

После обеда, когда мать ушла на дежурство в больницу, а я, вдоволь насмотревшись и наговорившись, лежал в кровати, раздумывая о том, куда мне завтра пойти и кого повидать, в дверь постучали.

И в комнату неожиданно вошёл мой школьный товарищ Яшка Цуккерштейн. Он вошёл, улыбаясь, и в то же время видно было, что он старается казаться серьёзным и солидным.

Яшка был на год моложе меня, следовательно, ему было сейчас пятнадцать. Мы были с ним одноклассниками и дружили когда-то, давно, ещё до революции, до тех пор, пока не был приговорён к смерти мой отец, и до тех пор, пока ко мне не была прилеплена кличка «дезертиров сын».

После всего этого я разошёлся со всеми товарищами, кроме Тимки Толухина. С одними, как, например, с Корневым или с Федькой, у меня была открытая вражда, с другими, в том числе и Яшкой, вражды не было, были взаимный холодок и отчуждённость.

Но так как всё это было очень давно и так как с тех пор изменилось многое, то я всё-таки, увидев его, обрадовался яшкиному приходу.

— Здравствуй, Гориков, — сказал он, называя меня по фамилии.

— Здравствуй, Цуккерштейн, — в тон ему ответил я. — Садись! А я устал с дороги, полежу немного.

— Что ты! Что ты! Конечно, лежи! — быстро проговорил он, поглядывая на мою ногу, под которую заботливая мать положила подушку. — А мы узнали, что ты приехал, — продолжал он, усаживаясь на стул и держа в руках форменную фуражку с сорванной кокардой. — Вот ребята и говорят мне: «Пойди, Яшка, узнай, как он, откуда, надолго ли?.. Ну, вообще, — говорят, — пойди и узнай...» Вот я взял да и пошёл.

— И хорошо сделал! — ответил я, не совсем понимая только, какие это именно ребята могли попросить Яшку

Аркадий Петрович Гайдар с сыном Тимуром.

узнать обо мне, потому что с отъездом Тимки на Украину никаких школьных товарищей у меня не осталось.

— Ты с фронта приехал? — спросил Яшка.

— С Южного, — ответил я, внимательно разглядывая прежнего товарища и удивляясь тому, как вырос и возмужал он за эти полтора года.

— Ты был ранен?

— Да, в бок и в ногу.

— Ты надолго приехал?

— У меня отпуск на три недели...

— А потом?

— А потом опять на фронт...

— На какой?

— Не знаю! На какой пошлют, фронтов много.

Разговор не завязывался никак. Он спрашивал. А я отвечал охотно. И всё-таки, несмотря на всё это, несмотря на то, что нам обоим хотелось попросту поговорить, какая-то неуловимая черта, наметившаяся ещё где-то далеко в прошлом, лежала между нами.

— Ребята просили: если ты сможешь, то приходи завтра к нам. У нас завтра в семь часов вечер в клубе. Там много наших встретишь. Они будут рады.

Последняя фотография Аркадия Гайдара. Сентябрь 1941 года.

— Цукер... — спросил я, — вот ты всё мне говоришь: ребята послали, ребята просят, — какие это ребята? Ну, например, кто?

— Как кто! Васька Бражнин, Васька Суханов, Гришка... Фёдор, Пашка Коротыгин — ну, вообще все наши одноклассники, комсомольцы...

— Как? — И я повернулся так быстро, что нога моя соскочила с подушки и больно и сладко заныла. — Как ты сказал? Комсомольцы? Разве Гришка — комсомолец?.. Разве ты, Яшка, комсомолец?..

— А ей богу же, Борька, комсомолец! — обиженно и искренно вскричал Яшка, впервые называя меня по имени и так же попрежнему, по-мальчишески оттопыривая губы, за что его и прозвали в школе Яшка-теляшка. — Уж скоро полго-

да, как комсомолец... Да хочешь, я тебе билет покажу?

— Ой-ой-ой-ой! — захохотал я, вырывая и отбрасывая его фуражку, которую он бестолку крутил в руках. — Ой, и чу-дак же ты, Яшка! Что же ты мне просто не сказал? А то сидит, как китайский посол, и тянет что-то... меня послали... тебя просили... Сел бы, да и говорил просто!..

— А чёрт тебя знал, Борька, как с тобой разговаривать! — откровенно сознался Яшка. — Твоё, можно сказать, такое положение, да с фронта, да ещё раненый! Мне ребята говорят: «Гориков приехал, сходи ты, Яшка». Я спрашиваю: «Почему я? Пускай Гришка идёт или Васька». Васька говорит: «Я схожу. А только Яшке лучше, он и раньше у него бывал». Ну, я и пошёл...

Всё прошло. Исчез холодок. Разговор стал простым и тёплым — таким, какой может быть только между двумя давно не видавшимися после ненужной и случайной ссоры товарищами.

Я мало рассказывал, больше спрашивал. Потом мы начали вспоминать:

— А помнишь?

— А помнишь?

Он рассказывал мне о моих школьных товарищах и врагах, о том, кто из них остался, кто уехал, кто вступил в комсомол. И я с огромным вниманием и радостью слушал о том, что Кольку приняли было, да вскоре исключили. А что Васька оказался хорошим парнем. А что другой Васька тоже в комсомоле... И что Петька подал заявление... И только один раз я нахмурился. Это когда я узнал, что Федька Башмаков тоже в комсомоле — и, мало того, один из первых вступил в комсомол.

Это больно задело меня. До сих пор ещё во мне жила глухая, крепкая вражда к Фёдору.

И хотя я не сказал ничего об этом Яшке, но он и сам почувствовал это и перевёл разговор на другое.

Яшка долго ещё просидел у меня, и когда он уходил, то у обоих у нас горели щёки, глаза блестели молодым, светлым задором.

Мы условились встретиться завтра на вечере в клубе укома...

А. Гайдар

ИРТЫШ

(Из незаконченной повести «Бумбараш». Действие повести происходит в 1918 году, во время гражданской войны.)

На перекрёстке, там, где дорога расходилась, влево — на Семикрутово, прямо — на Россошанск, вправо — к станции, не доходя с версту до деревни Катремушек, стояла на холме прямая, как мачта, спалённая молнией берёза.

Берёза была гладкая, почти без сучьев, и было совсем непонятно, как и зачем у самой обломанной вершины её кто-то сидел.

— Эх куда тебя занесло! — останавливаясь возле дерева и задирая голову, подивился Бумбараш. — Глядите, какой ворон-птица!..

То ли ветер качнул в это время надломленную вершину, то ли «ворон-птица» не так повернулся, только он по-человечески вскрикнул, и неподалёку от Бумбараша упал на траву железный молоток.

«Плохо твоё дело! — подумал Бумбараш. — Эх тебя занесло! Теперь возьми-ка, спускайся...»

— Дядька, здравствуй! — раздался сверху пронзительный голос. — Дядька, подай мне молоток!

— Дура! — рассмеялся Бумбараш. — Что я тебе, обезьяна?

— Я верёвочку спущу, а ты привяжи...

— Если верёвочку, тогда дело другое, — согласился Бумбараш и, скинув сумку, стал дожидаться.

Прошло несколько минут, прежде чем бечёвка с сучком на конце опустилась и остановилась сажени за две до протянутой руки.

— Не хватает! — крикнул Бумбараш. — Слушай ниже.

— Сейчас, погоди. Надвяжу пояс.

Сучок опустился ещё немного, но и этого было мало.

— Нехватает! — опять закричал Бумбараш. — Спускай ниже, а то уйду...

— Сейчас! — донёсся встревоженный голос. Видно было, как мальчуган, осторожно перехватываясь за корешки сучьев, снял рубашку и надвязал пояс к рукаву.

— Всё равно нехватает. Давай, что ещё есть!

— Что же мне — и штаны скидывать, что ли? — послышался сердитый ответ. — Да ты давай, сам подлезь маленько.

— Ещё не было нужды!

Однако и на самом деле обидно было не достать конец верёвочки, до которой оставалось не больше чем два аршина.

Бумбараш скинул шинель и, вспомнив солдатскую гимнастику, полез вверх.

Сунув молоток в петлю, обдирая гимнастёрку и руки, он соскочил на землю.

— Дядька, спасибо! — поблагодарили его сверху. — Куда уходишь? До свиданья!..

Но Бумбараш не уходил ещё никуда. Просто, опасаясь, как бы сорвавшийся молоток не брякнулся ему на голову, он отошёл к опушке и сел на пенёк, собираясь посмотреть, чем же теперь всё это дело кончится.

Видно было, как мальчишка прижимает телом вдоль ствола какой-то тёмный жгут и как, раскачиваясь на ветру, он ловко орудует молотком. Вот он забил последний гвоздь, торжествующе вскрикнув, опустил жгут, и большое полотнище красного флага с треском взметнулось по ветру.

У скамьи под яблоней разговаривали двое — командир и мальчишка.

Зачем на перекрестке лесных дорог должен был торчать флаг — этого Бумбараш не понял никак. Так же, как не поняла, повидимому, проезжавшая на возу баба, которая, всплеснув руками, поспешно ударила вожжой по коняшке, очевидно, рассудив, что раз тут затевается что-то непонятное, то лучше убраться от греха подальше.

Не дожидаясь, пока мальчишка слезет, Бумбараш тоже двинулся дальше и скоро очутился в деревне Катремушках, которая, как он увидел, была занята отрядом красноармейцев.

Красным Бумбараш ничего плохого не сделал, и потому он смело зашёл в дом, где жила знакомая старуха.

Но старуха эта, оказывается, давно померла, и дома была только рябая баба — жена её сына, которая занималась сейчас стиркой. Бумбараша она не знала.

Он спросил у ней, можно ли остановиться и отдохнуть.

— Чай, хлеб, баба, твой, — сказал Бумбараш, — сахар мой, а пить будем вместе.

Услышав про сахар, баба вытерла о фартук мыльные руки и в нерешительности остановилась.

— Уж не знаю, как, — замялась она. — В горнице у меня какой-то начальник стоит. Да и углей нет. Разве что лучиной?

— Эка беда — начальник! — возразил Бумбараш. — Что мне горница, я поплю и на кух-

не. А лучину наколоть долго ли? Это я и сам могу.

— Уж не знаю как, — оглядывая с ног до головы грязного Бумбараша, всё ещё колебалась баба. — Да ты, поди, и про сахар не врешь ли?

— Я вру? — доставая из сумки пригоршню сахара, возмутился Бумбараш. — Моя королева, внакладку пить будем!

Рябая баба рассмеялась и пошла за самоваром.

Вскоре нашлись и тёплая варёная картошка, и хлеб, и молоко... Бумбараш позавтракал, напился чаю и почувствовал, что его клонит ко сну.

В самом деле, всю ночь, мокрый и грязный, он был на ногах, заснул у стога сена только под утро и спал мало.

Торопиться было некуда.

«Дай-ка я посплю, — решил он. — А пока посплю, пусть баба выстирает гимнастёрку и брюки. Хотя к дядьке приду человек человеком. Да пускай задно и воротник у шинели иглой прихватит».

Он пообещал бабе десять кусков сахару, и она показала ему во дворе плетёную клетушку с сеном.

— Тут и спи, — сказала она. — А в чём ты спать будешь? Нагишом, что ли?

— Давай поищи чего-нибудь из старья мужниного. Спать — не на свадьбу.

Баба покачала головой. Долго рылась она в чулане. Наконец достала такую рванину, что, разглядывая её на свет, и сама остановилась в раздумье.

— Уж не знаю, чего тебе. Разве вот это?

— Не нашла лучше! Пожадничала... — пробурчал Бумбараш, напяливая на себя штаны и пиджак, до того изодранные, излохмаченные, чтогодились бы разве только на огородное пугало.

— Экий ты стал красавец! — забирая одежду, рассмеялась баба. — Ложись скорей, а то вон начальник идет. Глянет да испугается.

Спал Бумбараш долго. Когда он проснулся, то во дворе рябой бабы уже не было. Рядом с клетушкой, у скамьи под яблоней, разговаривали двое — командир и мальчишка.

— Дурак ты был, дураком и остался, — со сдержанной досадой говорил командир. — Ну, и зачем ты приколотил флаг? Вот прикажу сейчас красноармейцам, чтобы достали и сняли.

— Разве же кто долезет? — усмехнулся мальчишка. — Да им в жизнь никому не долезть! Там наверху сучья хрупкие. Как брякнется, так и не встанет.

— Это уж не твоя забота. Раз я прикажу, значит, достанут. Ну что ты тут вертишься? Добро бы какой сирота был. Иди домой! Ты думаешь, у нас всё гулянки? Вот пойдут бои, на что ты нам тогда сдался?

— Вот ещё! Дали бы мне винтовку, и я бы с вами. Я смелый! Спросите у Пашки из третьего взвода. Он говорит: «Дай-ка я над твоей головой раза три из винтовки бахну — сразу штаны станут мокрые». А я говорю: «Хоть все пять пожалуй!» Стал я у стенки. Он раз — бабах! Два, три! А я стоял и даже не моргнул глазом.

— Я вот ему покажу! — рассердился командир. — Я ему дам штук пять не в очередь! Тоже, балда, нашёл дело!

— Наврал я про Пашку, — помолчав немного, ответил мальчуган. — Это я вас хотел раззадорить. Думаю: «Может, разойдётся». «Ах, — скажет, — была не была, давай приму».

— Куда приму?

— Известно, куда. К вам в отряд.

— Опять «на колу мочала, начинай сначала». Меня твоя мать о чём просила? «Гоните, — говорит, — его прочь, пусть лучше делом займётся, а не шатаньем, как безродный».

— Так ведь она же глупая, товарищ командир! Разве же её переслушаешь?

— Это ты на родную мать-то... глупая? Хорош гусь! Пошёл с моих глаз долой! Слушать тебя — и то противно.

— Конечно, глупая, — упрямо повторил мальчуган. — Недавно зашёл к нам на квартиру какой-то комиссар, что ли, а с ним девушка с бумагами. «Сколько, — спрашивает он, — детей? Да кто был муж? Да сколько денег получаешь?» А она стоит и трясётся. Я ей говорю: «Мама, ты чего трясёшься? Это же советский». Всё равно трясётся. А чего бояться! Вот вы, например, начальник, однако же я стою и не боюсь.

— Послушай, ты, — помолчав немного, спросил командир, — как тебя зовут?

— Иртыш, — подсказал мальчик.

— Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

— То поп назвал, — усмехнулась мальчишка. — А теперь не надо. Ванька! И название-то какое-то сопленосое. Иртыш лучше!

— Ну ладно, пусть Иртыш. Так вот что, Иртыш Весёлая голова, в отряд я тебя всё равно не возьму. А вот если хочешь сослужить нам службу, я тебе дам пакет. Беги ты назад в Россошанск и передай его там военному комиссару.

— Да вы, поди, там напишете какую-нибудь ерунду, так только, чтобы от меня отделаться, — усомнился Иртыш. — А я и помчусь, как дурак, язык высунувши.

— Вот провалиться мне на этом месте, что не ерунду, — побожился командир. — Так, значит, сделаешь?

— Ладно, — согласился Иртыш. — Только, если обманете, я вас всё равно найду. Стыдить буду...

...С пакетом за пазухой, с ремённой нагайкой, которую он

нашёл близ дороги, Иртыш Весёлая голова, как называл его командир, смело держал путь на Россошанск.

В кармане его широких штанов бренчали три винтовочных патрона и пустая обойма от большого браунинга. Но самого оружия у Иртыша — увы! — не было.

Даже по ночам снились ему боевые трёхлинейки, воронёные японские «арисака», широкоствольные, как пушки, итальянские «гра», неуклюжие, но дальнобойные американские «винчестеры», бесшумно скользящие затвором, и даже скромные однозарядные берданы. Все они стояли перед ним грозным, но покорным ему строем, нетерпеливо ожидая, на какой из них он остановит свой выбор.

Но, минуя все остальные, он уверенно подходил к русской драгунке. Она не так тяжела, как винтовки пехоты, но и не так слаба, как кавалерийский карабин. Раз, два! К бою... готовься!

Иртыш перескочил канаву и напрямик через картофельное поле вышел в деревеньку, от которой до Россошанска оставалось ещё вёрст пятнадцать. Здесь надо было ночевать.

Он постучался в первую попавшуюся избу. Ему отворила красивая черноволосяя, чуть постарше его, девчонка с опухшими от слёз глазами.

— Хозяева дома? — спросил Иртыш таким тоном, как будто у него было важное дело.

— Я хозяйка, — сердито ответила девчонка. — Куда же ты лезешь?

— Здравствуй, коли ты хозяйка! Переночевать можно?

— Кого бог принёс? — раздался дребезжащий голос, и дряхлая, подслеповатая старушка высунула с печки голову.

— Да вот какой-то тут... переночевать просится.

— Заходи, батюшка! Заходи, милостивый! — жалобным голосом звывала старуха. — Валька, подай прохожему табуретку. Ох, и беда у нас, батюшка!.. Садись, дорогой, разве места жалко...

— Дак он же ещё мальчишка! — огрызнулась на старушку обиженная Валька. — Ты глаза сначала протри, а то... батюшка да батюшка! Вон табуретка, сам сядет!

Но старуха была, очевидно, не только подслеповата, но и глуховата, потому что она не обратила никакого внимания на валькину поправку и продолжала рассказывать про свою горе.

А горе было такое: её сын — отец Вальки — поехал ещё позавчера в Россошанск на базар купить соли и мыла и по сию пору домой не вернулся. На базаре односельчане его видели. Видели в чайной незадолго до вечера. Однако куда он потом провалился, никто не знал, а время было кру-

— Я хозяйка, — ответила девчонка.

гом беспокойное. Дороги опасные. Вот почему бабка на печи охала, а у Вальки были заплаканные глаза.

— Вернётся! — громко успокоил Иртыш. — Он, должно быть, поехал в Мантурово покупать тёлку. Или в Котухово, сменить у телеги колёса. Ведь телега-то, поди, у вас старая?

— Старая, батюшка! Это верно, что старая! — радостно завопила обнадёженная бабка и от волнения даже свесила ноги с печки. — Достань, Валька, из печки горшок... миску поставь, ужинать будем.

Валька дёрнула плечами, бросила на Иртыша удивлённый, но уже не сердитый взгляд и, забирая кочергу, недоверчиво спросила:

— Что же это он колёса менять бы вздумал? Он, когда уезжал, про колёса ничего не говорил.

— А это уж характер у него такой, — важно объяснил Иртыш. — Станет он обо всём с вами разговаривать!

— Не станет, батюшка, — слезая с печи, охотно согласилась старуха. — Это верно, что характер у него такой, крутой, натурный. Валька, слезь в подпол, достань крынку молока. Ах ты, боже мой! Вот послал господь утешителя!

Утешитель Иртыш самодовольно улыбнулся. Он помог Вальке открыть тяжёлую крышку подпола, наточил тупой нож о печку и вежливо попросил Вальку, чтобы она подала ему воды умыться.

Валька улыбнулась и подала.

После ужина они были уже почти друзьями.

Бабка опять залезла на печку. Валька насухо вытерла стол и сняла со стены жестяную лампу. Иртыш взял с подоконника валькину тетрадь и огрызок карандаша.

— Хочешь, я тебя нарисую? — предложил он. — Ты сиди смирно, а я раз-раз — и портрет будет.

— Бумагу-то портить? — недоверчиво заметила Валька, а сама быстро поправила волосы и вытерла рукавом губы. — Ну, рисуй, если хочешь!

— Зачем же портить? — самоуверенно возразил Иртыш и, окинув прищуренным глазом девочку, он зачертил карандашом по бумаге. — Так... Ты сиди, не ворочайся!.. Вот и нос готов, сюда бровь... Вот один глаз, вот другой... Глаза-то у тебя опухли, заплаканные...

— А ты не опухлые рисуй! — забеспокоилась Валька. — Ты рисуй, чтобы было красиво.

— Я и так, чтобы красиво... Ты кончик языка убери. А то так с языком и нарисую! Ну, вот волосы — раз... раз, и готово! Смотри, пожалуйста, разве не похожа? — И он протянул ей портрет красавицы со сжатыми губами, с длинными ресницами и гибкими бровями.

— Похожа, — пролепетала Валька. — Эх, как ты здорово! Только вот нос... Он как-то немного кривой... Разве же у меня кривой? Ты посмотри поближе... Подвинь лампу.

— Что нос? Нос — дело пустяковое. Дай-ка резинку... Нос у тебя какой хочешь нарисую. Хочешь — прямой, хочешь — как у цыгана с горбинкой. Вот такой правильной!

— Такой лучше, — согласилась Валька. — Ой, да ты же мне сережки в ушах нарисовал!

— Золотые, — важно подтвердил Иртыш. — Такой я в них сейчас бриллиантик вставлю! Один бриллиант — раз... другой — два... Эх, ты! Засверкали! Ты в городе бываешь, Валька?

— Бываю, — не отрываясь от портрета, тихо ответила Валька. — С отцом на базаре.

— Тогда найду!.. А вон и ворота скрипят. Беги, встречай батьку!

— Ты колдун, что ли? Ох! А ведь правда, кто-то подъехал.

В избу вошёл отец. Он был зол.

Вчера в лесу его встретили четверо из долгунцовской банды, вскочили на телегу и заставили свернуть на Семикрутово...

Против двухсот пехотинцев, полусотни казаков и двух орудий у города Россосанска было только восемьдесят два человека и три пулемёта.

Однако отбивался Россосанск пока упорно. Стоял он на крутых зелёных холмах. С трёх сторон его охватывали поросшие камышом речки Синявка и Ульва. А с четвёртой — от поля — на самой окраине торчала каменная тюрьма с четырьмя облупленными башенками.

День и ночь тут дежурила сторожевая застава. Пули за каменными бойницами были ей не страшны, а тургаевские орудия по тюрьме не били, потому что в ней сидели заложниками жена Тургаева и её сын Стёпка. Было ещё совсем рано, когда Иртыш подобрался к ограде и застучал в окованные рваным железом ворота.

— Что гремишь? — спросил его через окошечко надзиратель. — Кого надо?

— Трубников Павел в карауле? Отворите, Семён Петрович. Беда, как повидать надо!

— Эх, какой ты, молодец, быстрый! А пропуск? Это тебе, милый, тюрьма, а не церква.

— Так мне же нужно по самому спешному и важному! Вы там откиньте слева крючок, а засов ногою отпихните. Я быстренько. Мне только к Пашке Трубникову... к брату...

— К брату? — удивился надзиратель, высывая бородатое лицо. — А я тебя, молодец, спросонок и не признал... Так это, говорят, ваша компания у меня в саду две яблонь-скоропелки наголо подчистила?

— Бог с вами, Семён Петрович! — хлопнув рукой об руку, возмутился Иртыш. — С какой компанией? Какие яблоки?.. Ах, вот что! Это вы, наверное, приходили недавно в сад. Где яблоки? Нет яблок. А всё очень просто! Когда в прошлую пятницу стреляли белые из орудий, он — снаряд — как рванёт... В воздухе гром, сотрясение!.. У Каблуковых все стёкла полопались, трубу набок свернуло. Где же тут яблоку удержаться? Яблоки у вас сочные, спелые, и как тряхнёт — они, поди, и посыпались...

— То-то, посыпались! А куда же они с земли пропали? Сгорели?

— Зачем сгорели? Иные червь сточил, иные ёж закопал. А там, глядишь, малые ребятки растащили. «Дай, — думают, — подберу, все равно на земле созреет». А чтобы мы... чтобы я?.. Господи, добро бы хоть яблоко какое — анисовка или ранет, а то... фють, скоропелка!

— Что гремишь? — спросил через окошко надзиратель. — Кого надо?

— Мне яблок не жалко, — отпирая тяжёлую калитку, пробурчал старик. — А я в нынешнее время жуликов не уважаю. Люди за добрую жизнь головы наземь ложут, а вы вот что, шелапутники!.. Ты лесом бежал, белых не встретил?

— У Донцова лога трёх казаков видел, — проскальзывая за ограду и не глядя на старика, скороговоркой ответил Иртыш. — Ничего, Семён Петрович... мы отобьёмся!

— Вы-то отобьётесь! — закидывая тяжёлый крик, передразнил Иртыша старик. — Ваше дело ясное... Направо иди, мимо караулки. Там возле бани, где солома, спит Пашка.

В проходе меж двумя заплесневелыми корпусами дымила походная кухня. Тут же, среди двора, валялись изрубленные на растопку золочённые рамы от царских портретов, мотки колючей проволоки и пустые цинки из-под патронов.

На заднем двореке сушились возле церковной решётки холщёвые мешки и поповская ряса.

В стороне, возле уборной, разметав железные крылья, лежал кверху лапами двуглавый орёл.

Кто-то из окошка, должно быть, парень, выкинул Иртышу на голову горсть шелухи от варёной картошки. Иртыш погрозил кулаком и повернул к бане.

Раскидавшись на соломенных снопах, ночная смена ещё спала. Иртыш разыскал брата и бесцеремонно дёрнул его за полу шинели.

Брат лягнул Иртыша сапогом и выругался.

— Давай потише, — посоветовал отскочивший Иртыш. — Ты человек, а не лошадь!

— Откуда? — уставив на Иртыша сонные глаза, строго спросил брат. — Дома был? Где тебя трое суток носило?

— Всё дела, — вздохнул Иртыш. — Был в Катремушках. Ты начальнику скажи — совсем близко, у Донцова лога, трёх я казаков видел.

— Эка невидаль! Трёх! Кабы триста...

— Трёхсот не видал, а ты скажи всё-таки... Дома что? Мать, поди, ругается?

— Бить будет! Вчера перед иконой божилась. «Возьму, — сказала, — рогаль и буду паршивца колотить по чём попало!»

— Ой ли? — поёжился Иртыш. — Это при советской-то?

— Вот она тебе покажет «при советской»! Ты зачем у Каблуковых на парадном зайца нарисовал? Всё шарлатанишь?

Иртыш рассмеялся:

— А что же он, Каблуков, как на митинге: «Мы да мы!», а когда в пятницу стрельба началась, смотрю: скачет он через плетень да через огород, через грядки, метнулся в сарай, из сарая — в погреб. Ну, чисто заяц! А ещё винтовку получил! Лучше бы мне дали...

— Про то и без тебя разберут, а тебе нет дела.

— Есть, — ответил Иртыш.

— А я говорю, нет!

— Есть, — упрямо повторил Иртыш. — А ты побежишь, я и тебя нарисую.

— И кто тебя, такого дурака, сюда пропустил? — рассердился брат. — В другой раз на-

кажу, чтобы гнали в шею. Постой! Матери скажи, пусть табаку пришлёт. За шкафом, на полке. Да вот котелок захвати. Скажи, чтобы еды не носила. Вчера мужики воз картошки да барана прислали, пока хватит.

Иртыш забрал котелок и пошёл. По пути он толкнул ногой железного орла, заглянул в пустую бочку, поднял пустую обойму, и вдруг из того же самого окна, откуда на голову ему свалилась картофельная шкурка, с треском вылетела консервная жестянка и ударила по ноге, забрызгав какую-то жидкой дрянью.

Сквозь решётку Иртыш увидел вытиравшего о тряпку руки рыжего горбоносого мальчишку лет пятнадцати.

— Барчук! Тургаев Стёпка! — злобно крикнул Иртыш, хватая с земли обломок кирпича. — Где твоё ружьё? Где собака? Сидишь, филин!

Камень ударился о решётку и рассыпался.

— Стой! Проходи мимо! — закричал Иртышу, выбегая из-под навеса, часовой. — Не тронь камней, а то двину прикладом... Уйди прочь от решётки, белая гвардия! — погрозил он кулаком на окошко. — Ты смотри, дождёшься!

Из глубины камеры выскочила такая же рыжая горбоносая женщина и рванула мальчишку за руку.

— Врёт он, не выстрелит, — отдёргивая руку, огрызнулся мальчишка. — Нет ему стрелять приказа!

Он плюнул через решётку, показал Иртышу фигу и нехотя отошёл.

— Ишь, белая порода! Ломается! — выругался часовой. — То-то, что нет приказа. А то бы ты у меня сунулся!.. Беги, малый, — сердито сказал он Иртышу. — Видел господ? Мы вчера всухоматку кашу ели. А он, пёс, фунт мяса да полдесятка яиц слопал. Нехватает только пирожного да какава!

— За что почёт? — спросил Иртыш. — Жрали бы хлеб.

— Бойтся комиссар — не сдохли бы с горя. Разобьёт тогда Тургаев тюрьму пушками. Она, тюрьма, только с виду грозна. А копнуть — одна труха.

— Я его всё равно убью! — пообещался Иртыш, снова глянув вверх. — Мне бы только винтовку достать. У вас тут нет лишней?

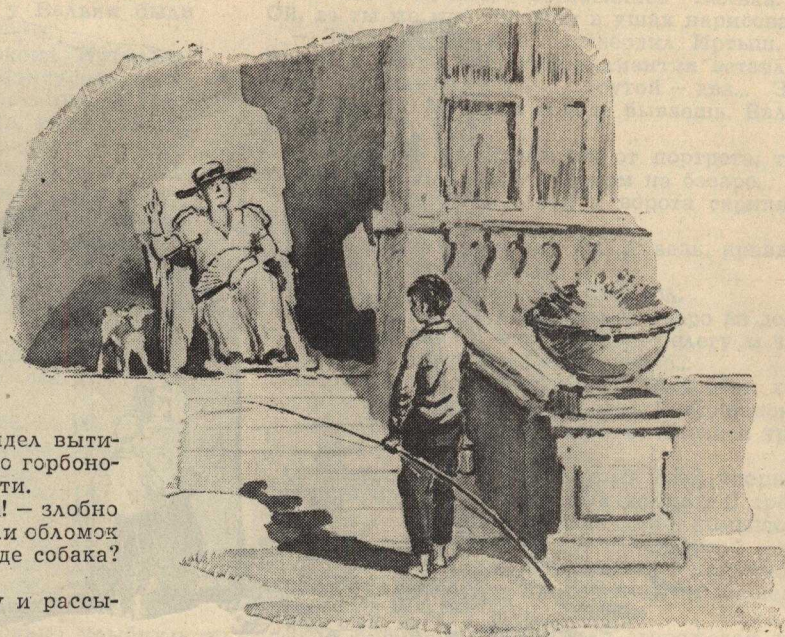
Часовой усмехнулся:

— Лишней винтовки на всём свете нет. Все при деле. Беги, герой! Вон разводящий идёт, смена караула будет.

Отбежав на бугорок в сторону, Иртыш видел, как сменились часовые. Старый сказал что-то новому и опять показал на окошко.

Новый злобно выругался и крепче сжал винтовку.

Старого часового Иртыш не знал. Новый же, Мотька Звонарёв, истопник и кухонный мужик тургаевской усадьбы, был Иртышу немного знаком. Когда Мотька хоронил доч-

Она объяснила Иртышу, что, конечно, уже недалеко то время, когда он попадёт в тюрьму...

ку Сашу, которая утонула в пруду, испугавшись тургаевских собак, Иртыш был на похоронах и даже нёс перед гробом крест.

С пригорка Иртышу был виден подкравшийся к решётке Стёпка Тургаев. Иртыш постоял, любопытствуя, высунется теперь Стёпка или нет. Стёпка постоял, посмотрел, но когда Мотька поднял голову, то он быстро отошёл прочь.

Иртыша выпустили за ворота. Он решил выйти на свою улицу и направился через луг и огород, быстро шагая по мокрой, росистой траве.

Давно ли, — думал он, — нет, совсем ещё недавно, всего только прошлым летом, его поймали в тургаевском парке, где он ловил в пруду на удочку карасей. По чистым песчаным дорожкам, меж высоких пахучих цветов, его провели на площадку перед стеклянной террасой, и там вот эта самая важная горбоносая женщина, сидя в плетёной калчке, кормила из рук булкой пушистого козлёнка. Она объяснила Иртышу, что он потерял веру в бога, честь и совесть и что, конечно, уже недалеко то время, когда он попадёт в тюрьму...

Иртыш обернулся и посмотрел на грозные тюремные башенки.

— А как повернулось дело? — засмеялся он вдруг. — Трах-та-бабах! Революция!

Ему стало весело. Он глотал пахнувший росой и яблоками воздух и думал: «Вот столб, хлеб, дом, рожь, больница, базар — слова, всё знакомые, а то вдруг — революция! Бейте, барабаны!» Он поднял щепку и громко забарабанил в закопчённое днище солдатского котелка, который дал ему брат.

Бейте, барабаны,
Трам-та-та-та!

Смотри не сдавайся
Никому никогда!

Получалось складно.

Бейте, барабаны,
Военный поход!
В тысячу девятьсот...
Восемнадцатый год!

Одинская пуля жалобно прозвенела высоко над его головой. Иртыш съёжился и скатился в канаву.

Высунувшись осторожно, он увидел, что это стреляют свои. С тюремной башенки часовой-наблюдатель показывал рукой, чтобы Иртыш не бродил полем, а шёл дорогой.

Иртыш запрыгал и замахал шапкой, объясняя, что ему нужно пройти огородами. Часовой посмотрел — увидел, что мальчишка, и махнул рукой.

Иртыш свистнул и уже без песни помчался через грядки.

Высоко над землёю сияло солнце. Звенели над пустыми полями жаворонки.

Прятались в логах злобные казаки. Приготовились к удару тургаевские пушки. И всё на свете весёлому Иртышу было ясно и понятно.

Это был июль 1918 года. Сады, заборы, загородки для выпаса скота были оплетены ржавой колючей проволокой. Лучину на растопку утюгов, самоваров щепали военными тесками.

Спасаясь от собаки и разорвав штанину о проволоку, Иртыш выбрался через чужой огород на улицу и на стене каменной часовенки увидел рыжее, ещё сырое от клейстера объявление, возле которого стояло несколько человек.

Это был, кажется, уже четвёртый по счёту приказ ревкома населению — сдать под страхом расстрела всё боевое, ручное и охотничье огнестрельное оружие.

Иртыш, не задерживаясь, пробежал мимо.

Было ещё рано, но осаждённый город давно проснулся. Неуклюже ворочая мётлами, под присмотром конвоира, буржуи подметали мостовую. Неподалёку от пожарной каланчи, наполовину разбитой снарядами, городская рабочая дружина — человек двадцать пять — обучалась военному делу.

Мимо разрушенных и погоревших домов, сданных и брошенных купцами лавок Иртыш подошёл к розовому двухэтажному дому купца Пенькова, где стоял теперь военный комиссар.

У крыльца уже толкались люди; у окна, выбитого вместе с рамой, торчал пулемёт. Пулемётчик, сидя на широком каменном подоконнике, грыз семечки и бросал шелуху в бочку, заменявшую урну.

Возле каменного льва, в разинутую пасть которого был засунут запасный патронташ, стоял часовой. Он пропустил Иртыша, когда узнал, что ему надо.

Иртыш прошёл по гулким коридорам и, наконец, очутился в комнате, где уже несколько человек ожидали комиссара.

Какой-то бойкий военный молодец, а вероятнее, всего-навсего вестовой, потянулся к Иртышу за пакетом.

— Нет! — сказал Иртыш. — Отдам только самолично.

— «Только самолично!» — передразнил его молодец. — Да что же ты, дурак, прячешь за спину? Дай хоть поддержать в руках.

— Вот умный! Возьми да поддержи, — указывая на дверную медную ручку, ответил Иртыш. — А это тебе не держалка!

Зашуршала и раскрылась тяжёлая резная дверь — кто-то выходил и задержался у порога.

По голосу Иртыш узнал комиссара — товарища Гринвальда. Другой голос, хриловатый и резкий, тоже был знаком, но чей — Иртыш не вспомнил.

— Я готов всегда за его идеи...

— Бомбы зря бросать нечего, — говорил комиссар. — То разоружили бы мы Гаврилу Полувалова вчистую, а теперь подхватил он свою опричнину да марш в банду. Иди, Бабушкин, зачислю тебя командиром взвода. Постой! Я что-то позабыл: семья у Гаврилы большая?

— Сам да жена. Жена у него, надо думать, товарищ комиссар, его злобному делу не сочувствует.

— Это мы разберём — сочувствует или не сочувствует.

Дверь отворилась, вышел комиссар Гринвальд, а за ним коренастый, большоголовый человек в старенькой шинели, с винтовкой, у которой вместо ружейного ремня позвякивал огрызок собачьей цепи.

Иртыш сразу узнал михеевского мужика Капитона Бабушкина, которого в прошлом году за грубые слова драгуны сбросили вниз головой с моста в Ульву.

Капитон вышел. Комиссар оглянулся.

— Эти двое к вам, — объяснил вестовой. — Коммерсант с жалобой да вон мальчишка...

— Что за коммерсант? А-а... — нахмурился комиссар, увидев бородатого старика, который, опершись на палку, стоял, не шелохнувшись. — Садись, купец Ляпунов. Я тебя слушаю.

— Ничего, я постою, — не двигаясь, ответил старик. — Совесть, говорю я, в нашем городе давно уже не ночевала. Конtribusiю мы вам дали, лошадей дали, хлеба двести пудов... Дом мой один под приют забрали, хотя и незаконно, ну, думаю, ладно, приют — дело божье. А сегодня, смотрю, в другом доме рамы высаживают, в стенах лосом бьют дыры, антоновские яблони да две липы вырубili. Говорят, якобы для кругозора обороны. «Что же, — кричу им, — или вы слепые? Вон гора рядом. Бери заступы, рой окопы, как честные солдаты, строй фортификацию. А почто же в стенах бить дыры?» Всё раззор чините, злобу. Заложников десять человек взяли. У людей от такой невидали язык отнялся. Семьи сырые плачут. Вдова Петра Тизова на чердаке удавилась. Это ли есть правое дело?

— Врёт он, Яков Семёнович! — ляпнул из своего угла Иртыш. — Вдову Тизова они сами удавили. А теперь по всем базарам звонят!

Старик Ляпунов опешил и замахнулся на Иртыша палкой.

Иртыш отпрыгнул.

Комиссар вырвал и бросил палку.

— Ты кто? — строго спросил комиссар у Иртыша.

— Иртыш Трубников. Гонец с пакетом от командира Лужникова.

— Сиди, гонец, пока не спросим... Вот что, папаша, — обратился комиссар к Ляпунову: — тебя слушали, не били. Теперь ты послушай. Хлеба дали, контрибуцию дали... Подумаешь, благодетели! Враньё! Ничего вы нам не давали. Хлеб мы у вас взяли, контрибуцию взяли, лошадей взяли. Где нам рыть окопы, где быть бойницам, тут вы нам советчики плохие. Заложников посадили, нужно будет — ещё посадим. Сорок винтовок офицер Тизов

— Эти двое к вам — комиссар с жалобой да вот мальчишка.

из ружейных мастерских ограбил. Сам убит, а куда винтовки сгинули, неизвестно! Отчего вдова Тизова на другой день на чердаке оказалась, неизвестно. Однако догадаться можно... А кто ночью через Ульву лодки все угнал? А кто спустил воду у мельницы, чтобы брода дать белым?.. Я? Он? Может быть, ты?.. Нет!.. Николай-угодник!.. Иди, сам запомни и другим расскажи... Да, забыл! Там тебе я утром сегодня повестку послал. Сотню пар старых сапог починить надо. Достаньте кожи, набойки, щетины, дратвы.

— Где? Откуда?

— Где? Поищите-ка сначала у себя сами. А если уж не найдёте, то я своих pošлю к вам поискать на подмогу.

— Бог, — поднимая палку с полу и оставившаяся у перил, хрипло и скорбно пригрозил Ляпунов, — он всё видит! Он нас расудит!

— Хорошо, — ответил комиссар, — я согласен. Пусть судит. Буду отвечать. Буду кипеть в смоле и лизать сковородки. Но кожу, смотрите, не подсуньте мне гнилую! Заверну обратно.

Старик вышел.

Комиссар плюнул, взял у Иртыша пакет и сердито повернулся к двери своего кабинета.

— Что же ты стоишь? Иди! — сказал он и вдруг грубовато добавил: — Иди за мной в кабинет.

Иртыш вошёл и сел на краешек ободранного мягкого стула.

Комиссар прочёл донесение.

— Хорошо, — сказал он Иртышу. — Спасибо! Что по дороге видел?

— Трёх казаков видел у Донцова лога. Два — на серых, один — на вороном. Возле Булатовки два телеграфных столба спилены... Да, забыл: из Катремушек шпион убежал. По нём из винтовок — трах-ба-бах, а он, как волк, закрутился, да в лес, да ходу... Дали бы и мне, товарищ комиссар, винтовку, я бы с вами!

— Нет у меня лишних винтовок, мальчик. Самим нехватка. Дело теперь серьёзное.

— Ну, в отряд запишите. Я пока так... А там как-нибудь раздобуду.

— Так нельзя! Хочешь, я тебя при комиссариате рассылным оставлю? Ты, я вижу, парень проворный.

— Нет! — отказался Иртыш. — Пустое это дело.

— Ну, не хочешь — как хочешь. Ты где учился?

— В ремесленном училище на столяра. Никчёмная это затея — комоды делать, разные там барыням этажерки... — Иртыш помолчал. — Я рисовать умею. Хотите, я с вас портрет нарисую, вам хорошую вывеску нарисую? А то у вас какая-то плохая, и слово «комиссар» через одно «с» написано. Я знаю, это вам маляр Васёк Сорокин рисовал. Он только старое писать и умеет: «Трактир», «Лабаз», «Пивная с подачей», «Чайная». А новых-то слов он совсем и не знает. Я вам хорошую напишу! И звезду нарисую. Как огонь, будет!

— Хорошо, — согласился комиссар. — Попробуй... У тебя отец есть?

— Отца нет, он от вина помер. А мать — прачка, раньше на купцов стирала, теперь у вас, при комиссариате. Вот и вам недавно гладила. Смотрю я, а у вас на подтяжках ни одной пуговицы. Я от своих штанов отпороть велел ей и вам пришить. Мне вас жалко было...

— Постой!.. почему же это жалко? — смутился и покраснел комиссар. — Ты, парень, что-то не то городишь...

— Так. Я видел, когда при Керенском вам драгуны зубы вышибли... Другие орут, воют, а вы стоите да только губы языком лижете. Я из-за забора в драгуна камнем свистнул да жду.

— Хорошо, мальчик, иди! Зубы я себе новые вставил. Иногда было и хуже. Сделаешь вывеску — мне самому покажешь. Тебя как зовут? Иртыш?

— Иртыш!

— Ну, до свиданья, Иртыш! Бей, не робей, честь — дело верное!

— Я и так не робею, — ответил Иртыш. — Кто робеет, тот лезет за печку, а я винтовку спрашиваю.

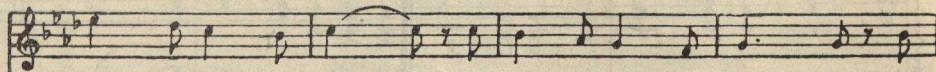
ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

А. Гайдар.

Музыка М. Иорданского.

1. В ды-му, в бо-ях прош-ли мы, то-
гро - мы гро - хо - та - ли и

-ва - ри-щи. дру-зья, — Ку-бан-ски-е до-ли - ны, Кав-
ве - тер за - вы-вал, — ког-да мы за - ни - ма - ли Гра -

Припев.

-каз - ски - е кра - я. — До-ро-женька о-чень кру-та - я, свет
-чев - ский пе - ре - вал. —

Аркадий Петрович Гайдар очень любил песни, так любил, что почти в каждом своём рассказе заставлял какого-либо из героев петь.

В «Школе» поёт Федя — «Как за Доном, за рекою красные гуляют». В «Военной тайне» Натка поёт песенку о голубом кораблике. Поёт Светлана в «Голубой чашке» — «В поле ходит Крас-

ная Армия». Поёт Ольга в «Тимуре и его коман-де» и Нюрка в «Четвёртом блиндаже».

И все эти песенки сочинял для своих героев сам Гайдар.

Партизанская песня, которую мы печатаем, была сочинена им для пьесы из времён гражданской войны «Прохожий». Рассказывают, что и

ме-ся-ца го - лу - бой. — Про-щай-сто-ро-на род-на - я, мы

в но вый то - ро-пим-ся бой. — 2 Нам
3 Вды му, в во-ях прош-ли мы, то -

- ва - ри-щи. дру зья, — Ку - бан-ский е до-ли - ны, Кав -

каз - ски е кра - я

в Великую Отечественную войну в тылу у фашистов партизаны распевали песню, сложенную Гайдаром.

Сам он тоже любил петь, и особенно песенку Глинки «Между небом и землёй жаворонок вьётся».

Возвращаясь, бывало, с друзьями по лугам с рыбной ловли или с охоты, он никогда не про-

пустит случая, чтобы не спеть эту песню. Но голос у него был слабый, и на высоких нотах он только поднимал руку к небу и показывал нам вверх, где в самом деле над нашими головами, стоя на одном месте и блестя крыльями в солнечном луче, трепетала и звенела маленькая птичка.

Р. ФРАЕРМАН

Советы пионерскому активу

Выходной день. Пионерки из дружины 1-й средней школы города Подольска идут на экскурсию в Дом-музей В. И. Ленина.

О ДЛИННОМ И КОРОТКОМ ДНЕ

Кончается учебная неделя. Завтра выходной день. Как думают провести его пионеры вашего отряда? Что вы будете делать?

Мы задали недавно этот вопрос одному вожакому звена, и он удивлённо ответил: «Как что будем делать? Ничего. Просто будем отдыхать! Ведь завтра мы не учимся!»

Да, конечно, выходной день — это день отдыха. Но самый плохой вид отдыха — безделье. Это — потерянное, вычеркнутое из жизни время.

Лучше всех отдыхает тот, кто проводит день в разнообразных и увлекательных делах, кто вечером, ложась спать, с удовольствием говорит себе: «Какой сегодня был длинный день! Как много я успел сделать!»

Но что же такое длинный день? Ведь в сутках ровно 24 часа, и ни минуты к ним не прибавишь! Вот Нине Смирновой, ученице пятого класса, очень хотелось, чтобы выходной день был длинным-длинным, вдвое длиннее обычного. В воскресенье утром, проснувшись, Нина подумала: «Полежу ещё немного, ведь сегодня не надо торопиться в школу. Пусть утро будет подлиннее!» И Нина снова уткнулась в подушку.

Прошёл час, другой.

— Нина, не пора ли вставать? — сказала мама. — Все давно уже позавтракали.

— Сейчас, ещё минуточку... — ответила Нина.

Спать ей вовсе не хотелось, но ведь так трудно бывает подняться, если, проснувшись, сразу не вскочишь с постели!

Наконец Нина поднялась и села завтракать. Был уже одиннадцатый час.

— Нина, я уйду. Убери комнату и отправляйся гулять, — сказала мама.

Нина принялась за уборку. Она решила начать со своего рабочего столика: всю неделю у неё не хватало времени как следует на нём прибрать. Вооружившись тряпкой, Нина стала вытирать пыль, складывать аккуратной стопочкой учебники. И вдруг ей попалась незнакомая книга. Что это? Ах, да ведь это «Два капитана». Ещё на той неделе она взяла книгу в библиотеке, положила куда-то, а потом никак не могла найти! Ну, зато сегодня она обязательно почтает. Не сейчас, конечно, а вечером. Сейчас она только взглянет, что там на первой странице...

Куча книг лежит на полу, сверху брошена тряпка, а Нина, поджав под себя ногу, сидит за столом и читает, читает...

— Ну, конечно, как всегда, ты ничего не сделала.

Нина подняла голову. В дверях стояла огорчённая мама. Нине и самой стало очень стыдно: больше двух часов просидела она за книгой у неубранного стола. Она поспешно принялась за уборку, и так как торопилась наверстать упущенное время, то сделала это кое-как.

— Теперь я пойду к Люсе, — сказала Нина, закончив уборку. — Мы с ней решили пойти сегодня в кино.

— В кино? — удивилась мама. — Но ведь до обеда остался всего час. Пойди погуляй и возвращайся домой к четырём часам.

Идти к Люсе в самом деле не было смысла: она, наверное, давно ушла в кино, не дождав- шись Нины.

Нина отправилась в соседний сквер. Никого из подруг там не оказалось, вокруг бегали одни малыши. Нина присела на скамейку. Ей стало вдруг очень скучно.

«Пойду-ка я домой, — решила она, — пообедаю, а там придумаю что-нибудь интересное. Ведь впереди ещё целый вечер!» Однако и вечер Нина провела неинтересно. Пошла к Люсе — не застала её дома. Вернулась домой и решила вышивать, но не оказалось нужных ниток. А купить их днём она забыла.

Со скуки Нина легла на диван с книжкой. Но теперь ей читать не хотелось. Она немножко послушала радио, потом позвала к себе котёнка. Он так сладко мурлыкал, что Нина не заметила, как глаза у неё закрылись.

«Вот и прошёл выходной день, — подумала Нина наутро. — А я и оглянуться не успела.

Для ребят, умеющих рисовать, дорог каждый ясный осенний день. Захватив краски, они едут за город, чтобы порисовать осенние пейзажи.

Если бы можно было сделать, чтобы время так не бежало!»

Нина и не догадывалась, что сделать так действительно можно, что многие ребята умеют удлинять свой день. И совсем это не так уж трудно, если помнить одно правило...

...«Внимание, начинаем урок гимнастики!..»

Витя быстро вскочил с постели, распахнул пошире форточку и с удовольствием вдохнул свежий воздух. День начался!

В восемь часов, сделав гимнастику и умывшись, Витя уже завтракал.

— Не торопись, обожжёшься, — сказал отец. — Куда вы сегодня решили идти?

Пионеры звена Вити Волкова почти каждую неделю в выходной день отправлялись вместе на экскурсию по своему родному городу Горькому. То они шли в какой-

Московские пионеры Юра Лекомцев (первый слева), Витя Булагов и Вова Персон любят проводить выходные дни за городом, где-нибудь у воды.

нибудь музей, то осматривали Кремль. А сегодня ребята решили побывать в домике Каширина, где жил в детстве их великий земляк — Максим Горький.

Через час Витя уже ходил вместе со своими товарищами по низеньким полутёмным комнатам и с интересом слушал рассказ экскурсовода. Всё дышало здесь такой стариной, всё было так, как в книге Горького «Детство». И казалось, вот-вот появится на пороге седобородый сердитый дед Каширин или выглянет из-за печки вихрастая голова Алёши Пешкова...

— Смотрите: ещё только двенадцать часов, — удивлённо сказал Саша Рузин, когда ребята вышли из музея.

Ребятам казалось, что времени прошло гораздо больше, так много они успели увидеть за каких-нибудь два часа.

Когда стали расходиться по домам, Саша сказал:

— Витя, сходим в кино! Мы ещё успеем на сеанс в 12. 30.

— Не могу. Ко мне в час придёт Володя Кашаников, — ответил Витя. — Мы будем кончать модель парусной яхты.

Действительно, ровно в час пришёл Володя. Мальчики принялись за дело и проработали до самого обеда.

Послеобеденное время Витя всегда посвящал домашним делам. И на этот раз он быстро перемыл посуду, убрал со стола и принялся одевать сестрёнку для гулянья.

— Сегодня расскажи мне про медведя, — заявила сестрёнка, как только они вышли на улицу.

Каждый раз во время гулянья Витя рассказывал сестрёнке новую сказку.

И вечером Витя успел многое сделать. Он сыграл с отцом партию в шахматы, починил сестре лопатку, от которой отлетела ручка, а потом целый вечер читал книгу.

Так, совсем по-разному, у двух ребят прошёл один и тот же выходной день. Почему же у Вити он был большим и интересным, а у Нины коротким и скучным? Нам кажется, что здесь секрет в том правиле, о котором мы уже упоминали и которое так хорошо знает Витя, — в умении планировать день, делать всё в своё время, ничего не откладывать на после.

Но в каждом отряде могут найтись ребята, которые не умеют планировать свой выходной день. И вот в этом им должны помочь вы, члены совета отряда и вожатые звеньев. Не забывайте время от времени интересоваться, как ребята проводят выходные дни, говорите об этом и на совете отряда и на сборах звеньев. Прошлую зиму пионеры одного отряда часто устраивали

Всё, что вы видите в этой мастерской, сделали в свободное время и главным образом по выходным дням ребята детского дома имени А. Д. Калининной (Истринский район, Московской области).

по понедельникам в звеньях короткие сборы-беседы с одним вопросом: «Что я делал вчера». Ребята по очереди рассказывали о том, как они провели выходной день. И это помогало им хорошо отдыхать и в дальнейшем.

Продумывайте и вы, ребята, как провести свой выходной день.

Скоро наступит зима. Как хорошо отправиться всем звеном на каток, на лыжную прогулку, устроить весёлое катанье на санках с гор! Или посетить музей, театр, Дом пионеров. И как приятно вам будет, если при этом вы и дома успеете помочь по хозяйству, погуляете с младшими братишками и сестрёнками.

Каждую неделю у вас есть целый свободный день, — четыре дня в месяц, не считая праздников и каникул. Это свободное время нужно разумно использовать, чтобы набраться свежих сил для продолжения занятий. Тому, кто умеет отдыхать, радостнее и легче учиться. И если вы научитесь отдыхать организованно, сколько можно прочитать книг, сколько узнать нового, сколько увидеть!

БЕСПОКОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК

(Продолжение)

Повесть Л. Воронковой

Рисунки Ф. Лемкуля

ПОСЛЫ КОЛХОЗА ИМЕНИ КАЛИНИНА

Как-то в полдень председатель колхоза Никита Степаныч вошёл в избу деда Антона. Дед Антон только что надвинул свой старый, выгоревший картуз.

— Далеко ли, старик?

— Да нет... Тут, по двору, — ответил дед Антон. — Думаю, пока люди обедают да отдыхают, дровец старухе наколю.

— Садись, садись, Никита Степаныч! — приветливо обратилась к председателю бабушка Анна. — Садись, покури!

Никита Степаныч сел на лавку, вынул папиросу.

Дед Антон, не снимая картуза, примостился рядом, на уголке сундука.

— Ты, пожалуй, спрячь свои «боксы», — сказал он и вытащил из кармана большой пёстрый кисет, — вот это покрепче будет.

После двух — трёх затяжек изба наполнилась сизыми клубами и волокнами дыма, которые, долго не рассеваясь, плыли над головой. Бабушка Анна, не любившая дыма, незаметно открыла дверь.

— Тепло сегодня, — сказала она, чтобы не смущать курильщиков. — Кабы не куры, так и жила бы нараспашку. Но куры... Чуть откроешь, они уж тут как тут, полна изба!

— Ну и самосад у тебя! Силён! — сказал председатель, щурясь от едкого дыма цыгарки. — Сам сушил?

— Сам! — ответил дед Антон самодовольно. — Уж так никто не высушит, будь спокоен! У плотника Акима тоже подходящий табак, но против моего — куда!

Покурив, поговорив о том, о сём, председатель спросил:

— Так ты, старик, какую же думу надумал?

Дед Антон зорко взглянул на него:

— А ты книжки-то прочёл?

— Прочёл.

Дед Антон помолчал, пустил клуб дыма.

— Вот я так, Никита Степаныч, и надумал, — начал он. — Как это, думаю, олени в лесу живут? Или, там, дикие козы, что ли... Отелится олениха, телёночек тоже ведь, как и у коровы, слабенький. А отелится — иногда ещё снег в лесу. И ничего! Шустрые растут. Да куда покрепче наших телят!

— Их природа другая, — возразил Никита Степаныч, — дикие. Из рода в род свою силу передают. А нашей корове передать нечего, сама изнежена.

— Постой, постой! — оживился дед Антон. — А помнишь, у Волнухиных стельная корова-то заблудилась? Уж и снег выпал, а её никак не найдут. А потом нашли, да глядь — с ней телёночек ходит! Помнишь? Так вот не заболел же! Да ещё какой бедовый был!

— Помню, — задумчиво сказал председатель, — но ведь нам на это что скажут? Скажут: это просто случайность. Кого этим убедишь?

— Случайность? А ты книжку Штеймана прочёл? Ведь он же и сам с этого начал. Вспомни-ка, как у них до тридцать второго года было! Тоже — и суставолом и воспаления. До шестидесяти процентов надёж доходил. И уж чего-чего ни делали! Полы перестилали, известкой белили, дезинфекцию устраивали. Пройдёт какое-то время — и опять болезнь в телятнике, как пожар, вспыхивает! Штейман и сам не знал, что делать, прямо, куда броситься, не знал. Уж до того дошёл! По старому примеру начал телят, какие поценнее, к себе на квартиру брать, в комнате их растил. Ну это разве выход? Смешно, ведь их десятки голов! Вот тут-то его одна корова и надоумила. Тоже вот так, ушла из стада в морозный день да отелилась в лесу. Через неделю нашли: ходит оксоло леса, и телёнок с ней по снежку бегают. Да такой крепенький, такой здоровенький! Вот тут Штеймана и озарило насчёт холодного воспитания.

Председатель докурив цыгарку и, подойдя к печке, потушил ее об шесток.

— Так что ж ты, старик, надумал?

— А вот, надумал я, не съездить ли нам самим в Кострому да не поглядеть ли на их хозяйство своими глазами? Сейчас люди думают: мало ли что в книжках написано — бумага все терпит. А что скажешь, если своими глазами поглядим?

— Хм... — задумался председатель. — Ну, что ж? Надумал ты дельно. Тогда уж сам и поезжай!

У деда Антона заиграли огоньки в глазах. Но он не успел и рта открыть, бабушка Анна ответила за него:

— Ну что ты, Никита Степаныч! Да ведь он только дома востёр! А там и заблудится и не найдёт ничего! Да ещё он у нас разиня, деньги в пути потеряет... И голодный насидится, если ему не накроют на стол да не подадут. Он у себя за столом хлеба не отрежет!..

— Эко ты! — начал было дед Антон, но бабушка Анна не дала ему и слова сказать:

— В эту зиму — помните, Никита Степаныч? — ездили вы все в район, лучших животноводов тогда вызывали. Так ведь он ухитрился — шапку потерял! Спасибо Катерина Дозорова его своим платком повязала. Вот и едет по деревням — не то мужик, не то баба! Встречные шарахаются, а свои всю дорогу со смеху на него помирают. Я, конечно, не знаю ничего, жду. Слышу, подъехал. Выхожу встречать, гляжу — что такое? Вроде баба, а из-под платка усы торчат. А это старик мой с праздника явился! В район и то благополучно съездить не мог! А вы его в Кострому! Да он там не только шапку потеряет — голову оставит где-нибудь!..

Председатель слушал, смеялся и приговаривал:

— Помню, помню!

Дед Антон слегка ухмылялся, почёсывая в затылке, и уж не пробовал защищаться.

— Ну так как, старик, будем решать? — спросил председатель.

— Да уж не знаю... Кого бы послать-то?

— Да пошлите вы ту же Катерину! — вмешалась опять бабушка Анна. — Девушка расторопная, грамотная, востроглазая... Она же всё это и затеяла — пусть съездит!

— Нет, — покачал головой председатель, — Катерину не стоит. Ничего не выйдет.

Дед Антон слегка нахмурился:

— Почему не выйдет? Катерина душой не покривит, что увидит, то и доложит. Девушка простая, прямая, никаких заковык у неё нету!

— Да я не о том, — остановил его председатель. — Я-то ей поверю... каждому слову... Ну, а Марфа Тихоновна поверит?

— Ни за что не поверит! — подхватила бабушка Анна. — Уж ей теперь, что Катерина ни говори, ничему не поверит!

— Вот то-то и оно! — сказал председатель. — Так что придётся твоему старику самому съездить. Да и что такого? Кострома не за горами.

— Ничего такого! — приободрился Антон. — Съезжу да и всё!

— Одного не пушу, — коротко, но твёрдо заявила бабушка Анна. — Пускай хоть какого-нибудь парнишку с собой возьмёт, всё не один! Школьники нынче вон какие бойкие пошли!

— Э, голова! — вдруг повысил голос дед Антон. — А у нас же девчонка есть! Всё к телятам нижится! Марфина внучка-то!

— Правильно, — согласился председатель. — И для Марфы Тихоновны хорошо: такому-то свидетелю поверит!

— Тут уж ей деться некуда! — подтвердила и бабушка Анна. — Пускай Настя едет!

Председатель встал, надел кепку.

— Ну, вот и ладно... Значит, собирайся, ста-

рик, не откладывая. А когда приедешь, тогда все вместе твой телачий вопрос и решим.

Так порешили председатель и дед Антон. Но они совсем забыли, что Настя ходит в школу, что у неё свои дела и обязанности, свои заботы.

У Насти было трудное время — последняя четверть, конец четвёртого класса. Уроки, уроки... а дальше экзамены. Уроки и экзамены. И пока ни о чём другом думать нельзя.

Но иногда вдруг мысли вырывались и улетали в будущее — лето, речка, может быть, поход... А там пятый класс. Авдотья Васильевна, их учительницы, которая вела их из класса в класс, которая учила их разбирать буквы и держать ручку, которая знала все их беды и радости, их слабости и достоинства, Авдотья Васильевна не будет с ними. А будет много учителей: учитель математики, учитель естествознания, учитель истории... И уже тогда самим придётся следить и за своими уроками и за своими поступками — твёрдой и доброй руки Авдотьи Васильевны не будет с ними так, как сейчас, близко, повседневно...

Авдотья Васильевна ходила по классу, диктуя условия задачи, по несколько раз повторяя одни и те же фразы. В волосах её искрились сединки, близорукие, с припухшими веками глаза казались выпуклыми за толстыми стёклами очков, на левой щеке её сидела крупная тёмная родинка...

Может, чужой человек ничего особенного не нашёл бы в Авдотье Васильевне — так, пожилая женщина, да и всё. Но какой красивой видела её сейчас Настя! Как тепло смотрели из-за очков такие знакомые и такие всё понимающие глаза учительницы!

И эта родинка, и сединки в волосах, и белая рука, держащая книгу, и голос, ровный и мягкий, — всё трогало настино сердце теплом и грустью... И только теперь, на пороге разлуки, Настя вдруг поняла, как глубоко привязана она к своей старой учительнице.

Огромные окна были полны света и голубизны. На столе учительницы ярко блестела под лучом солнца металлическая крышка чернилницы, словно белая звезда лежала на зелёном сукне.

— Ты что не пишешь? — тихонько толкнула Настю Дуня Волнухина. — О чём думаешь-то?

Светлые спокойные глаза учительницы взглянули на них. Настя торопливо обмакнула в чернилницу высохшее перо.

«Вот тоже... думаю о чём-то! — с досадой поборонила себя Настя. — О чём думать, когда экзамены скоро?»

И опять её мысли вернулись в узкое русло своих близких и неотложных забот: задачи, рус-

ский язык, естествознание... Уроки, опять уроки, билеты, а там экзамены...

После занятий староста класса Вася Запевалин снова напомнил:

— Товарищи, ни на один день не забывать отстающих!

— Да мы не забываем! — раздался в ответ ему голоса. — Мы занимаемся!..

— С Лыковой кто занимается? — спросил Вася.

— С Лыковой я занимаюсь, — ответила Варя Лебедева, одна из лучших учениц класса.

— А с Черенковой?

— С Черенковой я, — сказала Настя. — Я и Дуня Волнухина.

Надя Черенкова подошла к Насте, и они втроём — Настя, Дуня и Надя — вышли на улицу.

Весенняя грязь широко раскинулась по улице — весёлая весенняя грязь, с синими отсветами неба, с коричневыми и жёлтыми красками глины, с неподвижной водой в канавках, зелёных от проступившей на дне молодой травы...

— Весна! Весна идёт! — вдруг запела Дуня, жмурясь от солнца. — Весна, весна идёт!..

— Хорошо вам! — сказала Надя и озабоченно наморщила лоб. — У вас троек нету! А я даже и весны-то не вижу. Уж скорее бы экзамены проходили!

— А я тоже весны не вижу, — отозвалась Настя, — только всё и думаю, как бы не сбиться: где надо «тся», а где «ться»... Вот пустяк такой, а на экзаменах как раз и собьёшься!

— Ну что ты! Ты-то не собьёшься! — возразила Надя. — А вот я... Как вызовут, как имену-гаюсь, — и всё забуду...

— Выучишь, так не забудешь, — сказала Настя, останавливаясь у своего крыльца. — Ну, девочки, значит, мы все собираемся после обеда...

— У нас! — закончила фразу Дуня.

Настя посмотрела на неё:

— Опять у вас? А у нас когда же?

Надя и Дуня переглянулись.

— Лучше у нас, — сказала Дуня, немножко смущаясь, — у нас просторно...

— А у нас тоже просторно...

— Да нет, Настя, приходи — и всё! А у вас... ну, у вас бабушка...

Настя приподняла было свои тонкие бровки, собираясь возражать, но Надя предупредила её.

— Мы твоей бабушки боимся, — негромко сказала она. — У меня даже и уроки при ней не лезут в голову...

— Приходи к нам — и всё! — сказала Дуня. — Буду ждать!

И подружки весело зашагали дальше, скользя и чавкая калошами по весенней грязной дороге.

«Боятся бабушки, — с огорчением подумала Настя. — Только все и знают, что боятся...»

А бабушка встретила её с весёлым лицом. Настя давно не видела Марфу Тихоновну такой довольной, у неё даже и морщины как-то разгладились и глаза помолодели.

— Вот и наша делегатка идёт! — сказала она.

Настя быстро взглянула на бабушку, потом на мать, которая собирала на стол. Мать ответила ей своей безмолвной улыбкой — улыбнулась глазами, ямочками на щеках — и молча полезла в печку за шами.

— Какой и делегат, бабушка? — спросила Настя. — Куда и делегат-то?

Из горницы, только что вымыв руки и причесавшись, вышел отец.

— Мое почтение делегату! — сказал он, шутливо кланяясь Насте.

— Да что вы это, — смеясь, закричала Настя, — разыгрываете меня!

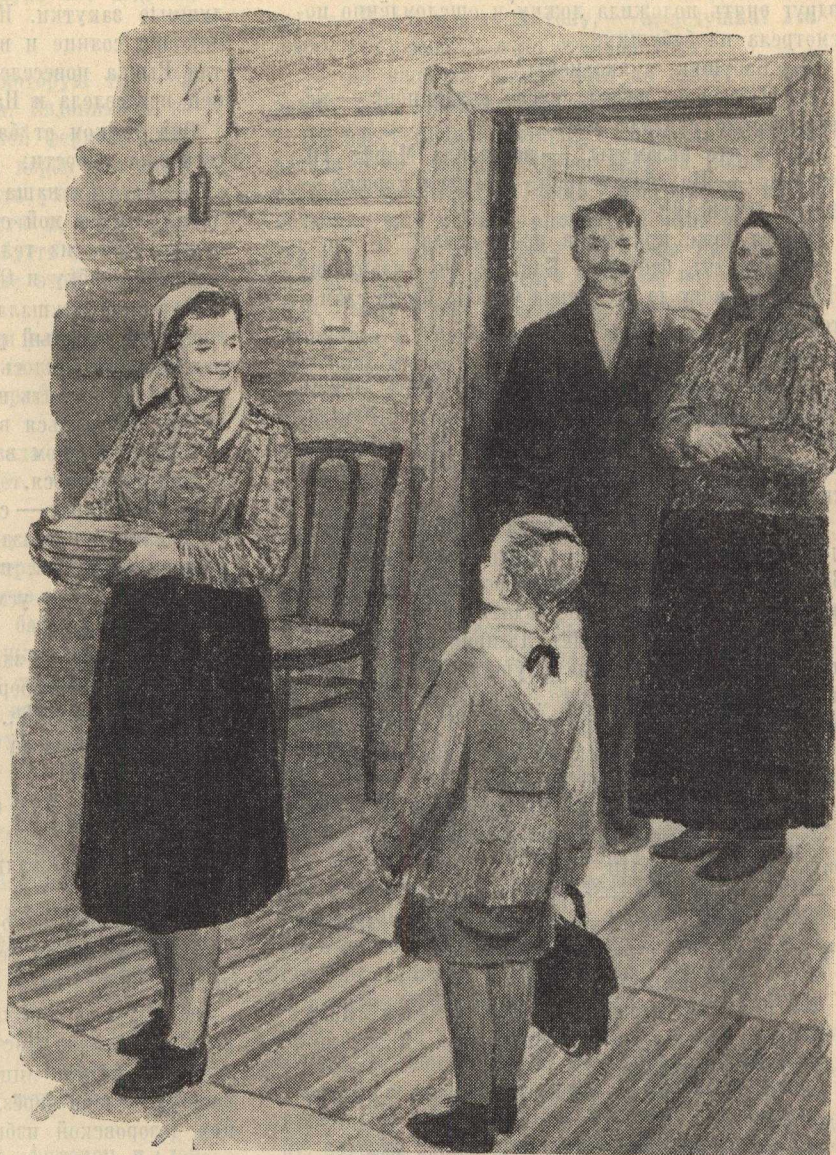
— Что там разыгрывать! — пожал плечами отец. — К деду Антону в прощатые! Никого другого, оказывается, не подобрал, а вот, вишь, тебя, Настасья Прохорвна!

Настя подбежала к отцу и крепко схватила его за усы.

— Папка, говори: будешь надо мной смеяться?

Отец закричал, zavонил, запросил, чтоб отпустила его усы. Но Настя не отпускала, а всё повторяла своё:

— Ты будешь ещё смеяться? Будешь? Тут вступилась мать.

— Да что вы это, — смеясь закричала Настя, — разыгрываете меня!

— Да он не смеётся, дочка, он не смеётся! Вот спроси-ка у бабушки!

Когда Настя услышала, что дед Антон берёт её с собой в Кострому, то у неё от волнения даже аппетит пропал. Ой, дедушка Антон, что придумал! Как интересно всё увидеть — и Волгу, и Кострому, и костромских коров, и, может быть, даже самую Малинину, заведующую молочной фермой, которая написала такую хорошую книжку!..

— Да ты ешь, ешь, — сказала бабушка, — а то стоишь — куда же тогда ехать!

Настя принялась было торопливо есть щи. Но вдруг опять положила ложку и ошеломлённо посмотрела на бабушку:

— Бабушка, а экзамены?

— Так ведь, небось, после экзаменов? — не решительно сказала мать.

— А что экзамены? — возразила Марфа Тихоновна. — Не обязательно. Учишься хорошо — и так переведут.

Настя даже привстала из-за стола:

— Что ты, бабушка! Как это без экзаменов? Нет. Я не могу до экзаменов уехать. Когда сдам... тогда.

Бабушка нахмурилась.

— А дед Антон тебя что, ждать будет? Очень ему надо. Возьмёт другого кого, да и поедут. Ишь, как ты о себе воображаешь, будто незаменимый человек! Сама ещё с горошину, а тоже свою волю показывает.

— Ну, а деду Антону куда спешить? — примиряюще сказал отец. — Скоро стадо выгонят... Забота о телятниках до самой осени отпадёт. Почему ж ему Настю не подождать?

— Другого кого возьмёт. Да придут оттуда, — продолжала бабушка, не слушая Прохора, — да и наговорят нивесть чего... Семь вёрст до небес! Вот тогда и поспорь с ними. А тут бы всё-таки свой глаз. Дались ей эти экзамены! Ну, осенью сдашь. Вот ещё важность!

Настя молча дождалась второго, поела каши с молоком и, выйдя из-за стола, принялась собирать книги и тетради.

— Ты куда это? — спросила бабушка.

— К Дуне Волнухиной, — ответила Настя, не поднимая глаз, — заниматься...

— А дома нельзя?

— Нет. Мы троём заниматься будем. Наля Черенкова придёт, ей помочь нужно. К экзаменам готовиться надо.

— Ну, так что ж, ты едешь с дедом Антоном или нет?

— После экзаменов поеду, а сейчас нет.

Бабушка крепко стукнула по столу рукой. Настя, не оглянувшись, вышла на улицу.

— Ведь вот упрямая какая! — в негодовании крикнула Марфа Тихоновна. — И в кого такая твёрдокаменная уродилась, а?

Прохор незаметно переглянулся с женой, и оба улыбнулись, скрывая улыбку от матери.

Пока дед Антон собирался да пока Настя сдавала экзамены, весна расцвела в полную меру своих радостей, зелени, тепла. Зелёным облаком оделся чернолесок, закачались на солнечных бугорках баранчики, загустела молодая травка.

Скотина уже давно покинула свои стойла и душные закутки. И маленькие телята увидели наконец солнце и весёлый простор лугов. Золотая Рыбка повеселела на приволье. А вместе с ней повеселела и Настя.

Она тайком от бабушки бегала к Катерине и сообщала новости:

— Сегодня наша Рыбка немножко играть начала. Фартук мой схватила и тянет! Вчера бабушка ушла из телятника, а я их щёткой почистила, Рыбку и Огонька. Хорошенькие стоят!

Катерина слушала её с улыбкой и качала головой. Но каждый раз какое-то задумчивое выражение появлялось в её серых глазах: разве так могло бы быть в телятнике, если б люди захотели оглянуться вокруг, подумать?

Перед отъездом в Кострому Настя прибежала к ней проститься.

— Катерина, — сказала Настя, пытливо заглядывая ей в глаза, — а почему ты с бабушкой поссорилась? Она, по-твоему, злая?

— Что ты! — усмехнулась Катерина. — Она вовсе не злая.

— Конечно, не злая! — обрадовалась Настя. — Это так только говорят. Она у нас умная очень! И... мне её жалко...

Катерина провела рукой по её мягким тёмным волосам.

— Ничего! Мне её тоже жалко, — сказала Катерина.

— И тебе жалко? — удивилась Настя. — А почему?

Но Катерина не ответила на вопрос.

— Смотри, как берёзки нарядились, — сказала она. — Все-то в серёжки разубраны!

— Мы эти серёжки осенью на семена собираем! — сказала Настя.

И обе, подняв лица, загляделись на молодую, нежную зелень берёз, склонившихся над крыльцом дозоровской избы.

— А ты слыхала, Настя, что дед Антон велел на дальнем пастбище барак построить? — спросила Катерина, не отводя глаз от зелёного сияния молодых листьев.

Настя живо взглянула на неё:

— А зачем?

— Будем жить там летом. Все доярки, пастух...

— А зачем же?

— Чтобы коровы круглые сутки были на пастбище, и день и ночь. Чтобы их совсем домой не гонять. Гон большой — туда и обратно. Коровы устают. А на лугу, сколько хотят, едят, сколько хотят, снят. И всё на свежем воздухе!

— Как хорошо! — сказала Настя. — Вот придумал дедушка Антон!

— А как ты думаешь, откуда это дедушка Антон взял?

— Откуда?

— Из той книжечки, на которую твоя бабушка и взглянуть не захотела. Евдокимова, заведующая Костромской колхозной фермой, написала об этом. Они давно своих коров так пасут. Вот и мы по их дорожке ходить уже начинаем!

Катерина оглянулась на Настю и, встретив её тёмные глаза, пытливые, как будто о чём-то догадывающиеся и встревоженные этой догадкой, сказала:

— Да. А дедушка Антон эти книжки читает. В этих книжках ведь и про телят написано... Понимаешь, к чему я это говорю?

Настя задумалась.

— Ну, иди, — ласково сказала Катерина. — Вон твоя мать с работы идёт. Обедать пора. А хочешь, с нами пообедай.

— Нет, спасибо, — улыбнулась Настя. — Мне ещё заниматься надо. Завтра последний экзамен! — и побежала домой прямо через усадьбы.

Ей почему-то стало жалко бабушку, захотелось приласкаться к ней, утешить её. Настя и сама не понимала: ну почему жалко? На совещании, которое было ранней весной, все были за бабушку, а не за Катерину, бабушка — по-прежнему хозяйка в своём телятнике... Ну, почему?

Настя не могла бы сказать, почему. Всё хорошо у бабушки. Телята пока здоровы. Золотая Рыбка поправилась, народ бабушку уважает. И всё-таки горячее чувство жалости гнало её сейчас к бабушке, словно сердце знало, за что её надо жалеть и за что её жалеет даже Катерина...

КОСТРОМА

Облисполкомовский «газик» выбрался из широких, поросших травой и мощёных булыжником улиц Костромы.

Настя, сидя рядом с дедом Антоном и держась за его рукав, жадными глазами разглядывала улицы, по которым проезжали, и всё время дёргала деда:

— Дедушка Антон, а это что? А это какой дом? А это какая фабрика?

Дед Антон и сам не знал, что это за странное здание, круглое, обнесённое колоннами. Вместо него отвечал Насте шофёр:

— Это наши торговые ряды. Там все наши магазины. А это текстильный комбинат имени Ленина, самый большой комбинат. Лённые полотна ткут... А там, подальше, комбинат Зворыкина — инженер Зворыкин строил. Там получше устроено, оборудование новое и цеха светлые: при советской власти строился. Тоже льняные полотна ткут: простыни с каймами, полотенца...

— Вот бы посмотреть, — каждый раз обращалась Настя к деду Антону, — а, дедушка? Уж очень интересно, как на станках ткут!

— Да мало ли интересного на свете? — возразил дед. — Всё не разглядишь!

Но расступились улицы, и широкая картина встала перед глазами. Слева темнела Волга, отражая серые облака. Прямо, преграждая путь, медленно шли к Волге спокойные воды реки Костромы. А на том берегу Костромы на зелёном пригорке стоял и гляделся в тихую воду старинный Ипатьевский монастырь. Башни, башенки, звонницы и позолоченные чешуйчатые купола — всё чисто и отчётливо повторялось в реке вместе с зеленью травы, с жемчужно серыми клубами облаков и нежнейшей голубизной проглянувшего сквозь облака неба.

— Отсюда Кострома začínалась, — сказал шофёр, кивнув в сторону монастыря. — В музее интересно про это рассказывают...

— А как? А что рассказывают? — тотчас пристала Настя.

— Да вот, говорят, было дело так, — начал шофёр. — Бежал из Золотой орды татарин Чет — проштрафился там что-то. И явился к московскому князю Ивану Калите. «Великий князь, мне видение было. Заснул я на берегу Костромы, и явилась мне Богородица да говорит: «Здесь построй храм святому Ипатию». Так разреши ты мне креститься и построить храм на том месте!» Князь Иван Калита всё понял: место выгодное — на самом торговом пути. Татарин поставит монастырь, да и будет брать побои с купцов. Но и так прикинул: пойдут с этой стороны враги — монастырская крепость хоть и невелика, а всё-таки застава, всё-таки отпор даст.

Вот построил татарин монастырь, а сам крестился и назвался Захарием. Прижился здесь, разбогател. Монахам доход большой был. За рыбу, которую в Костроме ловят, им плати. За проезд по Костроме к Волге плати. За ночлег в монастыре плати... Много земель потом этот монастырь имел! И настоящей крепостью стал. Тут, за этими стенами, от поляков Михаил Романов укрывался и отсюда в Москву на царство пошёл...

Настя слушала и до тех пор оглядывалась из машины на коричневые островерхие крыши бойниц и на жарко-золотые купола, пока они не скрылись из виду.

— Интересно... — вздохнула Настя. — Вот бы сходить в этот музей! Можно бы доклад на пионерском сборе сделать! Дедушка Антон, а что — если заехать, а?

— Эко ты! — ответил дед Антон. — Если тебя послушаешь, так из Костромы целый месяц

— Вот наша рекордистка Волшебница, — говорила Малинина, показывая коров. — По двенадцать тысяч с лишним килограммов молока даёт...

не выедешь: и тут интересно и там интересно. Нет уж, куда посланы, то и смотреть должны. Да как следует, в оба глаза.

Влажные, тяжёлые после недавнего дождя луга лежали по сторонам. Вставала молодая пшеница, разливая на много гектаров чистую густую зелень. Вспаханная земля, разделанная под огородные плантации, чернела среди зелёных берегов озими.

— Что ж, неужто всё под картошкой? — заинтересовался дед.

— И под картошкой. И под всякой овощью: свёкла, морковь, капуста... Помидоров тоже много сажают — целые поля.

— И что ж, родятся? Ведь огороды обрабатывать уж очень хорошо нужно!

— А как же! И обрабатывают. И родятся. Тут колхозы богатые. У меня сестра в «Двенадцатом Октябре» живёт. Так ей в прошлом году на трудодни столько всего досталось — возами возила! Пшеницы около четырёхсот кило. Картошки по восемь кило да крахмала по триста

граммов — тут крахмал делают. Да молока по шестьсот граммов. Да денег по два с лишним рубля, да луку, да чесноку, да соломы овсяной...

— Постой, постой, — насторожился дед Антон. — Как говоришь: молока по шестьсот граммов?

— По шестьсот.

— Это что же: если у меня четыреста трудоней, да по шестьсот граммов... это двести сорок килограммов выходит?

Шофёр усмехнулся:

— А что ж удивительного? Ведь в «Двенадцатом Октябре» ферма-то какая! Даром, что ли, наша Малинина три ордена Ленина получила?!

— Три ордена Ленина!.. — прошептала Настя. — Три!

И ей захотелось поскорее увидеть знаменитую колхозницу Прасковью Андреевну Малинину, посмотреть на её коров, послушать, что она расскажет о своей молочной ферме, о своей работе.

Вдали, среди бескрайних полей, показались крыши большого села. «Газик» мчался, разбрызгивая лужи, обгоняя подводы и грузовые машины. Настя и не заметила, как они оказались на широкой улице села. Большие, крепкие дома стояли за палисадниками, полными весенней зелени.

Малинина встретила их на улице, она как раз шла на скотный двор.

Дед Антон вылез из машины и, здороваясь, приподнял картуз.

— Здравствуйте, Прасковья Андреевна! — сказал он. — К вашей милости!

Малинина, чуть-чуть наморщив брови и стараясь догадаться, зачем бы, поглядела на него и на Настю.

— Что скажете? — вежливо спросила она.

Дед Антон коротко объяснил, кто они, откуда и зачем приехали к ней.

— А отчего же это вы ко мне, Антон Савельич? Ведь все в первую очередь в Караваево едут. Там хозяйство-то показательное. Там и коровы побогаче.

— Да ведь то совхоз! А нам интересней посмотреть хозяйство колхозное. Нам что к делу поближе. У вас колхоз, и у нас колхоз. Что вы сделали, то и мы можем сделать. А что ж нам Караваево?.. По совхозу-то наши доярки, пожалуй, и равняться не захотят. Поди-ка поговори тогда с ними!

— Мы вашу книжку читали, — застенчиво добавила Настя, — у вас ведь тоже коровы очень хорошие.

Малинина слушала их с улыбкой, и голубые глаза её тепло светились.

— Ну что ж, пойдёмте, пообедайте вам соберу, — сказала она, — а потом уж и на ферму.

Но и дед Антон и Настя запротестовали в один голос: не хотят они обедать, они в столовой обедали, они только и ждут, чтобы на ферму поскорей попасть!..

Доярки уже начали дойку, когда дед Антон и Настя вслед за Прасковьей Андреевной вошли в коровник. Скотник на вилках подтаскивал сено к кормушкам.

— Не помешаем доить-то? — спросил дед Антон. — Говорят, коровы чужих не любят, беспокоятся...

— Ну, — усмехнулась Малинина и махнула рукой, — они у нас и внимания не обращают ни на кого! Это в Караваево, у Станислава Ивановича, даже доярки и те в коровнике шёпотом разговаривают, громко говорить нельзя: вишь, «коровки от корма отвлекаются, расстраиваются». Станислав Иванович с ними, как с детьми. Ну, а у нас коровы попроще — кто хочет, приходи, они даже не оглянутся. Ведь у нас разве вы одни? Тут народу отовсюду побывало: и из соседних колхозов, из Нерехты приезжали, из Молотовского... Экскурсии тоже бывают. Даже из-за границы приезжали — чехи, румыны... Наши коровы привычные!

Настя загоревшимися глазами разглядывала коров, стоявших у кормушек.

— А вы, что же, ай не пасёте? — спросил дед Антон. — В стойлах держите?

— Пасём, а как же! — ответила Малинина. — Пасём недалеко, в обед пригоняем. Подкормить надо. Тут и подоим и покормим. А потом опять на пастбище. До ужина. А если не подкармливать, то как же? На лугах-то ещё взять нечего. Дойным коровам корму много надо. Ведь у коровы, сам знаешь, молоко на языке.

Дед Антон, почесав затылок, сдвинул картуз на брови.

— Да-а... У нас кормов еле-еле до выгона хватает... А мы с коров спрашиваем. Эх-ма! Отстали мы!» Но вслух он этого не сказал.

Коровы были однамастные — светлосерые, голубовато-серые, жемчужно-серые... Крупные, упитанные, они держались очень спокойно и важно и шумно жевали клевер, слегка отмахиваясь хвостами от невидимых мух.

— Вот наша рекордистка Волшебница, — говорила Малинина, показывая коров, — по двенадцать тысяч с лишним килограммов молока даёт. Вот Вычегда — около восьми тысяч даёт. А вот наш первотёлочек!

Прасковья Андреевна любовно погладила огромную, как печка, корову. Настя восхищённо улыбнулась:

— Вот так первотёлочек! А, дедушка Антон?

— Да-а... — покачал головой дед Антон, — нам таких не мешало бы!

— Не дело, не дело! — вдруг повысила голос Прасковья Андреевна, увидев, что скотник прямо с вил подаёт клевер в кормушку.

— Да я ведь гляжу! — ответил скотник.

— Всё равно не дело! Корова взмахнёт головой — вот и напоролась! Не дело!..

Пока Малинина говорила со скотником, дед Антон и Настя шли мимо стойл.

— Запиши, — говорил дед Антон. — Во-первых, прикармливают. Во-вторых, в большой чистоте содержат. Канавки, видишь, сделаны для стока. Пол сухой, тёплый. Окна протёртые. И ещё запиши: доярки корма не носят — им скотники на подвесных крюках подают. И воду не таскают — у коров поилки. Ну, это можешь и не писать: будем новый двор строить, обязательно такие поилки сделаем. Я об них и так не забуду.

Обошли всю молочную секцию. Дошли до телятника.

— Там вроде и смотреть-то нечего, — сказала Малинина, — телята на пастбище.

— Э, не говори! — возразил дед Антон. — Это и есть самое главное, что нам смотреть надо. — И, подойдя к Малининой поближе, проникновенно взглянул ей в глаза: — Прасковья Андреевна, скажи правду: топил ты зимой печки в телятнике или нет? Только так, по-честному. Чтобы не подводить, а?

Малинина засмеялась. Смех у неё был весёлый и добрый.

— А ты разве в книжке моей про это не читал?

— Читать-то читал. Так ведь это в книжке!..

— Ой, Антон Савельич, не смейся! Что ж, я в книжке одно буду писать, а делать буду другое? Да у нас в телятнике и печей-то нету! Иди сам посмотри!

В телятнике было пусто, чисто и прохладно. Яркие, озабранные солнцем стены и потолок, прозрачные стёкла в окошках, полы посыпаны свежими опилками... Дед быстро и зорко оглядел углы — печек не было.

Малинина поймала его взгляд. Умные голубые глаза её смеялись:

— Гляди, гляди, Антон Савельич!

Дед Антон смущённо улыбнулся:

— Ишь ты... Значит, в самом деле нету!

А нежное лицо Насти вдруг затуманилось. Бабушка, словно живая, встала перед ней. Не по её выходит, нет, нет не по её! Бабушка ждёт Настю, ждёт от неё поддержки, ждёт, что Настя придет и опрокинет, развеет все эти нелепые речи о холодных телятниках и обо всём, что бабушка никак принять не может. А Настя придет и скажет: «Нету, бабушка, печек в телятнике, своими глазами видала...»

— Притомилась девчужка-то, — сказала вдруг Малинина. — Пошли, пошли домой обедать!

— Какой там обед! — отмахнулся дед Антон. — Да я и есть-то не хочу совсем...

Но тут и Настя, вспомнив, как бабушка Анна наказывала ей заботиться о дедушке Антоне, тоже вступилась:

— Хочешь, хочешь, дедушка Антон! А если обедать не будешь, я бабушке Анне скажу!

После обеда дед Антон не лёг вздремнуть, как это делал дома, но пошёл потолковать к председателю, посмотреть хозяйство: и лошадей, и овчарню, и свиную ферму... Настя всюду ходила с ним вместе, прислушиваясь к тому, что рассказывал председатель деду Антону, и всё ей было интересно.

— Да-а... — то и дело повторял про себя дед Антон. — Побогаче нашего колхоз-то. Побогаче живут, поумнее!

Вечером пошли на молочную ферму встречать стадо. Светлосерые, упитанные, одна красивее другой, проходили коровы в свои стойла. Весёлой гурьбой шёл молодняк, такие же светлосерые бычки и тёлки. Они дружелюбно поглядывали на людей блестящими чёрными глазами, сытые, беспечные.

— Этих скоро на дальние пастбища угоним, — сказала Малинина, кивая на молодняк, — на всё лето, до снега. Пусть там и живут и спят. Пусть их там и дождичком помочит — не беда. Лучше закалятся.

— Угоняли уже так? Или ещё только испытывать будете? — спросил дед Антон.

— А как же? Конечно, угоняли. В прошлом году уже белые мухи летят, а пастух только на зимовку их оттуда домой гонит. Вышли мы встречать, да и не узнаём. Батюшки! Такие большие стали да крепкие... А шерсть длинная выросла, как у диких. И ни одна не заболела!

Отдельным стадом пришли телята, тоже светлосерые, с серебристыми ушками. У Насти сердце переполнилось горячей нежностью.

— Куколки мои! Рыбочки мои! — вполголоса повторяла она, провожая их взглядом. — Какие лобастенькие! А какие поджерелочки! Ишь ты, важные! Ишь ты, как идут, свою породу показывают!

И, подняв на деда Антона свои тёмные, похожие на вишенки глаза, сказала:

— Дедушка Антон, а что же, нам таких нельзя завести?

А дед Антон и сам не мог отвести глаз от этого серебристого стада. Взгляд его застыл в восторге, под усами ширилась умиленная улыбка.

— Да-а, хороши... — повторял он машинально. — Куда нашим до этих!

Но, услышав настины слова, он тут же страхнул своё умиление:

— А почему же нельзя? Вот быка породистого из совхоза приведём. Директор холмогора даёт. Холмогорский молодец выведем. Почему это нельзя! Что же, мы-то не хозяева?

Вечером дед Антон и Настя уселись в горнице за стол под самым абажуром. Настя достала тетрадку, а дед Антон, отвернув край скатерти, чтобы не запачкать, сказал:

— Ну, теперь пиши.

И, поглаживая седину на подбородке, начал диктовать:

— Телятник зимой не отапливают. И даже печек нету. Только весной и в оттепель гляди в оба, чтобы не было сырости. Чтобы рамы и полы были хорошо заделаны. Чтобы не было сквозняков. Если проступил иней, сейчас же обмети. Главное, чтобы сухо и никаких сквозняков. Холода боится микроб. А телёнок холода не боится... Ну, на сегодня хватит, — сказал дед Антон. — Насчёт пастбищ, насчёт зёлёных кормов надо бы... Ну, это я в правлении возьму. А ты ложись спать.

— Сейчас лягу, дедушка Антон, — ответила Настя, чувствуя сладкую, тянущую к постели усталость. — Я вот только немножко от себя припишу.

И Настя написала: «Хвосты у всех коров чистые, как шёлковые. И концы немножко подрезаны, чтобы не грязнились. А телятница одного кривоногого облучала сердоликом — такая труб-

ка электрическая, а в ней сердолик вставлен. Маличина включила трубку, электричество пошло сквозь сердолик. Вот этим сердоликовым электричеством она ему ножки грела. Телёночек родился кривоногий. Хотели его выбраковать. А Прасковья Андреевна сказала: «Зачем браковать? Мы его выходим». Вот теперь и лечат. Телёночек уже стал хорошо становиться на ножки...»

Насте постелили на диванчике. Она уже хотела было улечься, но вдруг увидела, что на комод сидят какие-то необыкновенные куклы. Дрёма сразу слетела с её ресниц:

— О-ёй! Прасковья Андреевна, какие куклы!

Прасковья Андреевна сняла с комода и подала Насте самую большую и красивую куклу в ярком, пёстром, нерусском наряде.

— Это мне чехи подарили, — объяснила она, — делегация из Чехословакии была. Всякие от них подарки были — вышитые юбки и кофты, вот и куклы эти. Возьми, возьми их всех, полюбуйся...

Настя забрала к себе на диванчик этих странно одетых кукол, разглядывала их, улыбалась им, разговаривала с ними шёпотом. А они глядели на неё чёрными нерусскими глазами и тоже улыбались. Так она и уснула вместе с ними.

А за стеной ещё долго гудели приглушённые голоса: мягкий московский говорок деда Антона и певучая, слегка окающая речь Прасковьи Андреевны. И говорили они всё о том же — о телятах, о выпасах, об удоях, о кормах...

(Продолжение следует.)

Мой старший брат

М. Львовский

Давно бы кончил институт
Мой старший брат,
Но он погиб в бою с врагом
Семь лет назад.

Он инженером стать хотел,
Мечтал о том,
Чтоб Сталин поручил ему
Построить дом
Необычайной красоты,
Москве подстать,
Чтоб было трудно этажи
В нём сосчитать.

И он бы мог построить дом
Такой, как тот,
Что у Смоленского метро
Сейчас растёт...

Он мог бы плавать по морям,
В горах бродить,
Сажать леса, растить сады,
И жить, и жить...

Но он семь лет тому назад
Погиб в бою...

Геройски брат мой защищал
Страну свою.

Я книги все, что он читал,
Прочесть спешу,
Я даже ручкою его
Всегда пишу,

О нём расспрашиваю всех,
Кто с ним дружил, —
Как он учился, как мечтал,
Как в бой ходил...

Хочу на брата походить
Во всём, во всём!
Хочу, чтоб Сталин поручил
Мне строить дом
Необычайной красоты,
Москве подстать,
Чтоб было трудно этажи
В нём сосчитать...

И пусть запомнят все, кто нам
Войной грозят:

Я так же Родину люблю,
Как старший брат!

ПЕРВАЯ ЭСТАФЕТА

Н. Александрова

ЧЕТЫРЕ ПО ШЕСТЬДЕСЯТ

Эстафета «четыре по шестьдесят» — очень короткое соревнование команд. Всего несколько секунд держит каждый бегун в руках красную эстафетную палочку. Он пробегает 60 метров, в конце его короткой дорожки уже стоит, нетерпеливо протянув руку, другой бегун.

А на соседней дорожке совершает свой путь другая красная палочка, и её встречают и несут такие же нетерпеливые руки.

Дистанция коротка. Вот почему события разворачиваются так стремительно, остро, напряжённо. Даже удивительно, сколько событий может произойти за одну минуту соревнования.

Вот, не выдержав напряжения, кто-то срывается с места, чтобы не на старте, а

хоть на шаг пораньше перехватить палочку. Но судья возвращает его обратно. Сколько секунд потеряла команда из-за этого нетерпения!

А вот в отставшей команде старт взял самый сильный бегун. Метр за метром он сокращает разрыв между собой и противником, едва не догоняет его, бежит уже на расстоянии вытянутой руки. Кажется, будь дорожка чуть длиннее, он непременно догнал бы, и эстафета отставших оказалась бы первой. Но путь короток. Вот и оборвались 60 метров. С эстафетой бежит уже другой бегун. Поддержит ли он успех предыдущего?

Вот кто-то стремительным броском берёт финиш, и на поле на мгновение остаётся только один бегун. Это последний из проигравшей команды. Шаг его замедляет-

Валя Лаптева первая принесла эстафету к финишу. Её звено выиграло!

ся. Зачем бежать? Ведь всё равно команда проиграла. Но капитан, волнуясь, кричит:

— Беги! Беги же!

Да, проиграли, но важно, на сколько секунд!

Право, замечательное это состязание, сколько в нём волнений, радости, неожиданных перемен! Сколько раз эстафетная палочка, переходя из рук в руки, то обгоняет другую палочку, то отстаёт от неё...

Чья палочка первой придёт к цели? Какая команда победит?

Это решает каждый из четырёх бегунов команды. И все они — равные участники игры. В футболе или баскетболе команда может закрыть слабого игрока сильными, один игрок может взять мяч вместо другого, в горячую минуту игроки могут поменяться местами. В эстафете каждый должен пробежать свои 60 метров, и никто другой не пробежит их за него. Но успех одного — это успех всей команды, неудача — общая неудача. Хороший бегун может выручить всю команду, а слабый — погубить усилия всех остальных. Вот, например, какая история произошла на эстафетных соревнованиях в пионерском лагере Коломенского паровозостроительного завода.

НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ

Соревновались команды третьего и четвёртого звеньев первого отряда. Первой в команде третьего звена бежала Валя Лаптева, за ней Надя Долматова. Обе сильные и быстрые девочки, обе второй год занимаются в спортивной школе. Каждая тотчас сумела обогнать противницу: Валя на пять метров, Надя ещё на семь. И когда Надя на третьем этапе передала эстафету Марусе Зениной, у звена было выиграно 12 метров.

Маруся приняла эстафету и побежала. Сначала никто не обратил внимания, как она бежит. Ведь она могла даже никого и не обгонять, а лишь сохранять дистанцию, завоёванную её подругами, — всё равно третье звено выиграло бы. Но когда вслед за ней со старта четвёртого звена сорвалась Лариса Серикова, все вдруг увидели, что Маруся бежит очень плохо, медленно и неуклюже. А Лариса бежала легко, свободно, широким шагом, энергично работала руками. Она всё приближалась, приближалась к Марусе и на полдороге догнала её. Двенадцать метров, которые,

Вова Четкин преодолевает препятствие в эстафетном беге.

как эстафету, девочки вручили Марусе, были потеряны.

Маруся старалась удержаться хотя бы наравне с Ларисой, не дать ей себя обогнать... Маруся — очень старательная девочка и к тому же вожатая звена. Она хочет всегда сделать для своего звена всё хорошее. Но чем больше она сейчас старалась, тем хуже всё выходило. Она задыхалась, сбивалась с ноги. Вот она напрягла все силы, сделала последний отчаянный рывок и... выдохлась.

Так часто бывает с неопытными бегунами: весь свой пыл, все силы они вкладывают в первый десяток метров, а потом у них не хватает, как говорят, «пороха», или, вернее, выносливости, которая так нужна в беге.

Только усилием воли девочка заставила себя не сойти с беговой дорожки, продолжать бег.

Лида Андреева, сменявшая Марусю на последнем этапе, едва дождалась её,хватила палочку и бросилась вперёд, чтобы спасти то, что погубила Маруся, чтобы вернуть победу своей команде. Но было уже поздно. Четвёртое звено ушло далеко вперёд, и Лида финишировала на 8 секунд позднее противников. Это был проигрыш Маруси, но он стоил поражения всему звену.

Никто не мог понять, как это произошло. Ведь Маруся была всегда подвижной, живой девочкой и в «салочки» играла и в другие игры. Поэтому-то она и вошла в команду. Ведь никто не знал, даже она сама, что Маруся вовсе не умеет бегать. Это обнаружилось только здесь, на беговой дорожке.

Такое странное свойство у этой дорожки! Встанет на старт какой-нибудь высокий крепкий мальчик, а малыш, что ему до плеча, обгонит вдруг его... Иной раз кажется: так недалёк старт от финиша, одним махом пробежишь, а попробуешь — и с непривычки, как Маруся, задыхнешься на первых же шагах. Даже сам потом удивляешься: никогда так сердце не колотилось, сколько ни бегал.

Но есть этому странному свойству беговой дорожки одно простое объяснение: здесь бежишь на время. Пробежать 60 метров, конечно, может каждый, это — небольшое расстояние, но пробежать их быстро, вихрем промчаться по короткой дорожке — вот тут уже нужно умение.

Не все ещё это понимают. То, что плавать, играть в волейбол или баскетбол надо учиться, — знают. А спроси-ка кого-нибудь: «Умеешь ли ты бегать?», — даже удивятся: «Ну, конечно». Так и Маруся всегда бегала. А ей, оказывается, надо было ещё учиться бегать, как учился, например, после первой своей эстафеты Вова Четкин, мальчик из того же лагеря.

Лазание укрепляет мышцы. Это — очень полезное упражнение для бегуна.

МЕСЯЦ ТРЕНИРОВКИ

Вова Четкин очень любил футбол и другими видами спорта не занимался. Но однажды неожиданно Вова попал в команду эстафеты «четыре по сто».

Вместе с другими ребятами из лагеря Вова был в походе. По дороге путешественники зашли в Сосновский лагерь. И там соревновались с пионерами этого лагеря в беге и спортивных играх.

Многие лучшие спортсмены Коломенского лагеря не участвовали в походе, по-

этому в команду по бегу попал и Вова Четкин. Кроме него в команде, правда, были ещё Юра Стронгин, Рогожкин и Алексеев. Эти мальчики бегали хорошо. И команда путешественников Коломенского лагеря выиграла эстафету, обогнав своих противников на 7 секунд. Юра Стронгин пробежал стометровку за 11,9 секунды. Это был прекрасный результат. Самый лучший результат в Сосновском лагере был 13,5 секунды. Так что один Юра выигрывал у них почти 15 метров.

Вова Четкин слышал про юрины успехи в беге ещё в лагере. Но только сейчас, в Сосновке, оказавшись с Юрой в одной команде и пережив гордость за члена своей команды, — вот какие у нас ребята! — Вова заинтересовался юринными результатами. И сам захотел бегать так же быстро, сам захотел стать таким же крепким и мускулистым.

Вова сравнивал Юру с другими мальчиками. Говорили всегда, что бегуны — это люди высокие, с длинными ногами. А Юра был невысок, и ноги у него были самые обыкновенные. Он стоял на лагёрной линейке девятым по росту. Но он бегал быстрее всех восьми мальчиков, которые стояли перед ним. И у самых длинноногих выигрывал на ста метрах

две, а то и три секунды.

Вова решил тренироваться вместе с Юрой. Он делал тренировочные пробежки, учился резко срываться со старта — вылетать, как пуля из ствола, — потом постепенно переходить на спокойный маховой шаг, усиливать бег и мчаться перед финишем во всю мощь. Учился равномерно дышать, работать руками. Главное — это Вова теперь уже понимал — надо было не делать ни одного лишнего, ненужного движения и уметь вложить в короткий, стремительный бег всю силу и энергию, которые живут в человеке и которых может хватить хоть на тысячу метров, если бежать другим темпом.

Вова — человек настойчивый и упорный, и он твёрдо добивался поставленной

цели. За месяц два раза в лагере мерили секундомером скорость бега ребят. Первый раз Вова пробежал стометровку за 14,5 секунды. А спустя месяц после того, как он начал тренироваться с Юрой, он пробежал это же расстояние за 13,6. Сбросил почти целую секунду! И уже неожиданно для самого себя на площадке для прыжков с третьей попытки взял 4 метра 60 сантиметров, то есть на метр больше, чем месяц назад, когда он прыгнул на 3 метра 80 сантиметров. Вот как сказались тренировки! Он даже прыгать стал лучше!

Во второй месяц лагерной жизни Вову Четкина уже обязательно выделяли участником эстафетных соревнований. Он завоевал своё место в команде — то, которое первый раз досталось ему случайно.

А имя Маруси, девочки, про которую мы

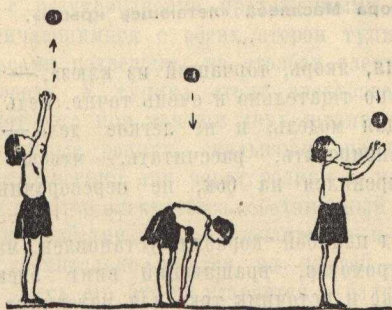
рассказали вначале, больше не встречалось среди имён участников эстафетных соревнований, она вышла из команды. Сделала это Маруся не со зла, не от обиды на себя или подруг. Просто она хотела своим уходом спасти команду от поражения. Она так и сказала девочкам:

— Пусть на моё место встанет сильный бегун!

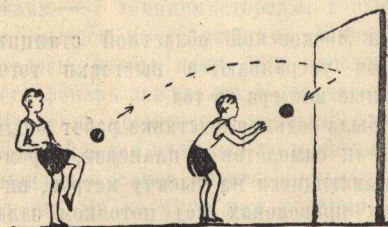
И другому, а не самой себе доверила сражаться за честь и победу команды! А ведь Маруся, как тысячи и тысячи других, как Вова Четкин, сама могла стать сильной и быстрой, могла своими руками нести эстафету к цели. И в этом была бы её настоящая забота о команде. Ведь никогда ещё победу не завоевывал тот, кто, уйдя в сторону, взволнованно кричит другим:

— Скорей! Да ну же! Скорей!

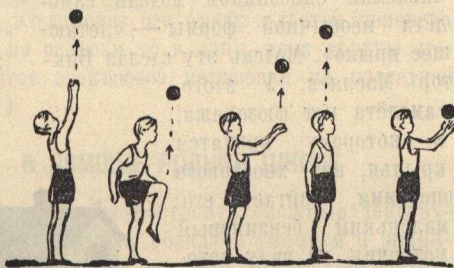
Сумеешь ли ты?

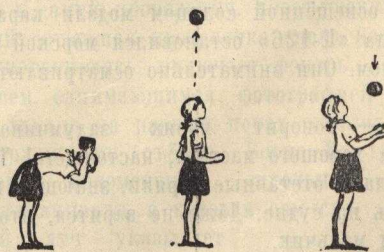
Подбросив мяч, достань пальцами до пола и, выпрямившись, поймай мяч.

Ударь коленом мяч так, чтобы он отскочил к стене, и поймай его руками.

Подбрось мяч вверх, подбей его коленом, ладонями, головой и поймай.

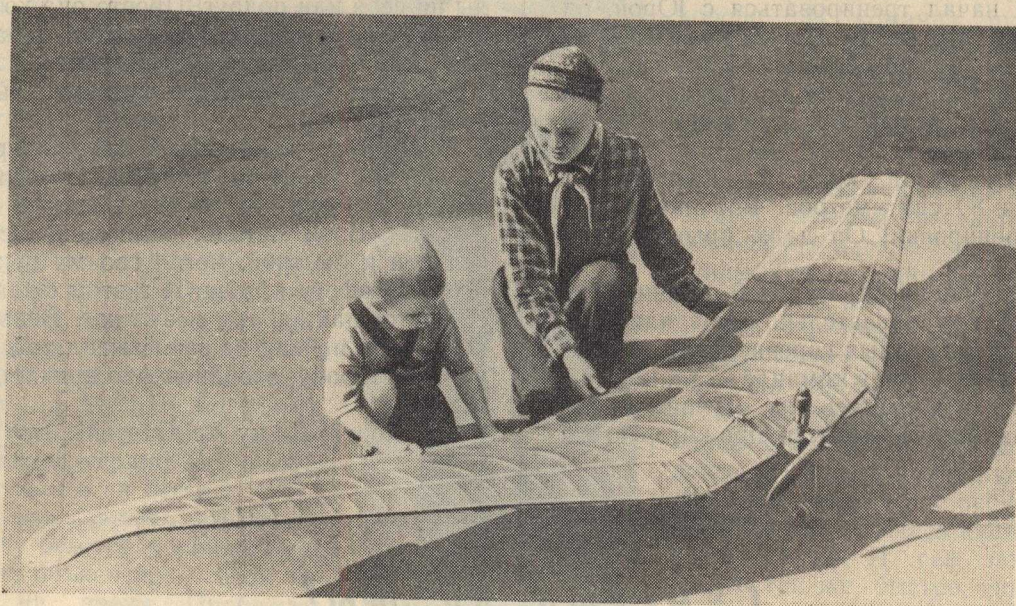

Положи мяч на затылок, выпрямившись, подбрось мяч головой и поймай.

Упражнения с мячом не только весёлая забава: они развивают силу, ловкость, меткость и верность глаза. Разучи упражнения, которые мы здесь даём, придумай сам другие, более сложные. А затем устрой в своём звене турнир игроков в мяч.

ЮНЫЕ МАСТЕРА

А. Морозов

Посетители выставки рассматривают модель Виктора Масляева «летающее крыло».

ПО ЗАЛАМ ВЫСТАВКИ

Ежегодно на Московской областной станции юных техников устраиваются выставки того, что сделали юные мастера за год.

В этом году была седьмая выставка работ юных техников. Модели самолётов и планеров, огромные змеи, поднимающиеся на тысячу метров, висят на тонких проволоках под потолком зала выставки; внизу, вдоль стен, стоят всевозможные приборы, аппараты, машины, макеты. Глаза разбегаются у посетителей выставки — так много здесь интересных, оригинальных работ.

Вот у освещённой солнцем модели корабля электрохода «К-126» остановился морской офицер с сыном. Они внимательно осматривают модель.

— Да, — говорит моряк задумчиво, — это работа хорошего мастера, настоящего! Такие модели делают отставные моряки, знающие каждый гвоздь на судне. Даже не верится, что всё это сделал мальчик.

Мастер, изготовивший модель электрохода «К-126», — школьник из Волоколамска Юрий Седов. Сколько труда, знаний и умения потребовало сооружение этого электрохода длиной больше метра! Две мачты с тонким переплетением снастей, мощная труба, чуть отклонённая назад, шлюпки, висящие по бокам, прожектор,

орудия, якорь, торчащий из клюза, — всё здесь сделано тщательно и очень точно. Ведь это плавающая модель, и не лёгкое дело — всё так сбалансировать, рассчитать, чтобы корабль не кренился на бок, не переворачивался на воде!

Под палубой корабля установлен маленький электромотор, вращающий винт электрохода. Тут же и источник тока для моторчика — батарея аккумуляторов. Их энергии хватает на целый час плавания.

Над «К-126» плывёт чуть расклевываемая сквозняком модель самолёта необычной формы — «летающее крыло». Модель эту сделал Виктор Масляев. У этого самолёта нет фюзеляжа, к которому крепятся крылья, нет хвостового оперения, двигает его маленький бензиновый моторчик, на валу которого укреплен воздушный винт. «Летающее крыло» — заслуженная модель; во время испытания она продержалась в воздухе 42 минуты 15 секунд.

Модель морского маяка сделал Геннадий Герисман.

Подобных отличных моделей немало на выставке. Ребята следят за развитием техники в нашей стране и стараются не отстать в своих работах от взрослых конструкторов. Московский школьник Игорь Петров, уже второй раз посетивший выставку, критически оглядев одну из моделей, недовольно покачал головой.

— Что тебе тут не нравится? — спросили его. — Ведь это хорошая модель.

— Хорошая! Только такие модели делали давно — два — три года назад, — сказал он таким тоном, как говорит обычно инженер-конструктор о какой-нибудь устаревшей машине. Для Игоря два — три года — большой срок. За это время он вырос, научился делать более сложные модели.

Юные техники хорошо знают, как быстро растёт мастерство советских людей, изготавливающих настоящие машины и станки, строящих новые дома; они знают, как нужны стране умелые, знающие мастера, и на свою работу они смотрят требовательно, строгими глазами.

О таком взыскательном отношении к своей работе свидетельствует модель электрической железной дороги, выполненная машиностроительным кружком юных техников в Серпухове. Метров на пять протянулось железнодорожное полотно с безукоризненно проложенными рельсами, кончающимися с обеих сторон тупиками. Над рельсами подвешены на столбах электрические провода. У тупика стоит электровоз, на крыше которого при помощи двух штанг укреплены латунные ролики, скользящие по проводам. Электрический ток через ролики и штанги попадает в мотор электровоза, соединённый с его ведущими колёсами. Ток включается — и электровоз стремительно мчится на другой конец полотна. Здесь его буфер ударяется о балку тупика, и благодаря этому происходит переключение механизма электровоза на обратный ход: он с прежней скоростью мчится назад. Там другой буфер ударяет о балку тупика — и, пока включён ток, электровоз без вмешательства человека носится по рельсам то в одну, то в другую сторону. (Этот электровоз нарисован на последней обложке.)

В ПОМОЩЬ РОДНОЙ ШКОЛЕ

Для того, чтобы построить сложные действующие модели, нужно обладать умением и знаниями. Всё это даётся не сразу. Юные конструкторы обычно начинают с самых простых моделей тех приборов, о которых они узнают на уроке физики. И таких работ очень много на выставке. Вот как будто очень нехитрое устройство для демонстрации первого закона движения: наклонная досочка, маленькая тележка с грузом — кусочком дерева размером со спичечную коробку.

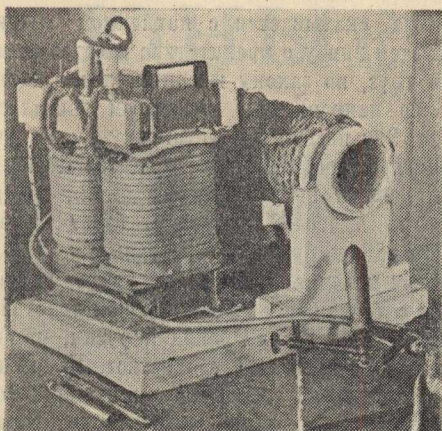
Тележка скатывается с наклонной плоскости, ударяется внизу о препятствие и останавливается, а груз, по закону инерции, летит дальше в том же направлении, в котором двигалась тележка. Эту несложную установку сделал ученик Кучинской средней школы Анатолий Бондарев. Тщательная отделка каждой детали говорит о том, что Анатолий мастерски будет выполнять в ближайшем будущем и сложные модели.

А вот маленький, очень аккуратно сделанный домик с торчащей над его крышей толстой проволокой. Его сделал Леонид Барузин, чтобы показать, как действует громоотвод. На стене домика установлен рычажок, при помощи которого проволока на крыше может соединяться либо с землёй, как настоящий громоотвод, либо с куском другой проволоки, висящей внутри домика и почти касающейся металлической чашечки. От этой чашечки провод тянется к земле. В зависимости от положения рычажка на стене дома электрическая «молния» (электрическая искра, полученная от какого-нибудь аппарата) будет либо поражать внутренность дома, чашечку, либо, не причиняя вреда, уходить в землю по проволоке на наружной стене здания. И в простых и в сложных своих работах юные техники проявили много изобретательности и находчивости. Так, например, ученик той же Кучинской школы Геннадий Герисман сделал красивый морской маяк — с домиком сторожа, с высокой башней, с фонарём на её вершине. Юному технику хотелось, чтобы маяк был проблесковым, чтобы его фонарь зажигался и гас через определённые короткие промежутки времени. Для этого обычно применяются сложные устройства. А Геннадий придумал самое простое автоматическое управление. Он натянул между двумя винтами в домике сторожа маяка тонкую проволоку. Ток проходит по проволоке, нагревает её, и она от нагревания удлиняется, слегка опускается и размыкает контакт, выключающий и лампу фонаря и самую проволочку. Через несколько мгновений остывшая проволочка снова натягивается и, укорачиваясь, включает фонарь.

Всем занимающимся фотографией известно, как трудно на первых порах определять время выдержки при съёмке. Борис Куликов, коломенский школьник, сделал аппарат, в котором сам световой луч указывает время выдержки. Аппа-

На этой модели можно демонстрировать первый закон движения. Её сделал для своей школы Анатолий Бондарев.

Юные техники Ивanteeвской средней школы Лёва Бойков и Василий Бузыкин сделали настоящий, действующий аппарат для электросварки металлических деталей.

Аппарат представляет собою небольшой ящик с окошечком, против которого помещён фотоэлемент — устройство, преобразующее лучи света в электрический ток. Чем больше света падает на фотоэлемент, тем больший ток проходит через него. Фотоэлемент соединён с электрическим измерительным прибором, смотря на стрелку которого, фотограф сразу узнаёт, какая выдержка требуется в данном случае.

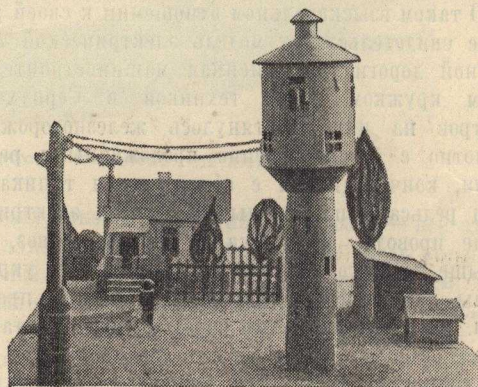
Внимание посетителей выставки особенно привлекали такие экспонаты, которые можно назвать «настоящими вещами». Ребята подолгу задерживались у электросварочного аппарата, которым можно пользоваться для сварки металлических деталей, у электростанции для физического кабинета, у школьного радиоприёмника, сконструированного юными техниками.

На деревянной массивной стойке выше человеческого роста укреплено мощное, но удивительно легко вращающееся крыло ветродвигателя длиной больше метра. Тут на вершине стойки находится электрическая машина, якорь которой

вращается крылом. Эту ветроэлектростанцию соорудил Виктор Андронов на Коломенской станции юных техников. Такой ветродвигатель может быть установлен где угодно, и он будет давать бесплатную энергию для радиоприёмника, для освещения, для зарядки аккумуляторов.

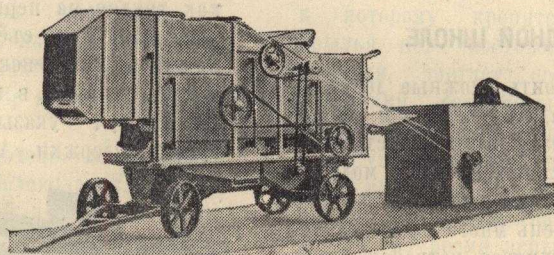
Чистотой отделки, тщательностью работы сразу привлекают внимание и два других больших сооружения из дерева и стекла: теплица и инкубатор.

Отцы, матери, братья и сёстры многих юных техников сейчас работают на великих стройках, механизмируют и электрифицируют сельское хозяйство, строят новые великолепные здания, осваивают на заводах машины невиданной производительности. Кипучая творческая жизнь нашей страны влияет и на творчество юных техников, отражающих в своих работах то, что они видят вокруг себя, то, о чём они мечтают. А мечта у них у всех одна — поскорее самим строить, управлять машинами, поскорее стать полезными

Действующая модель водопровода — работа Игоря Кораблина.

своей Родине, своей родной школе. С каждым годом растёт мастерство юных техников; оно свидетельствует о том, что ребята серьёзно готовят себя к самостоятельной работе.

Эта действующая модель молотилки построена в конструкторском кружке Каширской станции юных техников.

Марала привели на медосмотр.

ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

А. Дорохов

В Москве есть особенная клиника.

Если зайти сюда рано утром, пока ещё не начался приём больных, эта клиника не отличается от всякой другой: такие же кабинеты врачей, операционная, перевязочная, аптека с лекарствами, лаборатория, рентгеновский кабинет.

Но вот начался приём. Вносят первого пациента.

— Ну, что опять случилось? — спрашивает доктор.

Пациент молчит и смотрит на врача немещающими глазами. За него отвечает сопровождающая:

— Да снова подрались. Прямо беда! Боюсь, как бы не было на этот раз перелома.

— Придётся сделать просвечивание, — говорит доктор. — Отнести его в рентгеновский кабинет.

Вносят вторую больную. Она тоже молчит и быстро-быстро дышит.

— А с ней что? — спрашивает доктор.

— Наверное, объелась чем-нибудь, — отвечает сопровождающая. — Живот очень распух.

Доктор внимательно осматривает и ощупывает больную и затем говорит:

— Отнесите в изолятор и промойте для начала желудок. А потом дадим слабительное.

И так пациент за пациентом. Все нездоровы, но ни один не жалуется, ни один не может рассказать, что у него болит. Хорошо, что врачи в этой клинике очень опытные и сами отлично разбираются, кого от чего лечить.

Здесь врачи привыкли, что у каждого из их больных либо четыре лапы, либо два крыла, и почти у каждого длинный или короткий хвост. А говорить не умеет ни один.

Клиника эта находится в Московском зоопарке. В ней лечат заболевших животных и птиц.

* * *

Зоопарк — целый город из клеток, где живут звери и птицы. И, как в каждом большом городе, здесь часто случаются происшествия.

Вот подрались на пруду лебеди. В драке одному из буянов сломали крыло. Пришлось нести его в клинику.

Обезьяна стала худеть и кашлять. Может быть, она простудилась? А может быть, ей просто не хватает солнечных лучей? Ведь она родилась в знойной Африке, где солнце греет круглый год. Надо попробовать полечить её, как лечат слабых детей, искусственным солнцем.

У лисы завелись за ушами клещи. Доктор прописывает ей мазь от паразитов.

Лакомка косуля объелась конфетами, которыми её угощали слишком заботливые посетители, хотя на каждой клетке написано, что кормить зверей запрещается. Да разве могут сторожа усмотреть за всеми!

Так в звериной больнице появляются пациенты. То вывихнет ногу цапля, то подавится рыбой прожорливый пеликан. Скорее к доктору!

Животных и птиц лечат так же, как людей. Их выслушивают, измеряют у них тем-

Макака-резус Мусик в рентгеновском кабинете.

пературу, ставят компрессы, дают лекарства. Лекарства животным дают такие же, как и людям. Только дозы для зверей бывают необыкновенными.

Ребятам прописывают чайную ложечку касторки. Но смешно давать такую маленькую порцию слону. Когда заболел слонёнок Москвич, ему пришлось дать целый литр касторки сразу.

Если у человека заболит горло, ему достаточно принять облатку, в которой четверть грамма стрептоцида. А бегемот глотает зараз сорок граммов этого лекарства — сто шестьдесят человеческих доз!

Не всякое лекарство больному по вкусу. Люди понимают, что иной раз надо для своей же пользы проглотить самый горький порошок. Но как вы уговорите четвероногого

пациента? Звериным докторам приходится прибегать к хитрости.

Берут, например, кусочек мяса, делают в нём маленькие дырочки и насыпают в них хинина. Во время кормления этот кусочек бросают в клетку самым первым. Проголодавшиеся животные проглатывают его, не разжёвывая.

А с морским львом был такой случай. Доктор прописал ему рыбий жир, но лев ни за что не хотел его пить. Пришлось взять корзину со свежей рыбой, обмакивать каждую рыбу в жир и бросать капризному больному. И морской лев, который очень очень любит рыбу, волей-неволей проглотил вместе с ней и невкусное лекарство.

Доктор Раиса Антиповна Жигунова выслушивает лису Лизу.

Бывают такие трусливые ребята, которых надо полчаса уговаривать, прежде чем они сядут в кресло зубного врача. А как уговорить на операцию такого свирепого пациента, как медведь? Но врачи в зоопарке прекрасно умеют справляться с самыми трудными больными.

Однажды заболел гималайский медведь. На воле он много лазил по деревьям и стачивал свои когти об их стволы. А в клетке деревьев нет, когти у медведя отросли, стали загребать внутрь и вращаться в мясо. Бедный мишка очень страдал и вскоре захромал.

Тогда в его клетку

внесли другую клетку, поменьше. У этой маленькой клетки сделаны раздвижные стенки и отделяющаяся дверца.

В раздвинутую клетку поставили чашку с любимой мишкиной пищей. А когда он занялся обедом, дверцы быстро опустили, и медведь оказался пойманным. Затем стенки клетки осторожно сдвинули. Пришлось мишке лежать неподвижно.

Зверь очень сердился. Он просунул лапу между прутьями решётки и пытался схватить стоявшего возле клетки врача. Но тот именно этого и ждал. Как только медведь высунул лапу, на неё набросили верёвочную петлю, и два служителя стали держать строптивого больного. А доктор тем временем отпилил загнувшийся коготь.

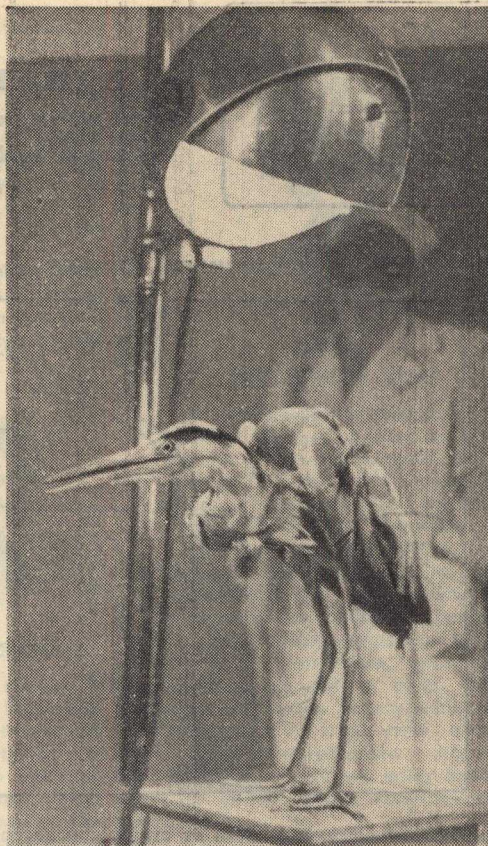
Медведь злобно рычал и отдёргивал лапу. Но когда зверь почувствовал, что боль прошла, он словно сообразил, что ему хотят помочь, и больше не сопротивлялся, пока не подрезали и всех остальных когтей.

Многие животные быстро начинают понимать, что врачи о них заботятся. Рыжая лиса Лиза сперва очень сердилась, когда ей втирали мазь против клещей, а затем стала спокойно позволять себя лечить.

Не любят только некоторые звери купаться. А между тем пациентов с густым мехом надо изредка мыть в дезинфицирующей жидкости, чтобы у них не завелись блохи. С такой мелочью, как лисы или шакалы, поступают просто. Их ловят сетчатым сачком, наподобие того, с каким ребята охотятся за бабочками, и затем окунают в большой тазу. Пациентов покрупнее в сачок не поймаешь. Их приходится поливать сильной струёй из гидropульта, как дворник поливает из шланга улицу.

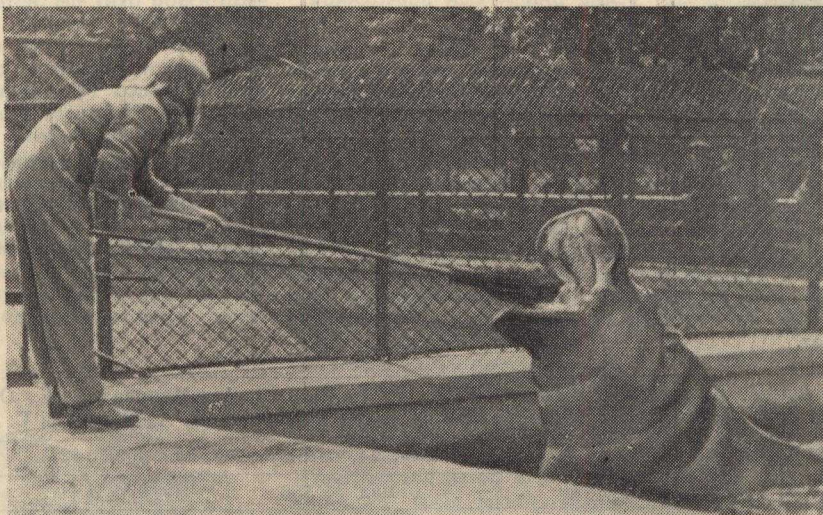
Но есть такие приятные процедуры, которые нравятся даже самым капризным обитателям зоопарка.

Макака-резус Мусик с удовольствием нежится под лучами соллюкса — электрического солнца. Серый журавль может часами неподвижно стоять на одной ноге под кварцевой лампой. Может быть, ему кажется, что он сно-

Кварцевая лампа так приятно согревает уроженца Африки — серого журавля.

ва греется на жарком африканском солнце. А бегемотиха Грета с готовностью открывает свою огромную пасть, чтобы ей почистили метлой зубы. У неё, повидимому, чешутся дёсны.

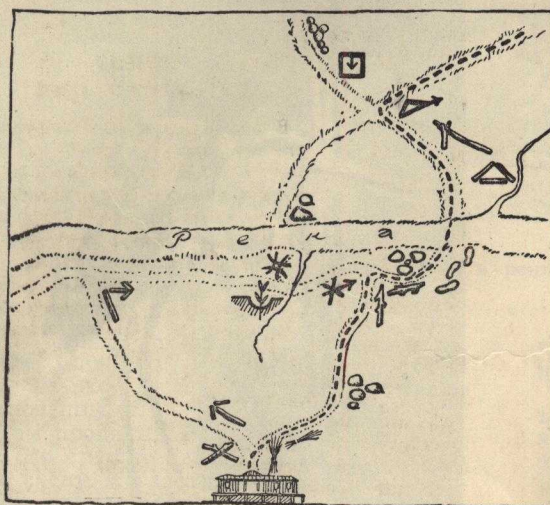

Вот какой «зубной щёткой» чистят зубы бегемотихе Грете.

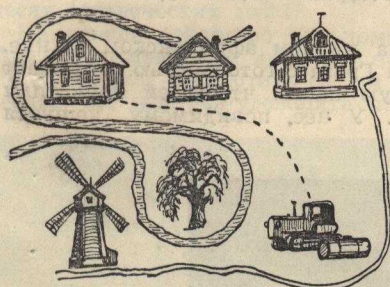
ОТВЕТЫ на задачи, помещённые в №№ 8, 9

По дорожным знакам

Путь, по которому надо идти от станции к лагерю, обозначен на рисунке пунктиром.

При любом отклонении от этого пути невозможно выполнить пункты приказа в той последовательности, в которой они перечислены.

Три дороги

На этом рисунке показано одно из возможных решений задачи.

Что изменилось?

1. Старшая девочка читает не начало книги, а конец.
2. Левую ногу она положила на правую.
3. Одна коса у неё закинута назад.
4. Стул повернут спинкой к столу.
5. Часы девочка надела с правой руки на левую.
6. На столе не три книги, а четыре.
7. Младшая девочка рисует не карандашом, а кисточкой. Карандаша нет.
8. Коробка с красками открыта.
9. Девочка рисует не на отдельном листке, а в альбоме.
10. Ленты в косе нет.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
В море.— Рассказ А. Некрасова. Рисунки П. Кузьмичёва	1
Счастливые дети.— Стихи Кудрата Хикмата. Перевёл с узбекского Ю. Яковлев. Рисунки В. Федяевской	10
Рассказы о борцах за мир.— Б. Стрельников, Ю. Добряков	12
Балка Солянка.— В. Галактионов и А. Аграновский. Рисунки Н. Кольчицкого	16
Памяти Гайдара.— Б. Емельянов	23
Обыкновенная биография.— А. Гайдар	25
Иртыш.— Из повести А. Гайдара. Рисунки Евг. Васильева	31
Партизанская песня.— Текст А. Гайдара. Музыка М. Иорданского	39
Советы пионерскому активу	41
Беспокойный человек.— (Продолжение). Повесть Л. Воронковой. Рисунки Ф. Лемкуля	44
Мой старший брат.— Стихи М. Львовского	53
Первая эстафета.— Н. Александрова	54
Юные мастера.— А. Морозов. Фото С. Карасёва	58
Лечебница для зверей.— А. Дорохов	61
В часы досуга	64
Наш календарь	III стр обложки

На обложке:

рисунки Ф. Лемкуля

„Юные техники“

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 24/IX 1951 г.

Изд. № 558.

82 × 110.

А 06850.

8 печ. л.

Тираж — 115 000.

Заказ 2155.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

наш календарь

«КРЕПОСТЬ НЕБА»

В книгах по истории астрономии можно встретить старинный рисунок. В просторной комнате без потолка сидит в кресле человек в средневековой одежде. Глаза его устремлены к небу. Рядом заняты какими-то наблюдениями трое помощников. Один смотрит на солнце в подзорную трубу, другой внимательно следит за стрелкой больших часов, третий записывает полученный результат.

Это изображён за работой в своей обсерватории знаменитый датский астроном Тихо Браге, умерший триста пятьдесят лет назад, 24 октября 1601 года.

На небольшом пустынном острове у берегов Дании Тихо Браге построил замок с четырьмя высокими башнями. В верхних помещениях башен не было крыш. Там стояли направленные к небосклону различные астрономические приборы. Это была самая большая обсерватория Европы.

Свой замок Тихо Браге называл «Крепость неба». Здесь учёный провёл больше двадцати лет, неотступно наблюдая за небесными телами.

Телескоп ещё не был тогда изобретён. Но Тихо Браге придумал много своих инструментов и с такой неутомимостью и тщательностью вёл наблюдения за солнцем, планетами и звёздами, что добивался необыкновенно точных результатов. Например, длину астрономического года он определил с ошибкой в доли секунды.

Однажды, наблюдая за ночным небом, Тихо Браге увидел, что в созвездии Кассиопеи появилась звезда, кото-

рой раньше не было. Быстро разгораясь, она через несколько дней стала выделяться среди других звёзд. Вскоре новую звезду можно было разглядеть даже днём. А затем она стала тускнеть и исчезла.

Тихо Браге провёл много и других интересных наблюдений и собрал огромное количество сведений о небесных телах.

МАСТЕР ПОРТРЕТА

Вы, наверное, видели прекрасный портрет Пушкина, который обычно помещают в собраниях сочинений поэта. Пушкин стоит со скрещёнными на груди руками. Лицо его задумчиво и печально. Позади видна статуя богини поэзии с лирой в руках.

Этот портрет писал с натуры знаменитый русский художник, современник Пушкина, Орест Адамович Кипренский. В своём портрете художник не только сохранил для нас черты лица Пушкина, но и глубоко раскрыл духовный мир великого поэта.

Кипренский был сыном крепостного. Мальчиком его оторвали от дома и отдали в воспитательное училище при петербургской Академии художеств. Он проявил замечательные способности к рисованию, и это дало ему возможность поступить в Академию художеств.

Кипренский был превосходным портретистом. Среди художников-портретистов первой четверти XIX века он занимал первое место. Созданные им портреты рассказывают нам о характерах и душевном мире русских людей, живших в начале XIX века, в дни Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов.

Кипренский умер сто пятнадцать лет тому назад, 25 октября 1836 года.

ПЕВЕЦ НАРОДНОГО ГОРЯ

В школьные годы Владимира Ильича Ленина одним из любимых его стихотворений была «Песня бобыля». Эту песню написал замечательный русский поэт Иван Саввич Никитин.

Никитин прожил очень тяжёлую жизнь. Он был сыном разорившегося воронежского мещанина и служил дворником на постоялом дворе. Свои стихи он складывал, продавая извозчикам овёс и сено, под крик и брань разгулявшихся ямщиков. А под утро часто сжигал написанные строки, боясь показать их кому-либо.

О своей жизни Никитин писал:

Жизнь невесёлая, жизнь
одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь
терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь,
молчаливая,—
Горько она, моя бедная,
шла
И, как степной огонек,
замерла.

Но жизнь эта не прошла бесследно. Никитин оставил много прекрасных стихотворений, рассказывающих о тяжёлой доле трудового народа: ямщиков, дворовых, бурлаков, бедных крестьян. Поэт мог лишь мечтать о том времени, когда народ сбросит иго крепостного рабства, но он верил, что это время настанет:

Уж всходит солнце
земледельца!..
Забитый, он на месть
не скор;
Но знай: на своего
владельца
Давно уж точит он топор...

Никитин умер девяносто лет назад, 28 октября 1861 года. Но стихи его остались жить в народе, а многие из них стали народными песнями.

Цена 2 р. 50 к.

РАБОТЫ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ

Множество интересных моделей было представлено на выставке юных техников Московской области. Здесь вы видите некоторые из них: модель подъёмного крана, самолёта, электровоза, электротрактора и корабля-электрохода. О работах юных мастеров прочтите на странице 58.